

Марианна Красовская

Кухарка
ТАЙНОГО СОВЕТНИКА

Annotation

В тексте есть: сильная героиня, любовь вопреки, бытовое фэнтези
ОДНОТОМНИК

Мне сегодня исполнилось сорок, и я неудачница по жизни. Нет, это слишком сильное слово. Я просто никто.

Незнакомец из соцсети предлагает мне изменить жизнь. А почему, собственно, нет? Терять-то мне нечего. Сейчас кааак забросит меня в тело молодой и талантливой магички... Нет? Я и в новом мире останусь сорокалетней неудачницей без образования?

Ничего не поделать, придется выживать. Уж кухаркой-то работать я точно смогу.

- [Марианна Красовская](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Зимний сад](#)
-

Марианна Красовская
Кухарка тайного советника

Пролог

Я бодро ковыляла по лесу и выразительно материлась себе под нос. Под нос — потому что лес был не знакомый и кто его знает, какие здесь звери водятся. Я, конечно, только белку видела, но вдруг тут кто покрупнее есть? Не материться и вовсе не получалось, я все же не леди, а обычная женщина. К тому же безработная. Чуть ли не маргинал.

Удобнейшие в момент покупки кроссовки жали во всех местах. Ноги были мокрые и холодные — бодрящее сочетание. Куртка до пояса — тоже не самый удобный вариант для прогулки. Это в метро хорошо, тепло и не дует. А когда скачешь по кочкам, она постоянно задирается, оголяя поясницу. В моем почтенном возрасте за здоровьем надо следить особенно тщательно. К тому же почки не казенные, они и так значительно подпорчены неумеренным потреблением алкоголя и жесткой московской водицей. Не хватало мне сейчас их продуть. Тогда я точно вылечу с этого несчастного шоу на выживание.

Исходя из логики, меня не должны закинуть совсем уж в тайгу за много километров от цивилизации, да и растительность была наша, среднерусская. Сосны там, ели, папоротники всякие. Пару раз видела и грибы, похожие на съедобные. Но сырые грибы едят только белки и ёжики, а спичек у меня не было. Да и отличить белый гриб от ложного я не смогу.

Во всяком случае, организаторы не обманули: апатию и сожаления о прошлом как рукой сняло. Вон как скачу по кочкам, словно мне и не стукнуло вчера сорок.

Глава 1

«Ты нам подходишь»

— Не звони мне больше, слышишь? Я не хочу тебя знать. Никогда. Как ты вообще узнала этот номер?

— Маша, послушай...

— Забудь! У тебя нет дочери и никогда не было. Живи своей жизнью, а меня оставь в покое!

Я сжала телефон в руках, не в силах слышать ее голоса. Было больно. Говорят, время лечит. Это не так. Ни черта оно не лечит. С каждым днём всё больнее.

Маша, доченька моя! Почему ты так со мной?

Впрочем, мне ли не знать! Предала, продалась, прогнулась!

Я родила дочь в семнадцать лет от папиного друга.

Отец орал, мать рыдала. Еще бы — дочь мэра города, образцовая семья — и такой скандал!

Я ведь была такой тихой, такой послушной девочкой... Умная, как папа, красивая, как мама. Круглая отличница, участница конкурса мисс города. Не победительница — это было бы слишком вызывающе, но приз зрительских симпатий был мой. Я собиралась поступать в медицинский, выбрала вуз, занималась с репетиторами. И тут все планы пошли прахом.

Я так и не призналась, кто Машин отец.

Я сбежала из дома.

Я спала с парнями за кров и еду.

Я уехала в Москву с дагестанцем Замиром. Всё же я была по-прежнему молода и красива. Правда, оказалось, что в Москве у него не только братья, но и жена с детьми, но я была не в обиде. Он помог мне найти квартиру и устроил на работу в шашлычку.

Мне всегда нравилось готовить. Еще в родительском доме я научилась печь торты и даже ходила на несколько мастер-классов. Оказалось, торты могут приносить некоторый доход, особенно если у тебя на руках постоянно болеющий ребенок. Сначала мою выпечку заказывала родня Замира, потом я нашла работу в кафе поближе к

дому. Пару раз приносила торты на работу, руководство попробовало и ему понравилось. Через два года я была главным кондитером в кафе.

Машка много болела, росла капризным и упрямым ребенком. Сейчас я понимаю, что ей было мало моего внимания, вот она и закатывала истерики. Но мне едва исполнился двадцать один год, я неплохо зарабатывала, но очень уставала. Приходила домой, хотела посидеть в тишине, а дочь требовала с ней рисовать, играть, рассказывать сказки. Я была плохой матерью.

Когда Маша пошла в школу, наши отношения были далеки от идеальных. Мы почти не разговаривали, постоянно ссорились, спорили. Я пыталась покупать ей игрушки и красивую одежду, предлагала сходить в кино, но после краткого момента перемирия война начиналась с новыми силами.

Маша не любила учиться, не хотела делать уроки. Я, когда-то круглая отличница, не могла ее понять. Я видела, что учеба дается ей легко, но оценки все равно были хуже некуда. Единственное, что ей нравилось — иностранные языки. Я нанимала ей репетиторов, водила в языковые клубы. К десяти годам Маша сносно говорила на английском и начала учить итальянский. Казалось, всё начало налаживаться. У меня уже была кондитерская студия, я присмотрела небольшую квартирку в новостройке, дочка, кажется, начала прислушиваться ко мне. Но потом случилось самое страшное событие в моей жизни: Маша заболела. Врачи поставили диагноз: лейкоз. Нужна была терапия и, впоследствии, пересадка костного мозга.

Никакой квартиры я конечно не купила. Все финансы уходили на лечение. В один день я поняла, что не справляюсь. Подруги — у меня еще были тогда подруги — нашли клинику в Германии, где готовы были нас принять. Но у меня не было такой суммы денег, и даже кредит я взять не могла — ведь мне пришлось бы уволиться с работы и ехать с Машей в Дрезден.

Я позвонила родителям. Я клялась себе, что никогда не попрошу их о помощи, но в тот день я рыдала и выла в трубку, я готова была на коленях ползти из Москвы до их дома, только бы они спасли моего ребенка.

Они спасли.

Вот только потребовали, чтобы я отдала Машу им и навсегда исчезла из ее жизни.

Говорят, что не бывает безвыходных ситуаций. Бывают ситуации, выход из которых нам не нравится.

Я согласилась на их условия. Маша при таком раскладе получала лучшее лечение. У нее были высокие шансы выжить. Если бы я отказалась, она бы, скорее всего, умерла. Единственное, что я могла — заставить их пообещать, что они не будут мешать Маше учить языки. Быть переводчицей тоже неплохо.

Они думали, я ничего не буду знать. Но тетка, мамина сестра, регулярно писала мне письма и присылала фото. Я знала, что Машу вылечили, что она увлеклась бальными танцами и даже выиграла несколько конкурсов. Я знала, какие у Маши оценки и когда у нее начались месячные. Пару раз я ездила на ее выступления.

Иногда мне хотелось коснуться ее, обнять, услышать ее голос, но звонить ей было бессмысленно.

Училась она по-прежнему неважно, но уже знала итальянский и французский.

Тетка писала, что мои родители обожают Машу. Что ей с ними хорошо. Что она обо мне не скучает. Пусть. Главное, что она живая. Эта мысль и сейчас служит мне утешением.

Она живая, и она счастлива. Два года назад Маша вышла замуж за итальянца. Вчера тетка сообщила мне, что я стала бабушкой — Маша родила близнецов.

У нас в роду это нередкое явление: тетка с мамой тоже двойняшки. Я рада, что эта чаша миновала меня. С двумя я бы не смогла.

Я до боли хотела услышать Машин голос. Что ж, услышала.

Жизнь продолжалась, но без дочки она имела мало смысла. Кондитерскую студию я продала. Квартиру так и не купила — на что она мне? Проживу и в съемной. Было время, когда я много пила. Выкарабкалась, но хорошую работу потеряла. Теперь моя жизнь пуста. Я ни к чему не стремлюсь. Мужчины у меня нет. С подругами идем разными дорогами.

Я вышла на балкон и, свесившись через перила, поглядела вниз — на мокрый асфальт, блестящий в свете фонарей. Прыгнуть, что ли?

Нельзя, завтра на работу. Завтра банкет. Подставлю неплохих в принципе людей.

Вернулась в комнату, залезла в телефон.

Жаль, что Маша свою страницу Вконтакте закрыла. Раньше у меня хоть какие-то фотографии были.

Контекстная реклама снова и снова предлагала мне «изменить свою жизнь», «начать сначала», «уйти от проблем в другую реальность».

Но я давно для себя знала, что ничего в прошлом менять бы не стала. Самые печальные моменты в моей жизни так или иначе связаны с дочерью: тяжелые роды, скитание по подругам и мужикам, болезнь Маши. Я не хочу, чтобы что-то изменилось. Я просто счастлива уже тем, что она жива и, судя по всему, любима своим итальянцем.

Как я устала... выживать. Каждый день барахтаться. Москва — город не для слабаков. Не для таких как я — глупых доверчивых женщин со склонностью к алкоголизму. Но если прожил тут пятнадцать лет — уехать сложно. Привыкаешь к зарплате, к доступности благ цивилизации. В Москве не так уж и плохо с работой, во всяком случае лучше, чем в провинции. Особенно, если у тебя нет никакого образования, кроме пары прослушанных курсов по кулинарии. Ой, ладно, кому я вру. Поваром я в любом городе могу устроиться. Только зачем? Мне сегодня исполнилось сорок лет. И я совершенно одна.

У меня нет никаких целей в жизни.

Я растеряла всех подруг.

Моя единственная дочь меня ненавидит.

Я хочу выпить. Прямо сейчас. И что с того, что алкоголя у меня в квартире нет? Снизу есть круглосуточный магазин.

С бутылкой водки жалеть себя будет значительно приятнее.

Уйти от проблем в другую реальность — это наркотики что ли? Не, это слишком дорогой способ самоубийства. Хотя, наверное, приятный.

Я накинула плащ и надела резиновые сапоги, задержавшись у зеркала в прихожей.

Хороша!

Коротко остриженные волосы непонятного бурого цвета, ввалившиеся глаза, длинный нос. Когда я последний раз ела? Вчера утром на работе? А до этого? Позавчера утром на работе.

Себе я давно ничего не готовила. Черный хлеб, шоколадка Альпен Гольд — 43 р. по акции, иногда йогурт. Мне хватало.

Отражение меня напугало. В зеркале отражалась изможденная страшная тетка лет пятидесяти с хвостиком.

Наверное, это было последней каплей. Я съехала по стенке на пол, сжалась в комочек и разрыдалась — громко, с подвываниями, с всхлипами. Все же я надеялась, что дочь со мной хотя бы поговорит.

А сейчас... сейчас у меня в груди словно дыра. И ничем ее не закрыть.

Слезы иссякли, а дыра осталась.

Вытащила телефон из кармана, нашла навязчивый рекламный пост про другую реальность. Нажала на кнопку «сообщение».

— Вы одиноки? Ваша жизнь не имеет смысла? Хотите что-то поменять? Если да, напишите нам.

Что написать? Начну с простого:

— Привет.

Ответ пришел мгновенно:

— Привет, Ольга. Тебе плохо?

— Да уж ничего хорошего

— Позвони друзьям, родным. Одиночество губительно для людей.

— У меня никого нет

— Серьезно? Так бывает?

— Я сирота

— И сколько тебе лет, сирота?

— Сегодня исполнилось 40

— Многовато... Ну поздравляю что ли. Здоровья тебе, Ольга, и долгих лет жизни!

— Зачем?

— Всё понятно, Ольга. Хочешь уйти? Хочешь, я помогу изменить жизнь так, что прошлое будет казаться сном?

— Надеюсь, не кошмарным? *смеющийся смайлик*

— Как знать... всё зависит от тебя. Ты хочешь начать новую жизнь?

— Кровью подписываться не буду. И душу не продам

— А ты с юмором. Это плюс. Готова ответить на несколько вопросов?

— Это обязательно?

— Да!

— ОКэй

- Ты русская? У тебя в порядке документы?
- Да на оба вопроса
- Образование?
- Кулинарный техникум
- Бессовестно вру, но писать «средняя школа 21» стыдно.
- Прекрасно! Работаешь? Где?
- В кафе поваром
- Твой вес?
- Интересные вопросы. 54 кг.
- Так мало?
- Ну уж сколько есть!
- Хм. Ну попробовать можно. Жильё?
- Съемная хата
- Терпимо.

У меня звонит телефон: Гаюля. Мы зовем ее Галя, но в телефон я занесла полное имя — мало ли что случится.

— Ольга, завтра не выходи, — быстро говорит моя сослуживица. — У нас хозяина взяли за наркоту, кафе прикрыли. По ходу навсегда. Денег не дали пока, может когда-нибудь...

— Постой! — перебиваю я. — А свадебный банкет?

— Не повезло ребятам, — спокойно отвечает Гаюля. — Всё, пока.

По-русски эта маленькая татарка говорит правильнее, чем половина наших работников. Хорошая женщина. Из наших никто не предупредил.

Со вздохом открываю диалог:

— Привет еще раз. Теперь я безработная.

— Очень хорошо.

— Серьезно?

— Да. Ольга, у тебя есть проблемы с законом, кредиты, долги?

— У меня вообще никаких проблем нет. Я никто. Меня не существует.

— Ты нам подходишь. Мы свяжемся с тобой в ближайшее время.

— Эй, ты что? Кто вы такие вообще?

Абонент ограничил отправку сообщений

Куда я только что вляпалась? Хорошо, что адрес не написала и скан паспорта не отправила.

Одна радость, что эта болтовня немного меня успокоила. Я встала с пола, разделась и поплелась на диван. Как-нибудь переживу без выпивки. По телеку шла какая-то ерунда. Глаза после нервного срыва закрылись сами.

Глава 2

Чек-пойнт

Проснулась я от холода. В лесу.

В осеннем лесу. Когда я хотела изменить свою жизнь, я, признаться, думала о другом: ну там о вилле на Гавайях или в крайнем случае о пансионате в Подмосковье. Всё понятно, это шоу. Меня снимают. Выкрали из квартиры, перетащили в лес и в прямом эфире обсуждают, какая я идиотка. Надеюсь, в конце пути меня ждет солидный денежный приз. Если он будет, конец пути. Внезапно я вспомнила все те книги, которые я зачем-то читала, типа «Голодных игр» или «Путь воина». Неужели меня могут просто закинуть в лес и делать ставки, сколько я продержусь? В современном мире может быть всё, что угодно. Вполне возможно, я здесь не одна. Может нас тут сразу десять негрятят. Похоже, моя задача — выжить и выйти к людям. Спасибо, что хоть кроссовки и куртку на меня надели, а не выкинули в том, в чем я уснула.

Хотелось плакать и ругаться матом, но мысль о том, что меня показывают в прямом эфире, не позволяла раскиснуть. Сдохну, но выживу. Хм, это называется оксюморон. Со школы помню. А аттестат за одиннадцатый класс я так и не получила.

Представляю, как про меня рассказывает ведущий: Ольга, 40 лет. Образование 9 классов. Безработная. Алкоголик. Истеричка. Хотя нет, первых трех пунктов хватит.

Лес был сухой, сосновый. Земля под ногами, усыпанная хвоей и покрытая желтым мхом, мягко пружинила. Небо над головой синее-синее, без единого облачка.

Я городской житель, и в лесу последний раз была лет тридцать назад. То есть, можно сказать, никогда не была.

Когда-то я считала себя оптимисткой. Смотрела в будущее с надеждой, радовалась мелочам. Любовники говорили, что со мной легко.

Вот и сейчас откуда-то из потаенных глубин души выплеснулось забытое ощущение. Я не сразу поняла, что это восторг. Лес был прекрасен. Запах сосен кружил голову, вытесняя из легких

прописавшийся там московский смог. Дышалось настолько легко, что в голове звенело.

Я ходила и трогала чешуйчатые сосновые стволы. Я утыкалась в них носом, жадно вдыхая запах смолы.

Боже, я и не забыла, что природа может быть такой живой, настоящей, чистой.

Стоп!

Чистой!

Ни бумажки на земле, ни пакета какого-то. В небе нет следов от самолетов. Куда, в какую глушь меня закинуло?

В голове настойчиво заиграла песенка:

«Десять негрят пошли купаться в море.
Десять негрят резвились на просторе,
Один из них утоп, ему купили гроб,
И вот вам результат стало девять негрят»

Так, Виноградова, успокойся. Отставить истерику! Спой что-нибудь другое!

Типа «Весь мир у наших ног, мы звезды континентов»...

О да, под бодрую песню шагалось веселее.

Вспомнив свои школьные познания по биологии, я довольно быстро определила, где север. Вот только это было совершенно бессмысленно. Я пошла на юг, во-первых, потому что надо было куда-то идти, а во-вторых, хотелось тепла. Я уже основательно подмерзла.

Вообще-то в таких шоу обычно дают спички и компас. Наверное. Карманы куртки были абсолютно пустые.

По моим прикидкам прошло около двух часов — недостаточно, чтобы смертельно устать, но вполне хватило, чтобы ругаться матом вслух, громко, с удовольствием, — когда я почувствовала горький запах дыма.

Жильё?

Было страшновато. Неизвестно, куда меня этот запах выведет. Может, здесь какое-нибудь зэки костер жгут. Может, тут лесоповал недалеко. А может, избушка на курьих ножках, ха-ха!

Идти источнику дыма оказалось проще, чем я предполагала. Шаг в сторону — и запах меньше. Идешь прямо — вроде усиливается. Я даже взбодрилась.

Совсем скоро я вышла на просеку, где стоял небольшой бревенчатый дом, из трубы которого и валил дым. Дыма было даже слишком много. Даже мне, городской жительнице, было понятно, что это непорядок.

Я так понимаю, домик — мой чек-пойнт? Тогда почему он горит? Очередное испытание? А вдруг там люди?

Дом был не похож на временку, скорее на довольно старое, но ухоженное жилище какого-то лесника. Стены были серые, щели между рассохшимися бревнами заткнуты бурым мхом, а кое-где ближе к земле мох был на бревнах вполне зеленым. Окна небольшие, крыша крыта каким-то дерном.

Я подбежала к дому, с трудом распахнула тяжелую деревянную дверь, откуда, надсадно кашляя, вывалился человек. Очевидно, надышался дыма и ослабел так, что не смог выбраться самостоятельно. Человек был старым, седым и с бородой, но совсем не маленьким, не сухим. Я едва не надорвалась, таща эту тушу подальше от избушки. Живой и ладно.

Заглянула в домик — там очень дымно, но огня не видно. Значит, проблема в печке, из которой этот дым и валил. Что делать с печкой, я не знала, я вообще печку первый раз в жизни видела. Единственное, что я сообразила сделать — это раскрыть пошире дверь, схватить с лавки какую-то тряпку и начать разгонять серую хмарь. Хорошо бы окна открыть, но скорее всего, их только с рамами выставить можно.

Мне повезло. Что бы там не горело в печке — оно закончилось. В комнате стало свежо, дым почти ушел. Надо поглядеть, что с дедом. Не простыл бы на холодной земле.

Дед уже сидел, мотая головой. Я внимательно присмотрелась к нему. Опасным он не выглядел, но кто знает? Видимо, я погорячилась, назвав его стариком. Он был на вид крупным и сильным, хоть плечи уже сутулились и лицо покрыто морщинами. Я бы дала ему лет семьдесят, не больше.

— Дед, ты в порядке? — осторожно спросила я.

Он что-то промычал, закатил глаза и упал.

За-ши-бись!

Я решилась подойти и прикоснуться к нему. Ба, да он пылает как труба у паровоза (помню, в детстве руку ошпарила)! У деда жар. Простыл, видимо. Я не врач, но температура, наверное, под сорок. Надеюсь, в домике есть телефон, и можно вызвать скорую помощь.

Бурча под нос про неугомонных пенсионеров, я приподняла старика, закинула его безвольную руку на плечо и потащила обратно в дом. Интересно, на лавку его или куда? Хотя на печку мне его всё равно не затаранить.

Оля, будь оптимисткой! Ты нашла жильё. Ты умеешь сбивать температуру — любая мать умеет. А еще ты сильная и выносливая. Потому что, что ни говори, ты женщина не слабая. 179 см — это вам не Дюймовочка. Это практически модельный рост. Вот что бы сделала на твоём месте татарка Гаюля, которая ростом метр пятьдесят два, и то на цыпочках?

Ну и что теперь делать? Оглядела жилище. Как и подозревала — никаких признаков цивилизации. Электричества здесь явно нет. Зато есть вода в бочке у двери, какие-то травы висят в вениках над лавкой, на грубом столе у окна глиняный горшок. Организаторы шоу, конечно, постарались — всё аутентичное. Прямо-таки ручная работа. Хэнд-мейд, чтоб его!

Дед в себя не приходил. Тяжело вздохнув, принялась его раздевать. От одежды воняло потом, она была тяжелая, заскорузлая. Интересно, а в туалет он как-то доходил? Углядела у печки сундук, нашла в нем чистые вещи: мягкую холщевую рубаху и такие же штаны. Наверное, исподнее. Сомнительной чистоты тряпкой, висевшей на веревке, обтерла деда, передела его в чистое. Он начал крупно дрожать. Укутала в найденную на печи дубленку.

Надо его напоить, наверное. Чайника, конечно, здесь не было.

Заглянула в горшок, скривилась. Что бы там ни было до этого, сейчас внутри зарождалась новая цивилизация. На столе нашлась большая ложка. Выскребла содержимое в помойное ведро, найденное в предбаннике. Заодно и поняла, куда дед ходил в туалет. Кое-как вымыла горшок в корыте, которое лежало под лавкой. Будь я дома, я бы прошла хозяйственным мылом, но пришлось обойтись водой и золой из печки. Кстати, шайтан-устройство оказалось проще, чем я думала: в одну дырку надо было засовывать дрова, в другую — ставить горшки. Зола выгребалась из щели снизу.

Деду, как я понимаю, все равно, а мне дико хотелось есть. И пить. Желательно, спиртного, но и горячий чай сгодится. Меня уже ошутимо потряхивало от холода, волнения и усталости.

Изба была устроена очень рационально. Не знаю, какие они были раньше, но эта явно строилась современным человеком.

Дом поделен на три неравных части: предбанник, он же прихожая, главная комната (гостиная, столовая и спальня — три в одном) и закуток за печкой. В закутке лежали тюфяк и одеяла — на вид довольно чистые, но провонявшие дымом. В общем — такая квартира-студия, сильно косящая под раннее средневековье где-нибудь в Европе или стандартное жильё в глухой русской деревне.

Так, ночевать я буду здесь, в запечье. Деду и на лавке хорошо. Одеяла вытащила на воздух проветривать. Еще в закутке обнаружился вместительный ларь, в котором я с радостью нашла картофель, морковь и капусту. Жизнь определенно налаживается!

В основной части дома был стол (довольно грязный), два грубых табурета, широкая лавка, где сейчас лежал хозяин, сундук и несколько полок. Места немного, но разойтись можно. На полках нашлись соль, сахар, бутылка с маслом и даже варенье. И куча непонятных маленьких горшочков и склянок разной формы с надписями на непонятном языке.

Нашлась и чистая посуда: три глиняных тарелки, две деревянных миски, несколько ножей разного размера, керамические чашки весьма приличного вида и еще три горшка разной высоты и диаметра горлышка, но близкой пузатости. Рационально — ухват-то один, и подходит ко всей утвари. А еще я нашла великолепную чугунную сковородку — совершенно новую, ни разу не использованную. А сковорода, как известно любой хозяйке, — вещь универсальная. Хочешь, картошку жарь, хочешь, от насильников отбивайся.

В небольшой горшок налила воды и покидала знакомые травы: мяту, листья малины и липовый цвет. Остальное я идентифицировать затруднялась. Сунула горшок в печь.

Напихала еще дров — немного. Мало ли, опять задымит. Но печь вела себя прилично. С едой было проще — почистить и порезать картошку я могу с закрытыми глазами любым ножом. Обнаруженный на столе кусок сыра сомнительной свежести (уже подсохший, но еще не дошедший до состояния «дор-блю») отправила туда же.

Вытащила отвар трав, засунула горшок с едой. Запах скоро поплыл умопомрачительный, даже старик ожил, заворочался. Вот что картофель животворящий делает! Шах и мат, доктора! Повар тоже умеет в чувство людей приводить.

Налила в чашку отвара, разбавила холодной водой и поднесла деду. Фыркая и захлебываясь, он выпил две чашки, после чего снова отвалился. Жар, мне показалось, стал поменьше, но на всякий случай я намочила тряпку и плюхнула ему на лоб. Пока варилась картошка, я, гордо игнорируя бурчание в животе и глотая слюни, провела ревизию сундука. Извини, дед, ничего личного. Мне надо переодеться. Нарядилась в широкую рубаху и штаны, подпоясалась куском веревки. В доме было уже тепло, хотя по ногам сквозило. Нашла на печке восхитительно теплые валенки, засунула ноги и едва не застонала от блаженства. Все же человек — венец творенья. Валенки изобрести мог только человек. А овца, дающая шерсть — его лучший друг. Вымыла стол, протерла рамы, затащила обратно холодные, но свежие одеяла. Без мобильного телефона и телевизора время тянулось как размякшая жвачка.

Наконец я сочла обед готовым и вытащила чугунок. Боже, еда из печки — это нечто феерическое! Великолепное! Дас ис фантастиш! Помяла в миске картошку и решила попытаться накормить деда.

— Давай не притворяйся, — строго сказала я. — У тебя один глаз открыт. Надо поесть хоть немного. Понимаю, что аппетита нет, но силы откуда-то брать нужно.

Дед закашлялся и замотал головой, но я была неумолима. Приподняла его, подсунула подушку под плечи и поднесла ложку ко рту. Он хотел что-то сказать, но не успел — я уже впихнула содержимое ему в рот. Все-таки у меня есть какой-никакой опыт кормления маленького ребенка.

Сверкнул гневно глазами и принялся жевать. А что сделать, не выплевывать же такую вкуснятину? Кстати, у него отличные зубы для его возраста. Прожевал, открыл рот, но снова получил картошку. После этого дед, видно, смирился и прекратил сопротивление, жевал довольно бодро.

Эх, мяса бы! Я бы еще бульон сварила. При простуде бульон — первое дело.

Наконец дед сжал губы и замотал головой. Понятно, наелся. Потрогала его лоб — всё равно горячий. Он попытался мне что-то сказать, но только свистел и шипел. Голоса нет, ага. Ларингит, похоже. Хорошо, если не немой — вот будет засада.

— Значит, так, — сказала я. — Я буду говорить, вы кивать. Или мотать головой. В туалет надо?

Дед явно задумался. Хм, дотащить-то я его дотащу, но я всё же женщина и предпочла бы, чтобы он решил этот деликатный вопрос без меня.

Нерешительно помотал головой. Фу-х!

— Что-то подать?

Кивает.

— Пить?

Нет.

— Лекарство с полки?

Да-да!

Ну догадаться не сложно — тут кроме банок на полке ничего интересного нет. Дальше совсем просто: по очереди показывала на баночки, пока не дошла до нужной. В пузатой склянке маслянисто мерцала красивая изумрудная микстура. Запах был сногшибательный — пробовали ракию? И я не пробовала. Но нюхнуть довелось: анис, травы и спиртовой дух. Под чутким руководством дала деду ложку зелья, он выпил и снова завалился на лавку. Уснул. Я поправила на нем доху и присела за стол.

Похоже, я на этом пункте застряну. Двигаться куда-то без моего проводника не рискну. День длинный, делать нечего, стоит осмотреться. Прямо как в квест-комнате — поищу-ка я ключи. Дед вроде крепко спит.

Обшарила ларь с овощами — заодно перебрала картошку и выкинула пару гнилых морковок. Перетрясла сундук с одеждой, прощупала тюфяк за печкой, слазала на саму печь. Нашла еще одни валенки, кстати, чему весьма обрадовалась.

Внимательно осмотрела предбанник. Когда обнаружила крышку подпола, чуть не закричала от радости. Однако никаких ключей или подсказок там не было, зато был ледник с мясом. Лучше, чем ничего. Отломала от льда кроличью тушку — то есть я надеялась, что это

кролик, а не кошка. Впрочем, мы всё же в лесу, здесь зайцы или кролики попадают чаще.

Долго думала, как побыстрее разморозить — целая тушка в горшок не влезала, а рубить мороженое мясо мне сил не хватит. Положила в самую большую миску и поставила на печку. Немного прогулялась вокруг избушки, обследовала ближние окрестности. За домом был дровяной сарай. Недалеко нашла ручей, чему несказанно обрадовалась. Ручей довольно глубокий — по колено будет, быстрый. Как говорится, вода — источник жизни на земле. Можно здесь посуду помыть будет. Хотя сейчас начало октября, вода ледяная. А зимой замерзнет всё. Надеюсь, я здесь ненадолго и не узнаю, как выходят из положения в зимнее время. Хотя снег же есть, можно растопить его.

Вернулась в дом, проветрила избу, помыла полы. Воду выплеснула у крыльца. Это не помой, ночью звери не набегут.

Глава 3

Дед Егор

Давно я не спала так крепко и сладко, как в эту ночь. Не помешал ни волчий вой (ой, мамочки, я же днем по этому лесу ходила!), ни разразившаяся гроза.

Проснувшись от грохота ведер. Дед самостоятельно встал с лавки и пошел до ветру. К счастью, упало не ведро для справления естественных надобностей. Убирать-то пришлось бы мне.

Переоделась в свои шмотки за печкой, чтобы хозяина не сердить, только валенки на кроссовки менять не стала. Когда я выбралась из закутка, дед сидел на лавке, нахохлившись, и дрожал. Не удивительно — печь остыла, а другого источника отопления в избе нет.

— Ты кто такой? — проскрипел он.

— Меня зовут Ольга, — ответила я. — Я тут... в общем, пришла, а у вас дым.

— Ты женщина что ли? — удивился старик. — А чего стриженная и в портках?

На всякий случай я скосила глаза на грудь. Вроде женщина. Ах да, я ж в туалет ходила по-девчачьи. Пол мне, слава Богу, не поменяли.

— Так удобнее, — туманно ответила я. — Как вы себя чувствуете?

Подошла, потрогала лоб — прохладный. Хорошие у него микстуры, действенные.

— Жар спал, — сообщила я, как будто он сам не понял. — Чаю заварю сейчас и еду погрею. Лежите, вам надо отдыхать.

— Как будто меня кто палками бил, — пробормотал дед. — Всё тело ломит.

— Я не била, — на всякий случай сказала я. — Говорю ж, лежите.

Помогла ему лечь, укрыла дубленкой. Сходила в сарай за дровами, протопила печь. Вот тебе и москвичка! С печью управилась на раз! Ладно, устройство не сложное, но собой я гордилась.

— Дед, а город отсюда далеко?

— Город? Который? Если Кобор, то далече, верст сорок. А Оскол и того дальше. Деревня рядом, Лесняки.

Блин, я и названий-то таких не знаю.

— А до Москвы сколько?

— Москва? — удивился дед. — А что это? Страна какая?

Приехали!

— Россия.

— Не слышал о такой.

— Украина? Белорусь?

— Первый раз слышу, — покачал головой дед.

— А это какая страна? — решила подыграть я.

— Орасса.

Спасибо, организаторы шоу. Всё круто. Даже новую реальность забабахали. Представляю, какой бюджет.

— Я понял, — внезапно сказал дед. — Ты из другого мира. Всё правильно, я тут в некотором роде привратник. Давно никого не было, вот и позабыл.

Ну-ну. Как-то неубедительно играет, не верю.

Достала с печки кролика, разделала, закинула в горшок с овощами, отщипнула от веников на стене сушеного укропа. Орасса, с ума сойти! Погрела картошку, разлила травяной чай в кружки.

— За столом поедите или подать? — спросила у хозяина. — Я у вас из холодильника кролика взяла, не обессудьте. Жаркое сварю.

— Это заяц, — ответил дед. — Сюда давай.

Заяц так заяц, главное, что не кошка.

Поели молча, не глядя друг на друга.

Вот интересно, где спрятаны камеры? Я вчера тут все облазала, не нашли никаких признаков развитой цивилизации. Ведь для работы камер нужны хоть какие-то источники питания, правда? Хотя китайцы какой угодно аппарат сделать. Например, в виде мухи. Только дороговато что-то шоу получается. Даже страшно, что они еще придумают.

— Спасибо, — нарушил молчание дед. — Ты вкусно готовишь. Может, и печь умеешь?

Умею ли я печь? Ха-ха! Видел бы ты мои торты!

— Конечно, умею, — кивнула я. — Только муки не нашла.

— Будет мука, — сказал дед. — Попрошу деревенских принести. Достань мне вчерашней настойки.

Дед принял свое лекарство и с интересом принялся меня рассматривать.

— Что дальше делать будешь? Куда идти, решила уже?

— В смысле? Разве не вы мне должны вектор задать? — удивилась я. — Вы же этот... Привратник. Проводник. Первая контрольная точка.

Дед странно на меня посмотрел.

— Ольга, а у тебя с головой всё в порядке? — осторожно спросил он.

— У меня всё отлично, — отрезала я. — А вот у вас как-то всё не организовано. Тут вон волки водятся. А я одна по лесу шла. Это что, часть шоу? А дымовуха и больной привратник — это так и задумано, или мне просто повезло? Ну ладно, тут типа глушь лесная, ни электричества, ни водопровода. Но уж хоть баню-то сделать можно? Я ж женщина, мне надо гигиену соблюдать.

— Ты думаешь, что это понарошку? — улыбнулся дед. — Вынужден тебя разочаровать. Ты в другом мире. И ты здесь совершенно одна. Иди куда хочешь, будь кем хочешь.

— Да, я тоже фэнтези люблю, — усмехнулась я. — Только обычно там закидывает в тело молодой красивой нимфы с редким магическим даром. А я что-то не замечаю у себя способности создавать порталы или зажигать огонь взглядом.

Дед хрипло рассмеялся, закашлявшись в конце. Подала ему теплого чая.

— Захотела, девонька! — наконец сказал он. — Порталы ей! Для порталов учиться надо. Там такие пространственные потоки, что не каждый опытный маг справится. Да и откуда в тебе магический дар? Ты же родилась в этой самой... Москвии.

— В России, — поправила его я. — Москва — это город такой, столица.

— Большой город-то?

— Большой, несколько миллионов человек.

— Ты из развитого мира, значит, — кивнул дед. — Оно и видно. Речь грамотная, одежда добротная, волосы вон стриженные. Книжки читаешь, про водопровод знаешь. Тяжело тебе будет. Водопровод не в каждом доме есть, в деревне и вовсе не слыхали про него. Ты поди дрова не рубила, воду не таскала, руками в речке не стирала.

— Я смотрю, вы тут не по-детски заморочились с погружением в реальность, — вздохнула я. — А мужики что делают? Они воду

принести и дров нарубить не могут?

— Не веришь... Ну ничего, никуда не денешься, поверишь. Воду пока сама носи, я еще слаб после болезни. Дрова в сарае есть. Поживешь у меня, пообвыкнешься. Девка ты, я вижу, хорошая, работающая, разумная. От такой в хозяйстве сплошная польза. Без магии, конечно, но не всем же магами быть. В прошлый раз огневик был, чуть не спалил мне избу.

— Давно прошлый раз был? — улыбнулась я. — Часто у вас тут... гости?

— Такие как ты — второй раз. Огневик был лет двадцать назад, когда я только здесь поселился.

— Один раз в двадцать лет — негусто.

— Переход между мирами открыть — дело очень сложное. Для простых людей его не открывают, только для очень важных.

— Важных кому? — приподняла я брови.

— В корень зришь, — похвалил дед. — Сильный маг, конечно, может для близкого человека открыть переход, но обычно это делается для королевской крови. Двадцать лет назад в другой мир сослали второго сына короля Орассы. Он организовал заговор против отца и брата. Казнить пожалели, всё же родная кровь. Из тюрьмы можно выйти, из ссылки интриги затеять. А из другого мира не дотянуться. Вот и отправили его, пускай там власти добивается.

— Там — это где?

— Понятия не имею, мне не докладывали, — фыркнул дед.

— А такое чувство, что вы при этом присутствовали, — заметила я.

— У меня свои источники, — пожал плечами дед. — Погоди, узнаем и кого тобой заменили. Рано или поздно всплывет. Не так уж и сложно вычислить. К примеру, сразу понятно, что женщину. Наверное, небольшую. Ты хоть и высокая, а тощая как палка. Вот они намучались.

Он даже хихикнул.

— А при чем здесь вес?

— Вес должен быть примерно одинаковым, — сказал дед. — Закон сохранения массы. Погрешность не больше килограмма.

— Ну я еще не самый плохой вариант. Была б на моем месте какая анорексичка — было бы сложнее.

— Кто? — не понял дед.

— Девушка крайней истощенности.

— Женщина должна быть округлая в стратегически важных местах, — назидательно сказал старик. — Костлявая жена — это некрасиво и в постели неудобно.

А дед-то ходок! Возможно, и сейчас у него всё функционирует, вон какой здоровый! Ну ладно, я всё равно не в его вкусе.

— Сколько тебе лет, Ольга?

— Сорок, — не стала ломаться, чай не девочка.

— Сколько? — удивился дед. — Выглядишь неважно.

А вот сейчас было обидно. Нет, я и сама знала, что не красавица, но все же зачем так сразу? Когда-то я была красива, и сейчас порой забывала, что те времена остались в далеком прошлом. В молодости и волосы у меня были шикарные, и фигура прекрасная, и кожа гладкая, нежная. С тех времен только зубы и сохранились, слава Богу, в полном составе. Ну два имплантанта спереди не в счет, мне их один мой мужик выбил. Сам выбил, сам оплатил лечение. Если бы я вдруг поверила, что действительно переместилась в другой мир, то очень бы этому факту порадовалась. Нет зубов — нет проблем.

— Дед, а как здесь зубы лечат? — не удержалась я.

— У меня вообще-то имя есть, — заметил старик. — Зови меня Егор Матвеевич. А про зубы я тебе потом расскажу, устал я.

Конечно, устал! Вчера еще пластом лежал, а сегодня уже сам поднимается.

Дед уснул на лавке, а я, подумав, взяла ведра и пошла на ручей за водой. Сидеть без дела скучно. Нагрела воды, затащила за печку корыто, помылась. Спасибо, родина, за закалку. В сезон отключения горячей воды я виртуозно научилась управляться с тазиком и ковшиком. Всё-таки российская действительность — это великолепная школа жизни. Обычно русская женщина с детства умеет готовить из любых продуктов, стирать руками, мыться в тазике, имеет кой-какие познания о народной медицине, умеет вязать, шить, да еще работать и растить детей одновременно со всем вышперечисленным. Я всё это умела.

Детство, конечно, у меня было беззаботное. Сама я ни разу не прикасалась к грязной посуде или одежде, понятия не имела, откуда берется колбаса и хлеб на моем столе, а как сбежала из дома —

хлебнула по-полной. Сейчас я понимаю, выжила тогда — выживу в любой ситуации. Страшнее времени в моей жизни не было. С грудным ребенком на руках, в квартире у случайного приятеля, где из мебели только продавленный диван, который он благородно уступил мне с дочкой, да пара стульев. Ни стиральной машины, ни пылесоса — только поцарапанное красное пластиковое ведро и дребезжащий холодильник. Стирала пеленки руками, развешивала на веревках в коридоре. Первый месяц у меня даже не было коляски, это потом кто-то из подруг прикатил огромный тяжелый «трансформер» после младшего братишки. Я и такой была рада.

Странное дело, тогда мне казалось, что у меня всё хорошо. Есть еда, есть пеленки, есть крыша над головой и даже горячая вода в кране — и ладно. То ли молодая была, то ли просто глупая. Сейчас я бы взвыла, окажись я в такой ситуации, да еще и с ребенком. Вот вроде в последнее время богато не жила, а и до откровенной нищеты не докатилась. Даже здесь обстановка роскошнее, чем в те грустные времена.

Внезапно я поняла, что лес, изба и отсутствие народа рядом доставляет мне истинное удовольствие. Не надо никуда мчаться и слушать чужие разговоры. Чужие беды — огромная проблема современного мегаполиса. Едешь в метро — слушаешь, как справа упитанная тетка рассказывает телефонной трубке, какая сука ее невестка и как она заставляет ее бедного Владичку стирать носки вручную. Прямо в раковине, настоящим мылом. Слева две девицы обсуждают очередного хахалю. В автобусе ведутся беседы о низких пенсиях, о болезнях детей, о зловонных свекровях, об учебе и о ценах в магазине. Потoki ненужной информации льются из радио, из телевизора, из социальных сетей. Иногда создается впечатление, что развод звёздной пары или новая грудь поп-дивы волнует всю страну.

На работе повара и подсобники обсуждают исключительно личную жизнь, как свою, так и чужую. Кто с кем спит, кто на кого смотрит, кто кому изменяет, у кого дети лоботрясы, а мужья — диванные обитатели. Я бы, может, поговорила о парижской любви Маяковского или творчестве раннего Бродского, о библиотеке Ивана Грозного или о последней любовнице Петра 1 Марии Кантимир, но с кем? С татаркой Гаюлём? С су-шефом Акипяном? С Леночкой Полозовой, которая по вечерам смотрит Дом-2? Я вроде и школу не

закончила, и образование у меня никакое, но хочется чего-то более возвышенного, что ли.

Когда-то моим собеседником была Маша, я любила рассказывать ей самые неожиданные факты об окружающем мире, о живописи, о поэзии, об истории. Мы по вечерам читали энциклопедии и мечтали, как мы съездим в Рим и увидим Колизей, или хотя бы в Кижии. Из писем тетки я узнала, что Маша побывала и в Париже, и в Баварии, и в Риме, и в Венеции — с моими родителями. Я была за нее очень рада, но... Без нее мне даже в любимый Питер не хотелось ехать. Да и с деньгами был напряг.

Интересно, настанет ли когда-нибудь день, когда меня отпустит эта боль?

Глава 4

Жизнь в лесу

На следующий день к нам заявились гости. Дед, услышав голоса за дверью, кряхтя, слез с лавки, велел мне не высовываться и вышел к ним. Вернулся за какой-то склянкой и снова ушел. К вечеру у нас на крыльце появилась корзина с яйцами, завернутая в женский платок.

Всё это было торжественно вручено мне.

— Без платка к людям не выходи, — сказал Егор Матвеевич. — У нас волосы стригут гулящим бабам. Платье бы тебе еще, но пока нету.

Я пожалала плечами. На улице к вечеру было довольно морозно, и платок на голову меня только порадовал.

Сегодня дед был еще бодрее, чем вчера. Он самостоятельно переоделся в чистое, вынес ведро с помоями и затопил печь.

— А что было в прошлый раз? — поинтересовалась я. — Когда дым валил из всех щелей?

— Наверное, ворона в трубу залетела, — махнул рукой дед. — Бывает такое. Если б я не простыл, ничего страшного не случилось бы. Вот что, Оляха, сделай хоть яичницу. Яйца выздоравливающим полезны.

Он переименовал мое имя по-своему, а мне даже нравилось.

— Егор Матвеевич, а почему вы сразу лекарство не приняли?

— Думал, справлюсь и так, — проворчал дед. — Немного у меня запасов, хотел для деревенских приберечь.

Дед позиционировал себя как знахаря. Через пару дней даже потащил меня в лес собирать какой-то полезный от радикулита мох. В лесу он знал каждый кустик, каждое дерево. Показывал мне беличьи кладовые, птичьи гнезда, силки на зайцев. Кстати, не пустые. Зайчатины у нас на леднике прибавилось.

Уже ощутимо холодало. Не настолько, чтобы ходить по лесу в валенках, но и в кроссовках с короткой курткой зябко. Если б не этот факт, я бы с удовольствием задержалась здесь подольше. Эта простая жизнь мне несказанно нравилась. Я даже начала подумывать, что нет никакого шоу, что меня просто привезли в лес где-то в глубинке и бросили. Только зачем? Нужны мои документы? Кроме документов и

скудного имущества и нет у меня ничего. Да и выдумки эти про другой мир слишком безумные. В общем, надо бы двигаться дальше, а то к зиме будет совсем не весело.

Дед, впрочем, разговаривать об этом отказывался. Видимо, я что-то делала не так. Он упорно твердил про свою Орассу и кормил меня байками. К примеру, про местную стоматологию. Зубы здесь якобы не лечили, а удаляли при необходимости. Маги могли вырастить новые, хотя это непростой и болезненный процесс. Егор Матвеевич даже продемонстрировал мне свою обновленную челюсть с идеальными зубами без намека на пломбы. Подумаешь, у меня два передних такие же. Попробуй отличи от настоящих.

Или вот политическая картина.

Правил в Орассе король, хотя королевство было не слишком и большим. Впрочем, Франция тоже маленькая, а Бонапарт вообще называл себя императором. Король был женат, имел жену, двоих дочерей и малолетнего сына. Войн ни с кем из соседей не затевал, слыл прогрессивным правителем, активно лоббировал техномагию. Говорят, крупные города при нем расцвели. Хотя еще при его батюшке (чей второй сын двадцать лет назад затеял заговор) в городах установили газовые фонари и начали внедрять систему водопровода.

На мою ехидную просьбу продемонстрировать пару магических трюков Егор Матвеевич печально ответил, что магом не является, а если б являлся, то не торчал бы в лесу. Врет, конечно. Я ж вижу, что ему здесь хорошо и спокойно. Человек наслаждается жизнью — собирает травки, делает настои, следит за лесом. В общем, этакий военный на пенсии.

Что дед был военным, я догадалась сразу. Движения у него были по-особенному четкие, а в лесу он ступал по земле как спецназовец. Ходил осторожно, мягко, чуть ссутулившись. Треснет ветка — он напрягался. Что бы ни было в его прошлом — не отпустило еще. Иногда меня подмывало крикнуть «вспышка сзади», но все же старый человек, неудобно. Да и влетит мне за это, скорее всего. Дед Егор, как мне показалось, не воспитан по принципу «женщин бить нельзя» — двинет в гнев, не задумываясь.

Память тела — штука странная. Не так уж часто меня в жизни по лицу били, и чаще всего за дело. Ощущения незабываемые, никому не посоветую пробовать. Лишь однажды на моем пути встретился

мужчина, который никогда не позволял себе распускать руки. Но он умел ударить словом так, что было большее физического воздействия. Ушла я от него, помню, с совершенно больной психикой. Лучше б лупил, честное слово.

Впрочем, дед меня не обижал, а больше хвалил. Уж очень он поесть любил. А готовила я вкусно, сама себе удивлялась. Опыт, конечно, у меня немалый, но в печи всё по-другому получалось. Неудивительно, что через три недели джинсы, которые мне были широковаты, сидели как влитые. Дед долго ворчал, увидев подобное непотребство, а потом пропал на целый день. Вернулся с мешком, кинул мне.

В мешке была страшная безразмерная юбка из рогожки, рубашка на завязках и суконное пальто, подбитое мехом. С одной стороны, оно было потертое, явно не новое, сшитое совершенно отвратительно, но с другой — на натуральной овчине. Мне оно было довольно широко, а рукава коротковаты.

— Одевайся как положено, — велел дед. — Увидит кто в твоих срамных штанах — невесть что напридумывают.

— А увидят в юбке — промолчат? — усмехнулась я, подпоясывая этот кошмар.

— Всем будем говорить, что ты моя вдовья внучка, приехала старика досматривать, — ответил дед. — У меня много внуков, никто не усомнится.

— Вы еще меня досмотрите, — ответила я. — На вас пахать можно.

— А ты в Руане жила, не могла знать, — парировал дед. — Хотела исполнить свой дочерний долг...

— Ага, как же, — буркнула я. — Скорее всего, муж помер, свекровь из дома поперла, вот и вспомнила про деда.

— По личному опыту говоришь? — поддел Егор Матвеевич. — Небось хлебнула горя-то в жизни.

— Да не без этого, — поджала губы в куриную жопку я.

Хотя нельзя так делать — морщины появляются.

— Расскажи?

— Только после вас, — хмыкнула я.

— А что мне рассказывать? — растянулся на лавке дед, закинув валенок под голову. — У меня тоже жизнь не сахар. Женился рано,

нарожали детей, а потом я воевать пошел. Жена, конечно, недовольна была, да меня разве спрашивали? Конечно, у меня была возможность отказаться, но я не мог так поступить. В общем, в один день я вернулся в пустой дом. Она забрала детей и уехала с ними неизвестно куда. А я должен вернуться к войскам, у меня и возможности нет ее догнать. Да и не больно хотелось, если честно. Думал, потом, война закончится, героем вернусь, она как раз успокоится к тому времени. Героя из меня не вышло... Жену отыскал, конечно, связи у меня в то время были нешуточные. Да только у нее в Руане другой муж был уже.

— И вы это так спустили?

— Я воевал больше восьми лет, — вздохнул Егор Матвеевич. — Дети уже выросли. Два сына у меня и дочь. С ними я поговорил, старшего с собой забрал, младшие с матерью остались. А жена мне уже чужая была, я даже обрадовался, что так вышло. Да и была у меня к тому времени другая.

— Да вы подлец, Егор Матвеевич, — заметила я. — Так с женой поступить.

— Да уж не идеальный муж, в этом ты права, Ольга.

— А дальше что было?

— Да ничего... пошел служить на границу. Жене посылал денег. Сын пошел учиться в университет. Я потом на пенсию по состоянию здоровья вышел, вот двадцать лет здесь живу.

— Сколько же вам лет?

— Почти восемьдесят.

— Ого! А выглядите моложе!

— По меркам твоего мира разве что. У нас люди чуть дольше живут. Ненамного, конечно. Но восемьдесят — далеко не предел.

Такие разговоры по душам у нас случались всё чаще. Дед рассказывал мне истории из своей жизни, то смешные, то грустные. Я рассказала и про Машу, про родителей.

Дед научил меня стрелять из небольшого легкого арбалета — сказал, что от злых людей не защитит, но время выиграть поможет. А если в доме запереться на засов, даже и маг не сможет попасть внутрь. Не стала напоминать ему про окна и ворону в дымоходе. Если меня захотят выкурить из дому, сделать это совершенно не сложно. А учиться стрелять было интересно.

В какой момент я поняла, что это всё — не затянувшееся шоу, а в самом деле другой мир?

Наверное, когда у нас появились не деревенские гости, которые часто заглядывали за травами, а настоящие воины.

Глава 5

Гости, которые приносят перемены

Дед как обычно, затемно ушел в лес, а я осталась на хозяйстве. Недавно нам принесли муки и творога, и я затеяла испечь любимый в прошлой жизни «королевский» пирог с сушеной вишней. Сегодня у нас будет пир: я сварила грибной суп, пожарила картошки с луком, напекла блинов и поставила в печку пирог. Завтра дед обещал отвести меня на болото за клюквой, сказал, что как раз всё замерзло и ходить безопасно. Так что еды запасла на два дня.

За окном послышалось конское ржание. Вот это да, лошадей я здесь еще не видела! Выглянула на крыльцо, держа перед собой взведенный арбалет.

У крыльца топтались два человека. Один очень молодой — на вид лет четырнадцать-пятнадцать, юноша с шикарными каштановыми кудрями и оленьими глазами, второй просто молодой, но тоже красавчик хоть куда — высокий блондин. Одеты довольно необычно — тонкие коричневые дубленки до середины бедра, подпоясанные ремнем, суконные штаны и высокие сапоги. На мальчишке перевязь с арбалетом за спиной, у парня постарше короткий меч. Кони хороши — сильные, ухоженные звери с лоснящейся шерстью.

— А где дед? — с недоумением спросил младший.

— Я за него, — едва сдерживая смех, ответила я. — А вы по делу или как?

— В гости к Егор Матвейчу, — сказал блондин. — Вы бы арбалет убрали. Вдруг выстрелит случайно.

— Он на предохранителе, — пожала я плечами. — Дед не предупреждал, что будут гости. Откуда я знаю, может, вы грабители?

— Ой, да что тут грабить, — поморщился мальчишка. — Зайцев что ли с ледника воровать или зелье от простуды?

— А мы вот муки привезли, и колбасы, — задумчиво сказал старший. — И сахара еще. Ну и нагревательный камень.

— Проходите, гости дорогие! — широко распахнула дверь я. — Голодные? Обедать будете?

Юноши принялись и с энтузиазмом закивали.

Заставила обоих вымыть руки, усадила за стол, разлила суп, поставила тарелку с блинами, сковородку с ароматной румяной картошкой, а себе налила травяного чаю. А ведь я не знаю, позволительно ли женщине с мужчинами за одним столом сидеть. С дедом-то ладно, я теперь вроде как его внучка, а с незнакомыми воинами?

— Присядь с нами, уважь, хозяйюшка, — разрешил мои сомнения старший.

— Неловко мне с незнакомцами за одним столом сидеть, — намекнула я на невежество гостей.

Парень залился краской:

— Я Демьян, а это Никита. Мы воины льера Лисовского. Приехали к Егору Матвеевичу с дарами от льера, да и просто навестить.

— Я Ольга, внучка деда Егора, — представилась я. — Приехала из Руана к деду жить.

— Из Руана да в такую глушь? — удивился Никита, но замолчал, когда Демьян пнул его под столом.

— Знать, надо так было, — зыркнул он на младшего. — Не обижайтесь на него, лирра Ольга.

— Ничего, — ответила я. — Тайны никакой нет. Овдовела, затосковала, хотела быть кому-то нужной. Вот только вышло, что деду няньки не требуются, он еще покрепче любого молодого будет.

Дед мне рассказал, что льерами называют высшее сословие, то бишь, преимущественно, магов. Лирры — все остальные. Мы с дедом, стало быть, лирры. А вот приехавшие воины, пожалуй, что льеры. Маги. Было в них что-то этакое... чужое.

И вот тут-то мне стало нехорошо, я даже со стула чуть не съехала.

Я не на Земле. Я не в России. Я в другом мире.

— Вам дурно, лирра Ольга? — как сквозь вату услышала я голос кого-то из молодых людей. — Лирра Ольга?

Усилием воли я заставила себя выпрямиться и дышать глубоко.

— Простите, голова закружилась, — сказала я. — Мне нужно выйти на воздух.

Меня споро подхватили под локти, вытащили на крыльцо и посадили на ступеньки. Даже подушку подложили, какие заботливые! На холодном воздухе в голове быстро прояснилось.

— Вы всегда такая чувствительная? — прищурился Демьян.

— А вы всегда незнакомых женщин магией прощупываете? — спросила я наугад.

Демьян залился краской так стремительно, как обычно краснеют белокожие люди. Угадала, значит. Или вправду — почувствовала.

— Извините, — неуклюже сказал он. — Я не думал, что так выйдет. Вы ж не льера.

— Это вас не оправдывает, льер Демьян, — огрызнулась я. — Я в праве просить вас покинуть мое жилище. Вернется дед, с ним и поговорите.

Я понятия не имела, могла я так поступить или нет, но, учитывая, как смутился маг, делал он явно что-то противозаконное. А значит, я в своем праве. Дед, кстати, рассказывал, что применение большинства видов магии против воли человека считается как минимум неприличным.

— Помилуйте, лирра! — умоляюще воскликнул мальчик. — Позвольте хотя бы доесть!

Мда, святая простота.

— Никита, ты болван, — процедил сквозь зубы старший маг.

Я ушла в дом, с силой хлопнув дверью.

Мальчишки! Ведь совсем дети! Как моя Машка, даже младше. Сначала делают, потом думают. Кто хоть их одних без взрослых отпустил?

Выглянула в окно — сидят на крыльце как нахохлившиеся голуби, чуть не посинели от холода. Куртки-то в доме остались. Вздохнула, вынесла им их одежду и миски с супом. Всё равно за ними никто доедать не будет, зря только еда пропадет.

Парни, видимо, обсудили ситуацию. Взгляд у них жалобный, как у побитой собаки.

— В дом не пушу, и не думайте, — строго сказала я. — Будь вы постарше, я б вас вовсе прочь выгнала, а так... Вы же мужчины, вы же маги! Неужели нельзя вести себя прилично? Что за детские выходки? Хорошо, я лирра. Но я ведь все равно женщина, я вам в матери гожусь. Мужчину или льеру вы бы не посмели прощупывать, правда? Получается, вы не только применили ко мне магию без моего ведома, вы еще и унизили меня, показав, что со мной можно не считаться?

Мальчишки опустили голову, уткнувшись в свои миски.

Надеюсь, они хоть что-то поняли.

Спустя некоторое время парни постучались в дверь и вручили мне чистые миски. На ручье, наверное, помыли. Я милостиво кивнула.

— Может, мы воды принесем? — заискивающе сказал старший. — Бочка в сенях почти пустая.

— Ну принесите, — царственно кивнула я, выдав им ведра.

Наносили воды, накололи дров. Правильно гласит народная мудрость — нет ничего более полезного в хозяйстве, чем провинившийся мужчина.

Когда дед вернулся, мальчики смиренно сидели на крыльце с усталым видом.

Как он орал! Как он их песочил, когда понял, что произошло! Я многие диалектические выражения отложила в памяти.

— Оленька, простишь дураков? — наконец, заглянул в дом он. — Замерзли они.

— Пусть заходят, — махнула рукой я. — У меня пирог остыл уже. Я до ручья прогуляюсь, посуду сполосну.

— Никитку с собой возьми, — велел дед. — Он тебя заодно научит пользоваться нагревательным камнем.

Никита с готовностью схватил ведро. Мы молча потопали к ручью. Я ведь прекрасно понимала, что деду нужно что-то обсудить с Демьяном, не зря же он приехал. Ну а мне в самом деле нужно было вычистить горшки. Делать это в ледяной воде мне вовсе не хотелось, но избушка была маленькая, мы вдвоем-то с дедом там едва расходились, а уж сейчас там было совершенно невозможно нагреть воду и налить ее в корыто.

Никита зачерпнул воду ведром и достал из кармана мешочек с небольшим серым камушком на цепочке. Размотал цепь и аккуратно опустил его в воду. Ничего необычного не происходило, однако довольно быстро от ведра стал подниматься пар. Мальчик потрогал воду и убрал камень в мешочек. Я дотронулась — вода теплая, почти горячая.

— И как много может этот камень нагреть? — мечтательно спросила я, предвкушая, как нагрее себе большой ушат с водой и наконец-то помоюсь почти полностью.

— Сколько угодно, — порадовал меня мальчик. — Этот сильный. Реку, конечно, не вскипятит, но на бассейн хватит. Держите, это вам.

Я не стала ломаться и с радостью схватила камень. Моя пре-е-елес-с-сть!

— А я им пользоваться смогу?

— Им любой человек пользоваться может, — ответил Никита. — Только подзаряжать иногда нужно. И с цепочки нельзя снимать, там завязка заклинания на металл и камень одновременно.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я и принялась мыть горшки в теплой (теплой!) воде.

— Вы не маг, лирра, но тонко чувствуете магию, — нерешительно сказал Никита. — Это ценный дар. Отчего вы не учились?

— Незачем было, — вздохнула я. — Рано замуж вышла, не до учебы стало.

С дедом мы решили максимально близко придерживаться моей биографии, чтобы не засыпаться на простых вопросах. Так что выходило, что я в семнадцать сбежала из дома с каким-то проходимцем, родила ему ребенка и мыкалась в нищете много лет. Дочка умерла в десять лет от холеры (больно, но по сути правда), мужа убили в пьяной драке. Осталась одна без дома и средств к существованию, с отцом (средним сыном Егора Матвеевича) связи не поддерживала, да и не принял бы он блудную дочь обратно, вот и решила ехать к деду. Какой-никакой, а все же родственник.

Никита покачал головой, забрал у меня ведро с горшками и мы медленно пошли к дому. Оказалось, рано. Из окон раздавался ор деда Егора. Гляди-ка, как он умеет! А ведь каких-то две недели назад едва хрипел.

— Да ты охренел, Демьян? Ну куда я Ольху дену? В лесу зимовать одну оставлю?

— Бу-бу-бу-бу (что-то бормочет).

— Куда с собой? В столицу? Ты совсем дурак?

— Бу-бу-бу!

— А что не поломойкой сразу? Мою внучку — кухаркой! Думай, прежде чем говоришь!

— Бу-бу-бу.

Мы с Никитой переглянулись и громко закашлялись. В домике затихли. Дед выглянул в окно, посмотрел мне в глаза и понял, что я всё слышала. Махнул головой, дескать, заходите.

Мы и зашли.

Глава 6

Вакансия кухарки

— Значит, так, Ольга, — тоскливо сказал дед. — Меня призывает отечество на службу. Я, конечно, предпочел бы отказаться...

— Егор Матвеевич, что я льеру канцлеру скажу? — взвыл Демьян.

— Вот видишь, — нахмурил брови дед. — Они меня шантажируют!

— А сами-то хотите ехать? — спросила я.

— Честно говоря, не хочу, — вздохнул дед. — Но там всплыло старое дело, которому я был когда-то свидетелем. Отвертеться не удастся. Но я быстро, Ольга. Буду уезжать на пару дней и возвращаться.

— Удобно ли это, дед? — спросила я. — Ты ж, прости, не мальчик давно — туда-сюда гоняться. Да и времени много зря уйдет.

— И что ты предлагаешь?

— Дед, мне работать не привыкать. Не век же мне на твоей шее сидеть. В лесу оставаться боюсь, да и не выжить мне одной. А если работа найдется с проживанием, хоть поломойкой пойду.

— Какой еще поломойкой! — возмутился Демьян. — С вашей стряпней вам кухаркой надо!

— А что ж не поваром?

— Так кухарка на кухне главная, — пояснил юный маг. — Под ней и повара, и посудомойки. Кухарка книги учета ведет и покупки делает.

— И где ж кухарка требуется?

— Так у льера Лисовского уже второй месяц в кухне никто не хозяйничает, — простодушно ответил парень. — А хозяйство там большое, народу много. А уж как сам льер приезжает, дел невпроворот.

— Народу много кормить надо? — уточнила я.

Демьян задумался, шевеля губами. Считает.

— Человек двадцать будет, — сказал дед. — Поварихи, горничные, старшие слуги, маги, лекарь и охрана.

Демьян покраснел. Видимо, смутился, что дед знает больше него.

— Если возьмут меня кухаркой, то справлюсь, — уверенно сказала я. — Готовить умею.

— Мы заметили, — закивал Никита.

— Только вот что, Демьян, мне бы подъемные, — посмотрела я на мага. — Нет у меня приличных вещей. Ни зимних, ни летних. Из обуви вон одни дедовы валенки.

— Решим вопрос, — твердо пообещал Демьян.

Так я и стала кухаркой в господском доме, пока гипотетически, но всё же. Можно сказать, обживаюсь.

Демьян с Никитой уехали (прихватив в дорогу мой пирог с вишней), а дед стал понемногу собираться в столицу.

Самой главной задачей он считал отеческие наставления.

— Может, и к лучшему, что ты в имении жить будешь, — говорил мне Егор Матвеевич. — Все веселее, чем в лесу. Да и быстрее в общество войдешь. Я, конечно, хотел, чтобы ты со мной перезимовала, да не судьба, видишь. Главное, никого не бойся. Сам льер Лисовский человек справедливый, хоть и грозный с виду. Супруги у него нет, с его работой ни одна женщина не уживется. Дочка есть приемная, но она всё на балах да в разъездах. Думаю, ты и не увидишь их. А остальным ты ровня и даже чуть выше. Кто обидит — Демьяну жалуйся. Он там маг, а значит, самый главный в отсутствие хозяина.

Я кивала, подавая ему пузырьки, которые он аккуратно укладывал в корзинку с сухой травой.

— Дом я закрою, — продолжал дед. — Попасть ты внутрь, конечно, сможешь, но не советую. Сгинешь тут одна, ты девочка городская, нежная.

Ага, нежная. Такая нежная, что было время, когда меня подруги на себе домой тащили в дупель пьяную. И в ларьке я водкой торговала, и полы мыла в магазине. Всякое в моей жизни бывало, о чем хочется забыть навсегда.

Я тогда другая была. Сейчас от той женщины мало что осталось, кроме подорванного здоровья, конечно.

После того, как я дочь отдала, в моей жизни был очень тяжелый период. Некоторые недели, а то и месяцы в памяти не отложились совсем, и слава Богу. Пила я тогда как не в себя, всё, чего добилась — потеряла. Как смогла выбраться — не понимаю. То ли духовное

очищение, сиречь катарсис, пережила, то ли просто увидела, что жизнь не заканчивается. Ну и дочь надеялась увидеть.

Странно, но от тяги к алкоголю я здесь излечилась моментально, даже мыслей подобных не возникало. Будто и в самом деле жизнь началась заново.

Прождали мы моих сопровождающих неделю — дед уже весь извертелся от нетерпения. И этот человек мне рассказывает, как ему в лесу прекрасно живется!

За мной приехали старые знакомые, из нового была только третья лошадь. Интересно, что бы я делала с ней, если бы в детстве не занималась конной ездой?

Я вообще в детстве чем только не увлекалась: и в художественную школу год ходила, и в биатлон, и в кружок кройки и шитья. С вокалом у меня только не сложилось — в ноты я никак не попадаю. Кто бы мог подумать, что конная езда — одно из самых любимых, хоть и бесполезных занятий — когда-нибудь мне пригодится?

Мальчики привезли мне шикарную юбку в стиле бохо (с бахромой и заплатками, но хотя бы нужного размера) и тонкую мужскую дубленку как на них самих. Если на юбку я глядела со слезами (от смеха), то в шубейку вцепилась, как кот в кусок мяса. Мягкая, легкая, хоть и довольно широкая в плечах, она, конечно, на мне болталась, как на пугале, но по сравнению с овчинным уродством мэйд ин Лесняки — ничошная шкурка. Оверсайз. Долго вспоминала название модного в Москве бомжовского стиля, да так и не вспомнила. Вроде как хипстеры, но точно не уверена. Эх, серость я!

А ведь была золотой девочкой. Одежду носила заграничную, платье на выпускной в девятом классе шила у портнихи. Правильная была до приторности: послушная, усидчивая, на медаль шла. Что со мной случилось?

Сейчас я уже не могла Машкиного папашу вспомнить — какой он был? Как его звали-то? Александр Вадимович. Ах, Александр — какое имя!

Тварь.

Хотя ухаживал красиво, не отнять. Цветы дарил, в рестораны водил, в театр. Причем совершенно не боялся.

Александр был папиным партнером по каким-то мутным делам; когда приезжал, останавливался то у нас, то в гостинице. Помнится,

мне лет пятнадцать было, когда он меня впервые заприметил. Я была красивой девочкой, созрела рано. В пятнадцать уже ростом 179 см и с грудью второго размера. А он — умный, зрелый, разговаривал со мной серьезно, как с равной. А как смотрел на меня! Лицо почти не помню, а взгляды эти жгучие, видимо, никогда не забуду.

За одно я ему благодарна. Нет, не за Машу. Объективно говоря, если бы Машки не было, моя жизнь бы сложилась совершенно по-другому. Что аборт не сделала — не жалею. Ребенок не виноват, что у него мать дура. А вот что забеременела — жалею и очень.

Как бы я сейчас Семенова не ненавидела, любовник он был великолепный, и в мир чувственных удовольствий он меня не просто ввел — на руках внес. На крыльях, так сказать, любви. Моей любви, естественно. Секс у нас был чумовой и, что самое пикантное, запрещенный. Уж что папа меня по головке не погладит, я прекрасно осознавала.

Бывали мы с ним и в гостиницах, и на съемных квартирах, и на природе. Не спорю, круто. Но не сложилось у нас столь любимого когда-то мною (и многими женщинами) романа с пометкой «властный герой, девственница, разница в возрасте». Мой герой оказался не герой. Когда я с надеждой, что его развод с женой сдвинется с мертвой точки, сообщила о своей беременности, его аж перекосило. Вообще-то я пила противозачаточные таблетки, но то ли забыла тогда принять, то ли бракованные попались. Словом, на слова испуганной до усрачки девочки о том, что «ты скоро станешь папой» он отреагировал неадекватно.

Говорю ж, тварь.

Я узнала о себе много нового. И шлюха-то я малолетняя, и пытаюсь подсунуть ему чужого ребенка, и денег он мне не даст никогда, и сама я ему не нужна, а уж ублюдок, хоть и его — тем более. Вылетела я от него в слезах и соплях.

Некоторое время я всерьез размышляла, что лучше: прыгнуть с крыши девятиэтажки или сбежать из дома. Вариант «попросить помощи у родителей» я даже не рассматривала. Знала о моем безумном романе только лучшая подруга Таня, которая и убедила меня, что мама меня не съест и обязательно поможет.

Ага, как же. Танина мама помогла бы. Но моя только орала примерно то же, что и Семенов. Отец меня тогда избил впервые в

жизни — ремнем, по ногам, до кровавых полос. По животу боялся — если бы пришлось обратиться в больницу, об этом могли бы пойти слухи. В конце концов, в соседнем городе через третьих лиц родители договорились об аборте.

Наверное, если бы я тогда сказала, кто отец ребенка — отец реально бы избил и Семенова. Но из дурацкой гордости я так и не призналась.

Мне повезло, что родители совершенно не интересовались моей жизнью и понятия не имели, что, кроме бывавших в гостях правильных девочек, у меня была Танька — дочь школьной уборщицы.

Именно у нее я и жила первое время, пока не познакомилась с Антоном. Хороший парень, несмотря на то, что наркоман. Меня ни разу не обидел, диван в своей квартире уступил, даже, помню, Машке смеси покупал. Жаль, от передоза загнулся. Он, кажется, единственный из тех, с кем я жила, меня любил по-настоящему. Я сильно плакала по нему. А Танькина мама водила меня к гинекологу, Танькина мама отвезла рожать — не в центральный роддом, а в фельдшерский пункт маленького поселка, где они жили, она же и забрала меня оттуда. Пеленки, распашонки, штопанные ползунки — всё принесла она. К Антону я уехала прямо из ЗАГСа, как получила свидетельство о рождении на Машку. Уверена, родителям сообщили в тот же день. Может быть, был скандал — мне было не до мелочей.

Сейчас это вспоминалось смутно, даже с насмешкой. Ту девочку с младенцем на руках было почти не жаль — я вообще мало кого жалела. Сама виновата, сама расплачивалась. Жаль, Семенову мои слезы никак не отлились. Всё у него в жизни было прекрасно — и бизнес в гору шел, и семья хорошая, и в депутаты он потом пробился с его образцовой биографией.

В ту пору, когда заболела Машка, его не было в стране. Тогда я бы не спустила. Я бы заставила его оплатить лечение. Генетический анализ бы сделала, в газеты бы написала, к жене его пошла бы — но нерослось. Опять его миновала чаша Божьего гнева.

Что ж, всё это было и прошло, всё поменялось. Москва, воняющая выхлопными газами, химическими духами, соевым соусом и имбирем, шаурмой и курицей-гриль, осталась в прошлом. А здесь, сейчас — пахло соснами, холодным ноябрьским небом, пахло прелой листвой и первым снегом, и в этом было невыносимое, рвущее сердце счастье.

Глава 7

Новый дом

Лошадь, выделенная мне, была хороша. Очень спокойная, шла ровным ходом, не испугалась ни выскочившего на дорожку зайца, ни упавшей шишки, ни резких птичьих криков. Забавное дело: на велосипеде я ездить так и не научилась, а верховую езду тело помнило прекрасно. И всё равно, когда уже подъезжали к деревне, я не чувствовала ни рук, ни ног — всё онемело.

Уже вечерело. Из тихих разговоров моих спутников я поняла, что без меня они бы ехали гораздо быстрее и уже были бы дома. Но решили надо мной не измываться — и без того вынудили ехать в мужском седле. Обычные женщины верхом вовсе не ездили: для того были повозки да брички всякие. Кстати, вставлять в стремя валенки — другой теплой обуви у меня не было — оказалось довольно странно.

Мне предложили заехать в деревню, перекусить в постоялом дворе, передохнуть, но, узнав, что придется сделать крюк и потерять время, я отказалась. Без ужина я вполне обойдусь, да и ночевать в сомнительном придорожном мотеле, где наверняка комнаты сдавались на час, а бельё после этого в лучшем случае стиралось в реке, я совершенно не испытывала желания.

Через несколько часов показался и город Кобор, но мы его проехали по самому краю, я бы сказала, по окружной. Дома здесь были не сказать, что богатые, но и не бедные. Каменные и деревянные, не больше двух этажей. Некоторые окружены заборами, за которыми виднелся сад. Улицы вымощены плотно подогнанными досками, по краям дороги сточные канавы. Народу почти нет — темно уже. Даже и не сумерки, а поздний вечер. Редкие прохожие не обращали внимания на трех измученных всадников. К дому Лисовских подъехали в кромешной тьме, и с лошади меня парни стаскивали вдвоем. Ноги гнуться отказывались.

— А вы молодец, лирра, — похвалил меня Демьян. — Редко какая женщина выдержит такую поездку без нитья. Ну разве что льера Софья...

И столько в его голосе было мечтательной тоски, что я сразу поняла: влюблён.

Дом льера Лисовского показался мне большим и добротным, совсем не похожим на русские особняки. Строения он был непривычного, в виде буквы «Г»: длинная часть была одноэтажной, а второй этаж был лишь над меньшей «палочкой».

Демьян пояснил, что длинная часть считается нижней, или черной. Там живет охрана, слуги, находятся хозяйственные и складские помещения. В парадной части дома живут хозяева и принимаются гости; прислуга туда допускается не каждая. Кухня же находится ближе всего к «белой» части, да это и неудивительно — пищу там готовят и на слуг, и на хозяев. Оттого кухарка считается главной в нижней части и командует всей прислугой, кроме горничных. Горничными ведает управляющий, с которым меня обещали познакомить утром.

Сейчас же через широкие двери мы прошли в жарко натопленное помещение, которому мог позавидовать лучший московский ресторан. Здесь воплощалась мечта любого шефа: вдоль стены тянулось несколько метров сложенных из камня печей — пожалуй, это слово подходит к этой конструкции наиболее точно. На них стояли кастрюли и сковородки самых разных размеров. Огромный стол посередине кухни был вымыт до блеска. Выбор ножей и топоришков, висящих на крючках вдоль стены, впечатлял так же сильно, как сияющие медными и стальными боками сосуды причудливых форм на полках. Каждая пядь рабочего пространства была использована: вдоль всех стен стояли столы разной высоты или шкафы. На стенах было множество полок. В углу глубокая раковина с медным краном — аллилуйя, здесь есть водопровод!

Над всем этим богатством, уронив голову на лежащие на столе руки, дремала худенькая девочка лет двенадцати.

— Эй, Лиска, — окликнул ее Никита. — Хватит спать! Поесть нам собери, да шевелись!

Девочка вскочила, испуганно вскрикнув и завертев головой, но, увидев знакомые лица, быстро успокоилась.

— Вам бы, Никита Димитриевич, только поесть, — бойко ответила она. — Нет бы что другое сказали!

— Поесть и попить, — согласился парнишка. — И гостью разместить. Это новая кухарка у нас.

Девочка поглядела на меня с опаской, а потом быстро достала из шкафа глубокие тарелки, куда щедро наложила тушеных с мясом овощей.

Овощи были переварены и недосолены, но юноши накинулись на них как саранча. Я же только поковырялась в миске, выбирая куски мяса. Девчушка наблюдала за мной искоса, но молчала.

— Комната кухарки в каком состоянии? — спросил ее Демьян. — Я Грегору говорил, чтобы подготовили.

— Я не знаю, — сказала Лиска. — Моё дело маленькое: следить за огнем и кормить тех, кто ночью приезжает.

— Ну хоть покажи, где комната-то.

— Ой, да что с вами сделаешь, — вздохнула девочка, словно маленькая старушка. — Пойдемте уж, покажу. Пожитков-то много у вас, лирра?

— Только то, что на мне, — ответила я спокойно.

Скажет ли чего? Промолчала, кивнула только.

Комната, выделенная кухарке, не впечатляла ни размерами, ни обстановкой. Всего-то в ней и помещались кровать, небольшой столик и шкаф, куда я закинула свой узел. Даже нормального окна не было — только слуховое под самым потолком.

— А комната для девочек имеется? — любопытствовала я. — Туалет? Уборная? Сортир? Только не говори, что под кроватью ночная ваза!

— Уборная дальше по коридору, — нахмурилась девочка. — Но туда никто не ходит. Горшок-то всяко удобнее. Не нужно бегать никуда.

— А мыться где? — мрачная обреченность звучит в моем голосе. — Тазики?

— Прислуга в бане моется.

Цивилизация, чтоб ее! Водопровод, ага — размечталась, мать!

— Пошли, уборную покажешь.

Туалетная комната меня скорее порадовала, чем огорчила. Здесь в буквальном смысле пахло фиалками: в комнатике был шкафчик, на полках которого лежали бруски фиолетового мыла. В Москве такие штуки были очень популярны — как-никак, ручная работа. Здесь же,

поглядите, для слуг бесплатно лежит. Имелась и раковина с медным краном на деревянном столике. Унитаз, правда, от привычного вида отличался. Никаких белых фаянсовых друзей — только дерево, только хардкор. Собственно заместо унитаза был деревянный кубик с дыркой. Очень глубокой дыркой — я заглянула.

— А куда уходит... оно? — дипломатично спросила я. — Выгребная яма?

— Городская канализация, — с жалостью посмотрела на меня Лиска.

Действительно, чего это я!

— А потом? В реку? Как-нибудь очищают... это?

— А я знаю? Я же не льерра. Мое дело маленькое...

— Да-да, я помню, — перебила я. — Дежурство по кухне. Всё, ребенок, иди на пост. Дальше я справлюсь сама.

— Я не ребенок! — страшно оскорбилась Лиска. — Я уже взрослая!

— Для меня ребенок, — вздохнула я. — У меня дочке десять лет было, когда... в общем, десять было.

Девочка закусила губу, но спорить не стала — ушла. Я же схватилась за столик, пошатнувшись. Машка, как так-то! Неужели я тебя больше никогда не увижу? Даже издалека?

Сходила в туалет, умылась, обтерла тело влажной тряпкой, радуясь наличию воды, хоть и холодной, в кране, и пошла спать. Утро вечера мудренее. К слову, кровать была адски неудобной: матрас перьевой настолько мягкий, что я провалилась в него как в сугроб. Даже мой диван в московской квартире (теперь уже не мой и не в моей) был удобнее, хотя он еще Ельцина застал. Но выбора у меня не было — пришлось спать здесь. Простыни чистые — уже радость.

Проснулась от того, что в дверь тарабанили так, что она вся тряслась. Не хватало только криков «пожар».

— Занято! — крикнула я спросонья.

Неизвестный там, в коридоре, будто этого и ждал: дверь с готовностью отворилась. Надо будет потребовать засов, а лучше замок, чтобы не ходил в мое отсутствие никто.

— Лирра, позвольте?

В дверь заглянула молодая женщина с длинным узким лицом, обрамленным забавным чепчиком с кружевами.

— Я принесла форму и обувь. Льер Зеленов приказал.

— Это еще кто? — удивленно пробормотала я, потягиваясь.

Однако уже позднее утро. Давно я так поздно не просыпалась. Ох! Тело ныло и выло, словно я вчера не на лошади каталась, а разгружала вагоны с углем. Болела спина, ноги, руки — проще было найти ту часть тела, которая не болела.

— Маг наш, Никита Дмитриевич, — пояснила женщина, сгружая охапку черных платьев на стол. — Я принесла несколько разных — выбирайте, которое лучше будет.

Вздыхая и морщась от мышечной боли (кажется, по-научному она называется крепатура), я поднялась с постели — баба Оля, сорок лет, ага — и принялась перебирать наряды, игнорируя любопытные взгляды девицы. Ну да, я легла спать в широкой холщевой рубахе до середины бедра. Хорошо, что не в трусах и футболке.

Платья были все одинаковые — черные с белоснежными кружевными воротничками. К ним предлагались чепцы разной формы, тонкие хлопковые панталоны на завязках, вязаные гольфы и кожаные туфли с серебристыми пряжками. Туфли были явно поношенными, причем моего размера не нашлось. Видимо, здесь работают одни золушки, и 40-й размер обуви не в чести. Платья на мой рост, как обычно, были такого размера, что можно было три меня в них поместить. То же, которое было почти впору, доходило до середины лодыжки. И талия высоковата. Но женщина, которая назвалась Черникой, сказала, чтобы я не расстраивалась: тут недалеко есть швея, которая подгонит платье по моей фигуре чуть позже. Забавные тут у них имена.

Выглядела я довольно нелепо: в коротком платье, полосатых гольфах и кроссовках. Ах да, еще чепчик! Выбрала наиболее простой на вид, похожий на головной убор Красной Шапочки из старого советского фильма. Вот Красной Шапочкой (вернее белой) я себя и ощущала. Сейчас только корзинку возьму и спю «А-а, в Африке горы вот такой вышины!»! Черника молча стояла у дверей, явно не одобряя мой наряд, но мне плевать — лучше я буду в коротком платье, чем в том, где меня три раза можно поместить. Это вопрос не только удобства, но и безопасности.

В комнате сумрачно — света из малого окошка под потолком совсем мало. Масляная лампа в руках служанки почти не исправляет

положения. Зеркала кухаркам тоже не полагается, как я вижу. Поэтому я даже думать боюсь, как выгляжу и что с моими волосами. Насколько я помню, зеркала и в уборной не было, поэтому если я поутру не красавица — это не мои проблемы. А еще я брови почти два месяца не щипала и ногти пришлось отгрызать. Маникюрных ножниц у Егора Матвеича отродясь не было. И вообще ножниц не было. А я не настолько сурова, чтобы ногти ножом обрубать, хотя с пальцами на ногах пришлось помучиться. Там уж без ножа не обойтись. Надо будет всем попаданкам дать совет иметь в кармане ножницы, пинцет и запас прокладок. Потому что тряпочки в условиях леса — это, я вам скажу, совсем грустно и очень неприятно.

Убрав волосы под чепец, я последовала за девушкой на кухню — налево по коридору. Заблудиться тут невозможно, главное, запомнить: моя комната третья от кухни. Оказывается, по соседству у меня маги и дворецкий. Чем дальше от кухни, тем выше статус прислуги. Четыре горничные и маги, выходит, самые почетные должности. И если с магами всё понятно, то горничные меня удивили. Ведь по сути — это всего лишь уборщицы, хоть и «белого» дома.

На одного льера Лисовского приходится как-то очень много прислуги: четыре горничных, три поварихи, дворецкий, экономка, кухарка и два мага. И это только те, которые живут в доме. Еще имеются сторож, два конюха, садовник и лекарь. Сторож и садовник жили в отдельном домике, конюхи ночевали на конюшне, а лекарь, как белый человек, сейчас один шикавал на господском этаже. Как человек не гордый, лекарь изволил столоваться с магами в кухне в положенное время, до которого, кстати, оставалось совсем немного.

Глава 8

Владычица кастрюль и сковородок

В кухне выстроились в ряд две поварихи, Лиска, которую я вчера уже видела, экономка и дворецкий. Черника оказалась старшей горничной, она меня и представила:

— Это лирра Ольха, — указала женщина на меня. — Наша новая кухарка. А это поварихи Марика и Беяна и посудомойка Лиска, ваша, так сказать, гвардия. Дворецкого зовут лирр Грегор, экономку — лирра Рябина.

— Добрый день, — приветливо улыбнулась я. — Я недавно приехала из Руана. Когда-то давно у меня была своя таверна, но судьба распорядилась так, что я всё потеряла — и семью, и работу. Поэтому я не очень хорошо понимаю иерархию этого дома и надеюсь на вашу помощь.

— В отсутствие льера Лисовского управляющим является Демьян, — пояснила экономка. — Дворецкий, я и вы, кухарка — старшие слуги. Горничные в моем подчинении, а кухня — в вашем. Грегору подчиняются дворовые слуги — садовник, сторож и конюхи. В ваши обязанности входит составление меню, управление готовкой, закупка продуктов и всякой утвари. Разумеется, все покупки и расходы должны записываться в амбарную книгу. Я, в свою очередь, отвечаю за «белую» часть дома. Я полагаю, вы захотите провести инспекцию своих владений?

— Разумеется, — кивнула я. — А еще мне нужна униформа на мой размер, обувь и теплые вещи. Но для начала — позавтракать.

— Не будем вам мешать, — заявила лирра Рябина. — Портниха придет после обеда, пока распоряжайтесь тут. У нас кухарки уже полгода нет, до вас всеми вопросами занималась Беяна, она грамотная.

Беяна смотрела на меня исподлобья с явной тревогой, очевидно, понимая, что все прежние косяки падут на ее голову. Но меня сейчас больше тревожила Лиска.

— Лиска, — обратилась я к девочке. — Какие у тебя обязанности? Ты ведь сидела тут всю ночь.

— Ну да, — кивнула девочка. — Я ночью в кухне сплю. Посуду мою, овощи чищу, птицу рублю, на рынок с лиррой Беляной или лиррой Рябиной хожу.

— Птицу? — неприятно поразилась я. — Живую что ли?

— Ну да, — простодушно ответил ребенок. — Живую дешевле покупать.

— И ты спать не хочешь?

— Привыкла уже.

— Ясно. Значит, с сегодняшнего дня у тебя есть дневной сон, если, конечно, в доме нет льера. После обеда три часа спишь. Без тебя как-нибудь управимся. Если в доме господин есть, то дежурить буду либо я, либо Мариса. Тогда у нас дневной сон. Ты обедала? Да? Проваливай и спи.

Лиска вытаращила на меня глаза, пискнула радостно и мгновенно исчезла. Тетки нахмурились, им явно не понравилось мое распоряжение. Мне было плевать — зачем мне на кухне несчастные случаи? Обварится девица кипятком или палец обрежет: когда за ночь несколько раз вскакиваешь, немудрено на ходу заснуть.

— Я ночевать не буду, у меня семья в городе, — недовольно заявила Марика. — Мне и муж не разрешает. А Лиска здесь живёт, чего бы ей не поспать в кухне?

— С того, что она ребёнок ещё, — ответила я спокойно.

— Лирра, так ведь Лиска маг, — робко сказала Беяна. — Сложно без нее будет.

— Маг? — удивилась я. — А почему на кухне тогда?

— Так девочка ж, да еще и безродная. Потом постарше будет, ее в жены возьмут... Демьян, наверное, и возьмет. А пока она при доме живет, так всем спокойнее.

Я молча переваривала новую информацию. Похоже, что женщин здесь равных мужчинам не считают, особенно из бедных сословий. Впрочем, ничего нового. Все равно ребенку надо отдыхать!

— Лирра Беяна, лирра Марика, что сегодня на обед?

Знакомый вопрос тут же всех расшевелил. Горничные убежали, дворецкий и экономка тоже нас покинули. Мы же начали ревизию продуктов и обсуждение меню. Никаких красных огурцов и черной картошки, к счастью, не водилось. Все обычное, привычное. Поэтому я решила не заморачиваться и закинула в котел кусок мяса на борщ. А

что — самое демократичное блюдо. Господ все равно нет. А на второе картошки с укропом наварю и пару куриц зажарю. Быстро и просто.

Тем более, что оказалось, мое дело — только командовать да следить, чтобы всё было правильно сделано. И хлеб здесь сами не пекли, приносили из булочной. Цивилизация!

Остаток дня я провела крайне плодотворно. Не поленилась слазать в погреб, поглядеть на запасы лука, картофеля и капусты. В погребе образцовый порядок — спасибо Беляне. Чисто, сухо, мушек нет. Оказалось, снова — заслуга Лиски. Именно она следит за чистотой и качеством продуктов, накладывая легкие чары сохранности. И это сокровище тут гоняют в хвост и гриву? Совсем обнаглели.

А уж поглядев, как ловко девочка наводит магией чистоту на столе, как мокрые пятнистые полотенца в ее руках становятся белоснежными — я окончательно убедилась, что ее надо беречь, о чем и объявила не слишком довольным женщинам.

— Какое у Лиски жалование? — строго спросила я Беляну.

Та неопределенно пожала плечами.

— Мала она еще, жалование получать, — промямлила повариха. — Да и куда ей тратить, живет на всем готовом.

— А у вас какое?

— Десять серебрушек в месяц, — похвасталась Беляна. — Ох, вы же не местная! Это ведь больше золотого в год! Если не тратить, можно на свой дом накопить!

— А сколько дом стоит?

— Небольшой домик с садом — примерно десять золотых.

— Понятно, — пробормотала я. — А кто жалование устанавливает? Демьян, да?

— Пока льера Лисовского нет, Демьян.

Что ж, к нему я и отправилась.

Льер Зеленов, он же Демьян, нашелся в кабинете хозяина на втором этаже. Хороший кабинет, не то, что комната кухарки: большое окно, шкаф с книгами, стол добротный и много бумаг.

— Лирра Ольга, хорошо, что вы пришли, — обрадовался мне парень. — Садитесь.

Выглядел он сегодня куда солиднее, чем в лесу: строгий пиджак, шейный платок с булавкой, буйные волосы зачесаны назад и покрыты

какой-то липкой на вид дрянью, видимо, местным гелем для укладки. Только меня не обманешь, для меня он все равно глупый мальчишка.

— Нам нужно обсудить ваше жалование, — начал он. — И я обещал подъемные...

— Слушаю вас внимательно, — обрадовалась я. Жалование — это прекрасно.

— Двадцать серебрушек в месяц, я полагаю, вполне достойная оплата для кухарки. И пятьдесят — авансом, на покупку необходимых вещей.

В два раза больше, чем поварихам? Неплохо!

— И сверхурочные, — нагло потребовала я.

— Что? — растерянно спросил юноша, явно не догоняя.

— Смотрите, бывают случаи, когда приходится работать гораздо тяжелее, чем обычно: банкет там, или свадьба, или, не дай Бог, похороны... С ног вались — но чтобы всё идеально было. Хотелось бы, чтобы это учитывалось.

— А, премии, — догадался Демьян. — Я вас понял, подумаю. В принципе, это справедливо. Ну что, договор подпишем? Вы ведь умеете писать?

— Подождите, я хотела поговорить еще о Лиске. Девочка работает бесплатно, а между тем, она маг и делает очень много полезного. Я бы хотела, чтобы ей тоже платили.

— Да ей-то зачем деньги, — отмахнулся юноша.

— Платье купит, — вздохнула я. — Книги. Приданое, в конце концов. Она маг, хоть и небольшой. И работает едва ли не тяжелее взрослых.

— И сколько, по-вашему, справедливая плата для малышки? — кисло поинтересовался Демьян. — Только не говорите, что как поварихам!

— Семь-восемь серебрушек, я полагаю.

— Пять, — буркнул Демьян. — А будете спорить — вычту из вашего жалования.

— Пять так пять, — покорно согласилась я. Поспорить всегда успею. — И на том спасибо.

— И оденьтесь уже прилично. Вы похожи на пугало, — юный маг был явно сердит. — В доме льера подобный вид недопустим!

— Каким образом, позвольте узнать? — ехидно поинтересовалась я. — Одежды у меня нет, только та, что выдали. А в ней даже в город выйти стыдно. Про обувь вообще молчу. Обещали, что придет портниха — вот с нее и начну.

— Как у вас, женщин, всё сложно, — вздохнул маг. — Подойдите-ка сюда.

Я, вздернув бровь, обогнула стол и встала рядом с ним. Демьян нахмурился, принялся что-то бормотать и причудливо выворачивать пальцы, а потом подергал подол — очень деликатно подергал, надо сказать. К моему изумлению, подол под его пальцами удлинялся, и талия каким-то образом оказалась на месте, и вообще платье вдруг село по фигуре.

— А что, так можно было, да? — удивилась я, недоверчиво щупая ткань.

— Нет, нельзя, — хмуро ответил Демьян. — Маги такой ерундой не занимаются. Но ваше платье оскорбляло мое чувство прекрасного.

— Слушайте, а кроссы не оскорбляют? А то у них подошва на соплях держится. А других мне здесь явно не найти.

— Выкиньте это убожество и купите приличные туфли, — фыркнул парень, залезая в стол и извлекая оттуда шкатулку. — Я сейчас выдам вам аванс.

Красивые серебряные монетки меня весьма вдохновили, и в свои комнаты я возвращалась едва ли не вприпрыжку. Спрятала деньги под матрас, посидела на кровати и пошла обратно «на работу».

Глава 9

Все не так уж и плохо

Когда в доме нет хозяев, работа вообще не сложная: готовить для всех простые блюда да следить за чистотой. При помощи Лиски никаких проблем с последним не наблюдалось. Я, конечно, боялась, что мой борщ (который тут, к слову, раньше не видели и пробовать боялись) придется не по вкусу льярам, но они распробовали и как один попросили добавки. Подавала обед я сама, чай, не из крестьянской семьи. И супницу вынесла, как полагается, и тарелки расставила верно, и приборы разложила.

Маги (в смысле мальчики мои) попытались было заявить, что привыкли обедать по-простому, в кухне, но я строго сказала, что негры тоже хотят обедать, а не ждать, пока белые господа изволят закончить трапезу, и велела горничным накрывать стол в столовой. Экономке сначала это не понравилось, но когда я сообщила, что им тоже можно теперь спокойно поесть в урочное время, она мигом согласилась с моим нововведением. К тому же льярам не помешает немного дисциплины. А то совсем ведут себя как дикари, а ведь вроде как знать местная. Вернется хозяин — мальчики еще мне спасибо скажут.

Меню мы с Беляной составили на неделю, долго спорили, но кое-как пришли к соглашению. Они здесь привыкли самую тяжелую пищу — жирное жареное мясо, или сладкие пироги, или гороховое пюре и прочие изыски — на ночь. Я решительно ввела в рацион рыбу не реже трех раз в неделю и салаты из свежих овощей, а сладкие пироги заменила на творожный пудинг и зерновой хлеб. Нет такого хлеба? Испеку сама, не проблема. Да, умею. А я, милочка, раньше кондитерскую лавку держала. Тортики, пирожные, конфеты. А ты думала, что я всегда прислугой была? Что, вчера про таверну говорила? Так лавка при таверне была.

Ладно-ладно. Если магам так нужно сладкое, сделаю им зефир и морковный пирог. Моркови-то вон целый погреб. И яблочный могу. И творожный, только творог нужен свежайший и нежный, а то не получится ничего приличного.

Творог, оказывается, нужно брать на рынке. А идти туда лучше с самого утра, еще по темени — чтобы уж точно лучшее ухватить. Рынок — это замечательно. На рынке я сто лет не была, хочу на рынок! Вот только одна неувязочка: на дворе поздняя осень, кое-где и снег, а у меня ни теплой обуви, ни шапки, ни пальто. Впрочем, мужскую дубленку я так и не вернула, а она мне, хоть и в плечах широка, но все же почти впору.

Беяна на мою беду только руками всплеснула и потащила меня к экономке. Та, поворчав, достала большой ключ, кликнула Лиску — да я погляжу, девочка здесь нарасхват! — и велела ей лезть со мной на чердак да покопаться в сундуках. Там старые вещи льеры Софы должны быть, авось и зимнее найдется.

Поход на чердак особой радости не принес. Льера София была, кажется, такой же дылдой, как я, но полушубок годился разве что на переделку. Рукава плешивые, ворот молью побит. Из него разве что жилетка выйдет.

— Лиса, а ты исправить не сможешь? — с надеждой спросила я, но Лиска только головой покачала.

— Это разве что сильные магини могут. А я так, только от пыли почистить да дырку затянуть.

Хихикая, мы с девочкой извлекли из сундука несколько панталон. Мне они будут вполне по размеру, а вот толстые чулки отлично подойдут и Лиске. Один минус в этих панталонах — они на завязочках и с разрезом на интимном месте. Ну, чтобы в туалет ходить проще было. Кому проще, а кто привык по-другому... Что ж, особо выбирать не приходится. Ладно, зато ботинки нашлись мне по размеру, на вид вполне приличные, хоть, как заверили меня женщины, дико немодные. Подумаешь, проблема! Мне под юбку никто заглядывать не будет, кому до моих ботинок вообще дело есть?

Да, поход по зимнему времени куда-то — целое испытание. Жо... филей, пардон, мерзнет — ибо теплых штанов тут почему-то не изобрели, чулки проклятые норвят сползти до колен, двойные юбки под ногами мешаются, башмаки ужасно трут, потому что надеты аж на два носка, иначе холодно. А Лиска с Беяной — героини просто. На них вроде всё то же самое надето, ну разве что обувь по размеру, а порхают, словно бабочки, нисколько об юбки не спотыкаясь.

Нет, девы, так дело не пойдет! Я сейчас ноги в мясо сотру и помру от заражения крови в мире, где не изобретены антибиотики. Или не помру, потому что прививку от столбняка делала, и вообще все прививки делала, даже от гриппа в сентябре — благослови, Боже, требования СанПин — но хромать буду долго.

Нет женских подштанников? Так я куплю мужские! Нет рейтуз? Свяжем! В смысле, не я свяжем, а найдем кого-то, ниток, главное, купить — здесь же должны быть нитки, правда? Во всяком случае, болеть и страдать я точно не собиралась, спасибо, настрадалась уже. Хочу в зону комфорта.

Цены на одежду знатно охладили мой пыл. Я не учла, что здесь всё шилось вручную, причем не китайцами, а простыми горожанами, которые тоже хотели кушать, желательно, каждый день. Новые подштанники стоили столько, что я зубами заскрипела. Лиска, сообразив, что я ищу, потащила меня, о ужас, к старьевщику. Нет, я понимаю, что и в моем мире секонд-хенды были, но там хотя бы вещи стирались и приводились в порядок, а тут — хорошо если вши не ползали.

— Сами вы, дамочка, вша, — нагрубил мне молодой парень без переднего зуба. — Маг-обработано от всякой заразы и насекомых.

— Думай, с кем разговариваешь, — бойко ответила ему Лиска, совершенно спокойно копаясь в куче явно несвежего мужского белья. — Перед тобой лирра из приличного дома. Язык придержи, иначе она тебе еще пару зубов выбьет.

Я только сглатывала и кончиками пальцев перекладывала вытянутые Лиской вещи.

— Лис, а Лис, — шепотом сказала я. — А они ведь с покойников поди.

— Ну, запросто, — пожала плечами девочка. — А что такого-то? Покойники — не люди, что ли? Им все равно не нужно. Ой, смотрите, какие кальсоны! Все, как вы хотели: фланелевые, почти целые, и размер подойдет. И не воротите нос, лирра Ольга, берем. Я постираю, дыру зашью, будут как новенькие. Нет, эти не с покойника. Смотрите, просто кто-то на гвоздь налетел, а зашить поленился.

Я сделала вид, что поверила.

С обувью вышло проще: обувь здесь делали на века, из добротной прочной кожи. Невольно вспомнилось, как один мой приятель

хвастался трофейными ботинками, которые еще его дед из Германии после войны привез: потрепанные, потерявшие форму, с латанными подошвами — но вполне, по его мнению, «носибельные». Он в них на шашлыки ездил. Видимо, и здесь технологии похожие. На мою ногу нашлись неплохие полусапожки с остатками меха внутри. Носы оббиты, каблук сточен, но тут уже Беяна убедила: у нее знакомый сапожник в два счета поправит, берем. Главное, что не трет нигде. Взяли.

А вот продукты меня, скорее, порадовали: наисвежайшие овощи, прекрасная рыба, мясо ничего такое, хотя и внимательнее нужно быть. Но откровенного гнилья никто не подсовывал и колбасу в хлорке не вымачивали.

Кое-какие запасы и в кухне были, но я служила в городском доме, не в загородном поместье: каких-то особых пространств для хранения, к примеру, половины коровьей туши не было. Зачем, если рынок рядом? И муки немного было: хлеб да пироги покупали в булочной. Но тут уж я разошлась: и овсяной муки мешок взяла, и пшеничной, и ржаной, и круп всяких. Вырезки говяжьей цапнула — просто пройти мимо не смогла, до того хороший кусок был. Беяна на меня посмотрела, как на умственно-отсталую — с упреком и жалостью, и с мясником торговаться принялась, а мы с Лиской за зеленью ускакали, а потом еще за рыбой свежей.

И вот на рыбе я всё и поняла. Я все же сдохну, потому что такие корзины домой тащить — это нужно быть как минимум супермэном. А лучше — с самого начала тачку брать, или лакея какого.

— Лиска, а ну поставь на место! — рявкнула я на девочку, которая попыталась было корзинку тащить. — С ума сошла? Тебе вообще нельзя тяжести носить, тебе еще рожать!

— Не учи девку глупостям, — буркнула Беяна, как заправский грузчик, подхватившая две корзины под мышки. — Лиска, давай, потащили.

— Нет, — твердо ответила я. — Мы женщины, нам нельзя.

— Мы не женщины, мы прислуга, — напомнила мне Беяна.

Но я уже ее не слушала, вертя головой.

— Уважаемый! Да-да, вы, можно вас на минутку? — окликнула я простого на вид парня в поношенной одежде, который лениво разгонял метлой сор по лужам. — Заработать хотите?

Заработать горе-дворник хотел, и за несколько монет он с явным удовольствием согласился дотащить наши корзины до дома, да еще и друга позвал. Беяна всю дорогу причитала, что сейчас нас ограбят, убьют и, возможно, если очень повезет, изнасилуют, но к ее глубокому потрясению, ничего подобного не произошло. Более того, расточительная я сунула нашим помощникам по миске горячего вчерашнего супа и получила в ответ не менее горячую благодарность и обещание всегда нам помогать. Даже и не за деньги (денег они не взяли) — за еду. Я им тогда с собой хлеба с сыром сунула. Мне еды для рабочего люда не жалко, ее всегда в избытке.

Весь день Беяна на меня странно посматривала, а потом подошла извиняться. Сказала, что ей и в голову никогда не приходило о помощи просить, но вот так вообще удачно вышло: почти задаром помогли, в самом деле, супа, даже и с мясом, не жалко совсем, а руки и плечи не болят. Я кивнула и напонила, что хороших людей всегда больше, чем плохих.

Уж я-то знаю, о чем говорю!

А вообще город Кобор мне понравился — улицы чистые, светлые, ровные. Дома красивые, каменные, украшенные деревянными балками. Те, что побольше — двухэтажные, некоторые и в три этажа, но больше всего одноэтажных. По архитектуре, наверное, на Европу похоже. Сама-то я нигде не была, но по телевизору видела. Надо будет мне потом одной прогуляться, без корзин. В конце концов, мне положен один выходной в неделю. Лучше бы два — но увы, здесь про трудовой кодекс и социальные гарантии никто не слышал.

В городе было теплее, чем в лесу, и теплое пальто мне приходящая портниха обещала сшить в долг (потом его стоимость мне вычтут из жалования).

Жизнь начинала налаживаться, хотя — совсем не такая, как раньше. Я всегда жила, в основном, по ночам, спала до обеда, работала до полуночи, а то и до рассвета, а сейчас вынужденно распорядок дня поменялся. Хотя жаворонком я себя по-прежнему не ощущала, со мной здесь быть невозможно, в общем я теперь, видимо, дятел.

Просыпаешься ранним утром, вдупливаешь в потолок, страдаешь... Из-под теплого одеяла выползает жуть как неохота, топят плохо, черное крыло за ночь остывает. Быстро выскакиваешь, натягиваешь шерстяные чулки и сорочку, колючее платье, вязаную

безрукавку, чепец, похожий на капор, войлочные домашние боты (десять серебрушек, ууу!), наскоро умываешься ледяной водой: и ты уже дрожащий такой дятел, который готов убивать. В таком настроении влетаешь на кухню, раздаешь всем... указания, а потом самое время накинуть пальто и неспешным шагом, наслаждаясь рассветом (хотя кому я, вру, какой рассвет — фонари и снег), направиться в булочную за горячим хлебом. Раньше бегала Лиска, но я теперь позволяла ей поспать подольше. Никому эти утренние прогулки не отдам. Очень помогает проснуться и немного присмотреться к городу.

А дальше начиналась рутина: завтрак, подготовка продуктов к обеду, параллельная уборка кухни. К вечеру ревизия продуктов с обязательным занесением расходов в амбарную книгу. Не сказать, что работа какая-то тяжелая, нет. Оставалось время и поболтать, и прогуляться, а еще в библиотеку домашнюю мне разрешили заходить. Вот только оказалось, что читать и практически не умею. С огромным трудом разбираю местный печатный шрифт, а буквы в слова складываются совсем туго. Слава Богу, с цифрами таких проблем не было, а амбарные книги заполнялись условными знаками. А вообще из прислуги грамотной были только Беяна и экономка.

В общем, взяла я за шиворот Лиску и по вечерам мы с ней вдвоем учились читать. Ей тоже не помешает. К девочке я, понятное дело, привязалась, перенесла на нее все свои нерастраченные материнские чувства. Хорошая девочка, работающая, скромная, тихая на самом деле. И ей очень нравится наш молодой маг, как я заметила.

А маг отчего-то на кухню зачастил. Надеюсь, я его объектом интереса не являюсь, уж лучше Лиска. Придет, сядет за стол и ржет над нашими неуклюжими попытками читать вслух. Когда и подскажет, а когда только чай пьет и уничтожает остатки булок.

В один день он прибежал радостно-возбужденный с новостью: льера Лисовская возвращается домой. Я, уже привыкшая к местному кругу общения, была совсем не в восторге: выходит, была я практически хозяйкой (хоть черного крыла, но все же), а теперь придется все свои действия согласовывать с незнакомой пока богатенькой девицей. А Лиска и вовсе загрустила: она была уверена, что Демьян влюблен в Софию Лисовскую, и теперь у нее нет никаких шансов понравиться молодому магу.

Дом словно взорвался, забежали горничные, вытирая везде пыль, перестилая постельное белье, выбивая портьеры, двигая мебель. А я сидела спокойно, попивая чай из тонкой фарфоровой чашки (из дорогощего неполного сервиза, который все равно гостям нельзя было подать) и с философским видом наблюдала за этой суматохой. Мне бояться нечего. На кухне порядок. Продуктов достаточно. Меню на первые дни подготовлено. Ну сколько та льера съесть может? Это ж не полк солдат, а изысканная хрупкая леди, которая должна кушать, как птичка. Как-нибудь прокормим.

Глава 10

По пятницам не подавайте

Льера Софья Лисовская прибыла поутру. Верхом. Не девица — гренадер!

Разумеется, мы все прилипли к окнам. Я здесь новенькая, Лиску приняли на работу не так уж и давно, она хозяйку еще не видела ни разу, а остальным просто любопытно.

Для начала девица оказалась высокой: на первый взгляд, как я. Я со своими 179 см здесь чувствую себя оглоблей, так я прислуга. Льеру Софье, вероятно, тоже несладко приходится. Итак, представьте себе девицу высокого роста, в кавалерийских сапогах до колен и ярко-синей юбке с разрезами, в высокой меховой шапке- боярке и пушистой шубке, с двумя черными косами до пояса — и всё это верхом на тонконогом жеребце. Такова наша хозяйка. Красавица, не отнять. Лицо, хоть и грубовато, но глаза большущие и губы яркие. Модельные агентства Москвы за такую фактурную дамочку бы передрались.

Демьян и экономка встречали ее на крыльце. Маг пытался помочь амазонке спуститься с коня, но не успел. Спрыгнула Софья легко и изящно, взметнув пушистый снежок, смерила наглеца надменным взглядом и неожиданно звонким голосом заявила:

— Льер Зеленев, не боитесь, что зашибу? Хотите помочь — коня сведите на конюшню. Девочки мои прибудут через пару часов, дороги замело, сани где-то там в пути застряли. Ух, какая я голодная! Я слышала, у нас кухарка новая? Надеюсь, кормят теперь как в столице? Лирра Рябина, распорядитесь подавать обед!

Я вздохнула и строго посмотрела на Беяну. Софья примчалась раньше, чем ее ждали, но у меня с утра в духовке прело жаркое. Сырный крем-суп вчерашний, ничего, льера об этом не знает. Свежие овощи на столе — быстро нарубить, заправить соусом. Хлеб свежий, масло в масленке, чай, варенье, мед. Надеюсь, достопочтенная Софья не слишком прожорлива.

Обед понесла сама — покажусь на глаза. Тем более, что лакеи как-то Софью Батьковну побаивались. Теперь-то я поняла, почему.

— Ого, ну ты и длинная, — прокомментировала кавалеристка. — Звать-то как?

— Лирра Ольха, — представилась я, расставляя приборы и улыбаясь про себя. Слышать подобные шутки от девицы, не уступающей мне по росту, совсем не обидно.

— Лирра Ольха, а выглядит отменно и пахнет просто одуряюще. Вы где раньше работали?

— Трактир у меня был в Руане. Потом сюда к деду приехала.

— Ммм... Неужто трактир? Не ресторан?

— На ресторан денег не хватило.

— Вдова?

— Да.

— Вижу по осанке и манерам, что ты с воспитанием. Отчего в кухарки пришла? С твоей-то внешностью можно и замуж выйти было.

Вот тут я, признаться, рот раскрыла: с какой моей внешностью? Мне ж сорок лет, ни кожи ни рожи. Кому я вообще нужна? Это я двадцать лет назад красавицей была — ну примерно как сама Софья, а сейчас... ну, не жаба, конечно, но и интерес как женщина представляю только для маргиналов. Выпивших. Сильно выпивших. Ох, ну ладно, для своих лет я неплохо сохранилась, чего уж прибедняться, особенно, если накраситься, но в моем мире совсем уж не котировалась, особенно в Москве. Там в моде совсем другие типажи: птички маленькие с накачанными губами и попами. Кто нравился мне — те больше на молоденьких внимание обращали, а мне оставалось то, что никому не нужно было. Поэтому, когда мне кто-то говорил, что я еще могу замуж выйти (чего я в принципе не планировала) — я всегда удивлялась. Видимо, вся моя мыслительная деятельность отразилась на лице, потому что брови у Софьи весело поползли вверх. Она махнула рукой, улыбаясь.

— После поболтаем, идите, лирра.

Я обалдело кивнула и удалилась. Странная барышня, странная. Ну и черт с ней, где кухарка и где она.

Кухня гудела, будто улей. Все уставились на меня с ожиданием.

— Льере всё понравилось! — объявила я торжественно.

— А в прошлый раз она изволила ругаться непотребно, — вздохнула Беяна трагически. — Она вообще девушка капризная и вздорная!

— Ша, — одернула ее я. — На моей кухне хозяев не обсуждаем. Это неэтично! Поняли?

— Да, лирра Ольга.

Покивали, но как-то кисло. Но я уже заработала себе репутацию грозной и упертой бабы, и спорить со мной никто не решился. А сплетни я терпеть не могла, потому что много раз сталкивалась с ситуацией, когда твои (или даже и не твои) слова доносили тому, кого обсуждали — и потом было мучительно стыдно. Словом, жизнь научила меня не говорить за спиной людей то, что я не могла бы сказать им в лицо.

Ближе к вечеру прибыла карета с прислугой льеры. Камеристка и секретарь (причем женщина, в очках, вся такая из себя деловая) — безусловно, очень нужные для барышни высшего света люди, — решили мы всей кухней. Думали, что новенькие зазнаваться будут, как никак, личные Софьины «девочки». Ошиблись. Что секретарша, что камеристка оказались скромными и милыми, у них не было никакого предубеждения против «черной» прислуги — обе заявили на кухню и обе с удовольствием поужинали с нами. Про Софью не сплетничали, а про себя рассказывали охотно. Сами из простых семей, немного магички, Софья их буквально облагодетельствовала, взяв на работу, и обожали они ее без памяти. Ну вот, не такая уж она и гримза, эта льера Лисовская.

К слову, камеристка еду вызвалась хозяйке носить в комнаты, а значит — нам не нужно накрывать стол три раза в день в столовой. Так что ничего особо и не изменилось с приходом Софьи. Ела она то же, что и все — я и сама люблю всякие вкусности, и прислугу какими-то людьми второго сорта не считаю. Поэтому блюда в меню всякие — и простые, и изысканные. Меню, кстати, Софья одобрила, причем горячо хвалила нововведения, уверяя, что они соответствуют столичным обычаям. Ну еще бы, я ведь — столичный житель, пусть и не этого мира.

Когда в один день хозяйка вызвала меня в свои комнаты, я не удивилась. Мало ли, чего ей может понадобиться — не то ужин обсудить, не то пожелания высказать. Я даже блокнот взяла, чтобы записать, если много наговорит.

Но Софья хотела другого. Царственно кивнула мне на постель, где была навалена куча самых разных вещей и сказала:

— Забирай себе всё, что нужно. Роста и телосложения мы примерно одинакового. Вещи хорошие, просто Милена шкафы разобрала, лишнее вот...

Я задумчиво посмотрела на пеструю кучу. Платья, я вижу, там: яркие и темные, шелковые, шерстяные, бархатные. Что-то меховое. Перчатки вон лежат. Сразу видно, все дорогое, вероятно, шитое на заказ. У меня такая красота когда-то в прошлой жизни была... но редко. А здесь на жалование кухарки я и вовсе могу купить себе одни лишь перчатки. И то, что вещи попользованные — совсем не страшно. Особенно после кальсонов с покойника (хорошие, кстати, кальсоны, теплые). Постирать, где надо подшить — всяко лучше, чем мой гардероб. Только в животе противное чувство беспомощной злости. Я, может быть, и кухарка, но не побирушка.

— Спасибо, льера Софья, но нет. Мне не нужно, — как можно спокойнее и ровнее говорю я. Чтобы голос не дрожал и не дай Бог какие-то нотки лишние не проскользнули.

— Как это нет? — растерянно переспрашивает Софья. — Но почему? Ольга, я же от чистого сердца, не думай!

У нее начинают дрожать губы. А я понимаю, что она назвала меня не на простонародный манер. Ольга, а не Ольха. Что хочет от меня эта странная девушка?

— Льера, я всего лишь кухарка, — устало говорю я. — Мне некуда носить ваши платья. К тому же униформа. И жалование у меня неплохое, грех жаловаться.

Про жалование я, конечно, зря. Гордость все равно прорвалась. Не стоило.

— Послушай, Ольга, — мягко улыбается Софья. — Ты очень красивая. И воспитанная. С манерами. Я бы даже сказала — изысканная. Не место тебе на кухне. Тебе бы мужа приличного найти. Я хочу, чтобы ты стала моей подругой. Хочу, чтобы ты свой ресторан открыла.

— А вы, льера, спросили, чего хочу я? — тут меня уже начало трясти. Благодетельница какая нашлась, ты подумай! — Может быть, меня в своей жизни всё устраивает? Может быть, я не хочу замуж? Зачем мне это нужно?

— Ольга...

— Простите, льера. Я пойду. У меня ужин. В смысле, готовить.

Я позорно сбежала. Обидно было до слез. Я ведь не воспринимала ее, как хозяйку. Никакого пиетета к вышестоящим у меня нет. Мне, в конце концов, сорок. Что с того, что она аристократка? Такой же человек, как и я. Или не совсем, если она магичка, допустим. Но в целом ничем не лучше меня. Все люди созданы Всевышним равными.

Мой работодатель — вот кто она. Но это я так ее воспринимаю, а она, видимо, решила милостыню подать. Никогда не побиралась и не стану! Даже за какие-то подарки и услуги я всегда расплачивалась, да, порой своим телом, но никогда должна никому не оставалась.

На кухне решили, глядя на мое покрытое пятнами лицо, что льера устроила мне разнос. Стали допытываться, жалеть, утешать — дескать, вздорная она баба. Доутешали до слез, я расплакалась там, всех разогнала работать, а сама пошла резать лук: все равно реву, так хоть по делу.

Глава 11

Каковы слуги, таков и хозяин

В белой части дома сегодня было шумно и весело. У льеры Софьи именины. Кажется, вся молодежь Кобора здесь, да еще и из окрестностей съехались. Праздновали с размахом, хохотали, бросались снежками, бегали по саду. Вино лилось рекой, еду, к счастью, заказывали в ресторане, потому что наши супы и жаркое — это слишком просто. Господам подавай морепродукты и заморские соусы. Если бы льера попросила меня придумать что-то экзотическое, я бы ей запросто наворотила роллы или суши, да и картошку фри сделала бы. Да и вообще я всякую экзотику умею готовить, и даже коктейли алкогольные. Но поскольку меня не спросили — мне же и легче. Проблемы у меня будут завтра — когда всю эту студенческую братию нужно будет накормить. На своих ногах уехали далеко не все: часть вповалку спит в гостиной.

Я разогнала своих девочек спать — осталась на кухне сама. Толк оставлять Лиску — что она скажет, если юные идиоты вздумают совершить набег на продукты? А я и кашу на рассвете задвину в духовку, и омлет приготовлю. Справлюсь. В конце концов, на то я здесь и главная, чтобы брать на себя ответственность за подобные ситуации.

В большой печи уютно гудит огонь, в доме сонная тишина. Я взяла с полки любимую чашку из тончайшего, почти прозрачного фарфора и заварила себе чая с мелиссой и апельсиновыми корками. Из печи достала подогретые утренние булочки с корицей и изюмом. Жизнь была прекрасна.

— Есть кто? — заглянул в кухню немолодой мужчина с приятным простым лицом. — Хозяйка, а чаем не поделитесь?

Судя по обычной, ничем не примечательной одежде, слуга или камердинер, наверное, кого-то из золотой молодежи. Усталый какой-то, помятый.

— Конечно, проходите, — пригласила его я. — Голодны?

— А что, еще что-то осталось? — было в этом человеке какое-то располагающее к себе обаяние. К тому же он был довольно высокого

роста — никак не ниже меня, а я к высоким мужчинам всегда была равнодушна.

— Суп с лапшой есть, — вспомнила я. — Хотите?

— Не откажусь, — обрадовался мужчина. — Как вас звать, прекрасная незнакомка?

— Лирра Ольга.

— Ольга, значит... а по бабушке?

— Ольга Дмитриевна, — удивленно ответила я, присматриваясь внимательно. — А вы?..

— Александр. Можно просто Алекс.

Я кивнула и принялась хлопотать. Суп подогрела, хлеб нарезала, мясо копченое выставила. Люблю людей кормить. По тому, как они едят, можно многое о человеке узнать. Льер Александр ел аккуратно и как-то элегантно, за ним было приятно наблюдать. Вообще очень интересный мужчина, какой-то спокойный, уютный что ли. Я обхватила тонкими пальцами горячий фарфор и пила чай мелкими глоточками, улыбаясь.

Мне хотелось ему понравиться. Я прекрасно знала, что кисти рук у меня красивые: длинные пальцы, аккуратные ногти, изящная форма. Аристократические у меня руки. Здесь, в кухне, я была без чепца — какой смысл соблюдать правила приличия наедине с собой? И без шерстяной безрукавки, и рукава закатаны, обнажая белые гладкие предплечья — от печи веяло жаром. Отросшие почти до плеч волосы мягко спадают на плечи, закрывая лицо. Я не откидываю их, не желая привлекать внимания. Кроме того, вдруг проснувшаяся женственность уверяет меня, что в полутьме я хороша. Не видно ни усталости, ни морщин вокруг глаз, ни седины в темных волосах (кстати, надо зайти в аптеку и купить краску для волос), а при слабом свете масляной лампы кожа мягко светится.

— Чаю, льер Лисовский? — мягким низким голосом спрашиваю я. Всё-таки когда-то я умела очаровывать мужчин. — У меня успокаивающий.

— Благодарю, Ольга Дмитриевна, — взгляд мужчины стал неожиданно острым, но лишь на мгновение. — Не откажусь.

Я поставила перед ним большую чашку. Откинула волосы с лица, склонилась изящно, понимая, что в полурасстегнутом вороте видна шея и часть груди. Взяла большой заварочный чайник — красивый, с

нарисованными на нем пастушками, с позолотой (и с отколотым носиком). И нарочно дернула рукой, плеснув горячую темно-коричневую жидкость на колени льера.

— Какого дьявола вы творите? — взвыл он, подскакивая. От его обаяния не осталась и следа, оно рассеялось, словно пар над чашкой.

— А вы какого дьявола творите? — рывкнула я. — Включили тут... свою любовную магию! Да кто вам позволил чары на меня накладывать? Думаете, если я — лирра, то не человек вовсе, а подопытная свинка?

Сразу же до обидного четко вспомнилось, что точно так же при первой встрече повели себя Демьян с Никитой. Ну что ж, какой хозяин — таковы и слуги!

— Какие чары, что вы истерику устраиваете?

— Льер Лисовский, вы закончили? Если нет — я прикажу подать вам ужин в столовую. Простите, что сразу не признала, я здесь новенькая, — поднялась, со стуком ставя на стол чайник.

— Оно и видно, — так же сухо ответил мужчина, колюче сверкая глазами. — Никакого уважения к хозяину.

— А вы мне не хозяин, а работодатель, — запальчиво ответила я. — Уважать я вас не обязана. Свою работу я исполняю исправно, а большего вы требовать не имеете права.

— Я и вижу, как исправно, — он явно злился. — Из мэйсонского фарфора пьете чай среди ночи. Не стыдно хозяйское добро брать?

— Эта чашка последняя из разбитого сервиза, — вскинула голову я. — У нее даже блюдца нет. Но если вы настаиваете, я, конечно, буду ставить ее гостям.

Он молча посмотрел на меня, раздувая ноздри, а потом вышел, хлопнув дверью.

Последнее слово осталось за мной, но спокойнее от этого не стало. Зря я, наверное, так резко. Он ведь не предполагал, что я почувствую. Просто... зашел посмотреть на новую кухарку, немного ее прощупал. А плевать! В первую очередь я женщина, а уже потом — кухарка. Отчего-то мне вдруг стало очень важно знать, что я не так уж плохо выгляжу. Бросив быстрый взгляд на печь с томящейся в ней кашей, я вынула из кармана маленькое зеркальце, которое купила за какие-то прямо уж баснословные для моего финансового положения деньги, и пристально взгляделась в него. Лица, конечно, целиком не

разглядишь, даже глаза видно по одному. Глаза как глаза: чуть раскосые — где-то в предках у меня были монголы, карие, совершенно не выдающиеся.

Нос короче не стал, разве что кожа от свежего воздуха и здоровой пищи стала ровнее. Мне показалось, что даже морщинки немного разгладились, но, скорее всего, это из-за отсутствия приличного освещения. А вот седина в темных волосах прекрасно видна, увы. Нет, волосы непременно покрашу, безобразие какое!

Дверь открылась, и я застыла в нелепой позе с зеркальцем в руках, ощущая острое смущение. Кухарка — и с зеркалом! Что может быть смешнее? Льер Лисовский смотрел на меня как-то странно, а я почувствовала, как мои щеки заливают жаркая волна, и стиснула зубы, ожидая ядовитого комментария. Но мужчина, кажется, смутился не меньше меня (словно голую бабу увидел, в самом деле!), буркнул «Извините» и снова исчез.

За что он извинялся — за свое поведение до этого или за то, что застал меня сейчас врасплох, я так и не поняла, но все равно было приятно. Сам факт того, что он вернулся и попросил прощения, очень хорошо его характеризует. Ну и вообще... красивый мужчина. Не как киноактеры, не глянецовый. Настоящий. Усталый, с сединой в темных волосах, с кругами под глазами, но порода чувствуется. И высокий — а для меня рост всегда был важен.

Беяну я растолкала еще до рассвета. Она вставать не хотела, но услышав «Льер Лисовский приехал», подскочила, как миленькая. Льера здесь побаивались.

— Он же менталист, — пояснила Беяна, споро взбивая яйца на омлет. — В голову умеет залезать. И не только в голову.

— А куда еще? Под юбки? — легкомысленно хихикнула я.

Вот сама же запретила на кухне сплетничать, но про Лисовского интере-е-есно! И не сплетни это вовсе, а разведка. Мне просто нужны сведения о своем работодателе.

Глава 12

О ценности красивого женского белья

В воскресенье у меня выходной день. На самом деле, у меня уже три свободных дня накопилось. Не особенно-то я утруждалась на службе, все же какая-никакая, а начальница, просто раньше мне некуда было и пойти. Все, что нужно, я заказывала в ближайших лавках, мелочи покупала во время периодических походов на рынок. Мясо нам теперь привозили прямо домой, рыбу, яйца и молоко тоже. Так выходило дороже, но быстрее и качественнее, в ежемесячную сумму, выдаваемую на расходы, мы не то, что укладывались, а еще немало оставалось. Обычно избыток денег я тратила на специи, сахар, мед, сушеные травы и прочие долговременные запасы. На рынке покупались лишь овощи, фрукты и что-то скоропортящееся.

Сегодня я бегу из дома, где стало слишком шумно. Постоянно ходят толпы людей, которых нужно кормить, во дворе чужие сани и кони, слуг великое множество — кучера, курьеры, секретари и прочая братия — и все они трутся на кухне. Мой маленький спокойный мирок буквально взрывался чужаками, не всегда приятными и вежливыми, но всегда голодными. Пришлось даже нанять двух временных служанок, чтобы справляться с возросшим объемом работы.

Брать выходной в такую пору — по меньшей степени неловко. Но я посчитала, что я тоже человек — ничуть не хуже льера Лисовского, к примеру. И вообще — погода прекрасная, небо голубое, снежок искрит, скрипя под ногами. Город чистый, ясный.

Давно уже я не скучала в обществе самой себя, и теперь была счастлива, просто гуляя по улицам. Зашла в кофейню, выпила чашку кофе с миндальным пирожным, поглазела на дам с детишками, радуясь, что я не нянька и не гувернантка. То еще удовольствие — вытирать сопливые носы чужим детям. У меня и с Машкой плохо выходило, а чужих малышей я и вовсе боюсь. То ли дело подростки, вроде Лиски — вот с ними интересно, они уже не зародыши личности. В следующий раз Лиску с собой возьму, уж на лишнее пирожное денег мне хватит.

Потом отправилась по магазинам и даже купила новые жутко дорогие кожаные перчатки — к слову, почти такие, какие предлагала мне Софья. Сейчас я уже не понимала, почему тогда психанула — льера явно не желала меня оскорбить. И ладно себе ничего не взяла, но Лиске могла бы выбрать что-то. Но теперь уже поздно. Надо бы, наверное, извиниться, но это оказалось слишком сложно. Так и мучаюсь — и стыдно от этого, и горько. Что ж, может, забуду со временем.

Перед витриной лавки белошвейки я остановилась и зависла. На деревянных распорках (видимо, заменяющих тут манекены) были такие красивые пеньюары — шелковые, с кружевами... Здесь явно продавались чулки и бельё, а у меня с этим конкретная проблема.

Нижнее белье прислуга вовсе не носила, у меня были единственные приличные трусы и те самые мужские кальсоны. Может быть, здесь найдется что-то по демократичным ценам?

Воровато оглянувшись, проскользнула в лавку. Мда, нескромно. Здешний сервис явно не по моему кошельку. Оббитые цветочным шелком диванчики, столик, на котором стоит ваза с конфетами, образцы тканей. Красивая тетрадь на столике нарочно открыта на картинке полуобнаженной дамы. Хозяйка (вряд ли продавщица выглядит столь изысканно и строго) приветливо улыбнулась мне, а я испуганно захлопала глазами. Потом вспомнила, что давно уже не школьница, а вообще-то старшая прислуга в приличном доме, и расправила плечи.

— Добрый день. Не смогла удержаться, — со смущенной улыбкой сообщила хозяйке. — У вас не лавка, а сказочный ларец. Столько красоты!

— На любой вкус, лирра, — тут же сориентировалась женщина моих лет. — Что вас интересует?

— Белье, лирра. Самое простое.

Она окинула меня внимательным взглядом и выложила вполне себе симпатичные коротенькие панталончики из батиста, корсаж с чашечками и пояс для чулок. Всё это было невыносимо изящно, я мысленно прикинула, сколько у меня вообще денег. Все же два месяца работаю, а жалование почти не трогала.

— Десять серебрушек за панталоны, — угадала мои сомнения хозяйка. — Восемьдесят за весь комплект. В подарок батистовая

сорочка. Прекрасно! У меня всё жалование — сорок в месяц! Прикусила губу и выложила честно заработанные монеты, купив трое панталон. Без остального переживу, а это даже не роскошь.

— Я оплачу, — раздался за моей спиной знакомый голос, и я быстро обернулась.

Вот только Лисовского мне и не хватало в лавке для белья!

— И чулки добавьте, льера Маргрет, — кивнул он продавщице. — Шелковые.

— Вам по размеру не подойдет, — ядовито заметила я, пододвигая хозяйке монеты.

— А я не себе, я дочке, — прищурился этот гад. — А вы о чем подумали?

Я, наверное, отчаянно покраснела. Так стыдно мне еще не было никогда. Действительно, с чего бы ему покупать МНЕ чулки? Я — всего лишь прислуга, причем не в меру наглая.

— Вы сложением похожи на Софью, — продолжал Лисовский, явно насмехаясь. — Вот я и подумал, что точно угадаю с подарком.

— Не угадаете, — выдавила из себя я. — Для молодой девицы такое белье не годится. Если позволите, я дам совет.

— Вы так считаете? Почему? Вы же себе взяли! — он приподнял брови, но я уже перестала смущаться. Хотя, видимо, должна была. Как-никак, в приличном обществе всё, что находится под платьем, не обсуждается.

— Я прислуга, льер Александр, — кротко ответила я. — К тому же мое жалование не позволяет мне купить что-то выдающееся. Но для дочери вы, вероятно, хотите самое лучшее?

— Разумеется, — он прожег меня взглядом. — А сколько вы получаете?

— Достаточно, чтобы жить без забот. Не извольте беспокоиться.

— Да? Ладно, не буду, — он посмотрел на меня пристально, улыбнулся уголками губ и добавил. — Беспокоиться.

Он что, флиртует? С кухаркой? Впрочем, многие хозяева всегда не прочь были полапать прислугу, но ему-то это зачем? Он вполне может найти себе любовницу своего круга — с его-то внешностью!

— Так вам требуется совет, или справитесь сами?

— Готов полностью положиться на ваш выбор.

О, это он зря! Любой женщине только дай возможность, она так развернется! Мы понимающе переглянулись с льерой Маргрет и принялись перебирать белье, не обращая внимания на усевшегося на диванчик Лисовского. Боже, какое здесь было бельё! Шелковое, кружевное, батистовое, откровенное и обманчиво скромное, подчеркивающее фигуру, скрывающее недостатки. Комплект для Софьи выбрали в меру скромный — все же подарок отца, но безумно красивый, с вышивкой и кружевами.

— Примерять не будете? — лениво подал голос льер. — Уверены, что сядет?

— Тут шнуровка и утяжки, не волнуйтесь, — отмахнулась я. — Всё подойдет.

— Благодарю в таком случае, Ольга Дмитриевна. Вас проводить?

— Нет, не нужно. У меня выходной день. Я еще не нагулялась.

Он кивнул, а я забрала свою красивую коробочку и предовольная отправилась гулять дальше.

* * *

«Сдается недорого внаем домик садовника приличной барышне без детей» — я смотрела на это объявление и нервно стискивала руки, вздыхая. Цена указана не была. Но до чего ж заманчиво! Недорого — это, конечно, не по моим деньгам. Моей зарплаты, условно говоря, хватает на четыре пары трусов. Куда уж мне свой домик! Потопталась на месте, зябко притопывая ногами, поудобнее подхватила свою драгоценную коробку и поплелась домой. На душе отчего-то было муторно. Подумать только, какое жадное существо — человек! Еще пару месяцев назад я была рада водопроводу и отоплению в доме, а сейчас хочу несбыточного.

Пришла, пробралась в свою комнату, растянулась прямо в одежде на неудобной узкой постели и уставилась в потолок. У льеры Софьи снова гости. Кричат, хохочут, звенят посудой. Хорошо, что стрелять не начали, как в прошлый раз. Открылась дверь, заглянула Беяна:

— Лирра Ольга, раз уж вы все равно вернулись, помогите на кухне! Приходящие уже сбежали, а гости требуют чего-нибудь поесть.

— Пусть в ресторане закажут.

— Так уже заказывали — кончилось всё.

— Твою мать, — пробормотала я, поднимаясь и ахая от боли в гудящих ногах. — Выходной у меня.

— Лирра Ольга! — Беляна смотрит умоляюще, и я сдаюсь.

Бутерброды, соленья, запечённая целиком рыба — она быстро готовится, а печи горячие. К ней вино — белое, разумеется, Софья — барышня изысканная. Вино, впрочем, я велела разбавлять. Все равно уже лыка не вяжут, никто и не заметит. Сколько же может слопать здоровый молодой парень? Оказывается, очень много. И девушки отнюдь не птички-малоежки, а, скорее, голодные лошадки. Словом, дюжина гостей пробила изрядную брешь в наших запасах продовольствия, придется завтра снова на рынок бежать.

В свою постель я вернулась только на рассвете. Поспать удалось всего пару часов, а потом по новой. И так каждую неделю! А жалование у нас фиксированное.

Немного подумав, я надела самое лучшее платье (черное, с белым воротничком), нахлобучила чепец и отправилась на второй этаж белой половины. Там было тихо, словно вчера не шумели здесь и не раскидывали мебель. Мне было ужасно жаль горничных.

Льер Лисовский нашелся в кабинете. Увидев меня в дверях, он отчего-то слегка покраснел и принялся нервно перебирать бумаги.

— Льер Александр, я к вам с просьбой, — сразу начала я. — Вы, как я поняла, не знаете, какое жалование положено прислуге? А между тем, работы с вашим приездом существенно прибавилось. Денег на расходы мне выдают больше, а людям жалование не увеличилось ни на тарэ. Я хотела бы просить прибавку поварихам и посудомойке.

— И сколько же жалование у кухарки, лирра Ольга? — внезапно успокаиваясь, спросил Лисовский, не моргая, глядя на меня.

— Сорок серебрянных, льер. Аккурат на четверо панталон. А у поварих и того меньше.

— На сколько панталон?

— На трое. У судомойки и на двое не хватит. Я понимаю, что питание, проживание, но согласитесь...

— Довольно, лирра, я понял, — поднял руки ладонями кверху мужчина. — Мне казалось, что Софья заказывает еду в ресторане? Разве это не так? Отчего же у вас прибавилось работы?

— Гости льеры Лисовской часто остаются на завтрак. Вечерами требуют напитки и закуски. К ней постоянно приезжают ужинать подруги. Да и ваши гости, льер... Они ведь с прислугой являются. Всех надо кормить. В приемный день на кухне не протолкнуться бывает. Сегодня мои девочки работали почти до рассвета. А завтрак никто не отменял.

— Ясно. Я прикажу выписать вам премию.

— Всем?

— Всем, всем, лирра. Но с одним условием.

— С каким?

— Вы позволите мне иногда ночью пить чай в кухне.

— В вашем доме вы вольны делать всё, что пожелаете.

— Вы меня поняли, Ольга, — Лисовский смотрит спокойно и строго, а я понимаю, что щеки снова заливают краской.

— Поняла, — не отвожу глаз я. — Приходите. Чаем угощу.

А когда я наконец-то нашла время распаковать свои покупки, то обнаружила в коробке не только панталоны, но еще и тот самый корсаж, сорочку и пояс для чулок. Так вот почему он так всполошился, думал, я скандалить буду! Наверное, я бы так и сделала, если бы сразу узнала. Но махать кулаками через неделю после драки совсем глупо, да и премия обещанная опять же...

Глава 13

Хозяин дома

Боже, тому, кто делал эти кровати и эти перины, стоит выдать почетный знак. Топор, например. И назначить городским палачом. Вроде я не такая уж и старая, отчего ж так болит спина? Нет, я не претендую на ортопедический матрас, но сегодня я добрым словом поминаю мой славный диван-динозавр, купленный в комиссионке еще в середине девяностых. У него не работал механизм и была дырка в обшивке, но я после того, как спала на нем, не чувствовала себя столетней бабкой. Здесь же я задумалась о фитнесе — а это значило, что черта пройдена. Попробовала спать на полу — холодно, дует. Так еще и воспаление легких заработать можно.

Злая, невыспавшаяся, я отправилась на кухню, где уже разогревала печи Лиска. Налила себе в стакан холодной воды, надела фартук... В дверь заглянул чей-то слуга, явно не местный. Помялся на пороге, робко спросил, нет ли рассольчику — хозяину его нехорошо. Таких «нехороших хозяев» у нас каждую неделю — что грязи в огороде, поэтому я заварила опробованного уже ромашкового чая с имбирем и лимоном. Действие сего великолепного средства я когда-то проверила на себе, вот честно — прекрасная штука для тех, кто накануне перебрал с алкоголем. Можно бы еще фенхеля с одуванчиком добавить, но я как-то пока не озадачилась поиском нужных ингредиентов, потому что как выглядит фенхель, я понятия не имела, я его в аптеке раньше в коробочке покупала. Браво, Ольга, кто бы мог подумать, что твои знания по устранению алкогольной интоксикации окажутся наиболее востребованы в новом мире?

За чудо-чаем пришли еще двое, потом появилась камеристка и утащила еще чашку для Софьи. В себя страдальцы пришли как-то слишком быстро — вот что значит, молодые организмы. Спросили еды. И чаю. И вчерашней капусты с клюквой. На завтрак, ага.

Словом, про свой стакан воды я вспомнила уже тогда, когда горшки и сковородки очищала.

За моей спиной испуганно ахнула Беляна. Как-то подозрительно замолчала черноглазая болтушка Марика. Я обернулась: льер

Лисовский. Так, что мы натворили-то?

— Ольга Дмитриевна, покажите мне меню, — льер Лисовский смотрит так строго, что я теряюсь. И этот человек хотел пить чай по ночам на кухне? Зачем? Чтобы отчитывать меня за косяки?

Я неспешно вытираю руки полотенцем, беру с полки исписанный крупными печатными буквами лист бумаги и подаю ему.

— Пожалуйста, льер,

— Сегодня на завтрак был творог. Какого черта, я его терпеть не могу! Ладно, вы здесь недавно, поэтому можете не знать моих вкусов. Но до этого была эта... как её... Белла. Она могла бы и подсказать. Ну вот, я так и знал! Вторник — запеканка! Вычеркивайте. Печень тушёная — это что за гадость? С чего вы взяли, что это вообще съедобно? Суп с лапшой... в принципе, ладно. Борщ. Что это за блюдо? Салат из свежих овощей... Лирра, вы из деревни приехали, да?

— С чего вы взяли?

— Меню деревенское.

— Меню полезное и сбалансированное. Льера Софья утвердила.

— О Господи, — он недовольно поморщился. — Ну хоть кофе-то вы варить умеете?

— Американо, латте, капучино? — блеснула я интеллектом.

— Чёрный кофе со сливками, корицей и сахаром, — закатил глаза льер. — Не умеете — скажите прямо.

— Умею.

— Тогда мне по утрам кофе. И хлеб жареный. С мёдом.

— Поняла, льер Лисовский. Ещё какие-то указания?

— Мясa побольше готовьте. Телятины жареной с каким-нибудь соусом. Кстати, где вы берете мяso?

— С мясником договорилась, он привозит два раза в неделю.

— Правильно. И с молочником договорились?

— Разумеется. И яйца привозят, и рыбу, и муку, и сахар. А овощи мы на рынке берём, там свежие.

— Ладно, пожалуй, поверю, что у вас опыт. Может, вы ещё и пироги печь сами умеете?

— С грибами, с мясом, с капустой? — с творогом предусмотрительно предлагать не стала. — Ещё сладкие могу, с вареньем или изюмом.

— Включите в меню пироги. Всякие.

— Да, льер. Что-то ещё?

— Пожалуй, всё. И да, Ольга, спасибо. Еда стала вкуснее. На кухне, я вижу, порядок. Вы отлично справляетесь.

— У меня прекрасные помощницы, — смутилась я. — Старательные и трудолюбивые.

Он кивнул, явно теряя интерес к разговору, окинул взглядом кухню и вышел.

Девушки мои отлипли от стен, с которыми они старательно сливались на протяжении разговора, и шумно выдохнули.

— Ох, лирра Ольга, как хорошо, что вы тут главная, — дрожащим голосом поведала Беяна. — Если бы он на меня так посмотрел, я б язык со страху проглотила.

— А чего страшного-то? — удивилась я. — Он же просто свои замечания выдал, не орал, матом не ругался.

— Менталист же...

— И что? Вот еще не дело — хозяина бояться. Вы лучше меня бойтесь, потому что если, дамы, вы снова рыбу в один ледник с мясом положите, я вам такого леща этой стерлядьё выпишу, что Лисовский вам котенком покажется.

Немудреная шутка развеяла обстановку, разумеется, все понимали, что никогда никого не ударю и даже обзвать нехорошим словом не позволю себе. Нет, крепкие словечки у меня порой вырываются, а кто промолчит, когда у тебя большущий нож из рук падает и норовит в ногу воткнуться? Спасли мою конечность от неминуемой травмы Лиска и войлочный сапожок, кстати. Девочка успела какие-то чары наложить и смягчить удар.

Но с ледниками стоит разобраться, право слово! Все-таки я когда-то в кафе работала и строго уяснила, что такое отдельная система хранения продуктов. Прочитала девушкам своим лекцию о кишечных заболеваниях, напугала страшным словом «глисты», заставила всё переставить-переложить. Отныне рыба и мясо не соприкасались, на леднике появился ящик для замороженных овощей, мешок яблок, нашедшийся в погребе, мы в восемь рук перемыли, порезали и разложили сушиться, крупы расставили по полкам, а сам погреб основательно вычистили. Я заставила выкинуть всё, что было несвежим, не обращая внимания на вопли «ой, да тут чуть-чуть гнили, можно же обрезать и еще полежит». Не полежит. Чай, не в деревне

живем, как любезно мне напомнил льер Александр, денег нам на хозяйство выделяют немало, свежее купим.

Сегодня Софьины приятели, да и сама молодая хозяйка отходят после вчерашней глобальной пьянки (интересно, почему льер-батюшка ей позволяет так себя вести?), поэтому к вечеру в кухне тишина и покой. Девочки разбежались — кто спать, кто домой к семье, а я разложила амбарные книги и принялась записывать расходы. Одних только яиц сегодня съели две дюжины, да муки мера ушла, а еще картофель, морковь и мясо. На завтра у нас рыба, каша рисовая с яблоками, суп грибной, на пироги вот тесто поставлено.

Устало потерла глаза, пересчитала оставшиеся монеты — чтобы точно быть уверенной, что ничего не пропало. Посижу до полуночи, а там Лиска меня сменит. Она предлагала с вечера мне спать идти, но у меня от одного только воспоминания о моей удобнейшей постели спину свело судорогой, к тому же, откровенно говоря, я ждала, не явится ли льер на чай.

— Опять полуночничаете, Ольга, — не замедлил явиться предмет моих раздумий. — Меня ждете?

— Вас, льер, — не стала отпираться я. — Чай, пирог вот лимонный, из булочной, правда, но вкусный.

— Спасибо, — он сел за стол, аккуратно придвигая к себе дымящуюся чашку, оглядел меня внимательно, а я покраснела и отвернулась. Ну да, волосы я выкрасила утром, забежала в цирюльню. И вовсе не для него. Хотя кому я вру — для него, конечно. И чепец потому сняла, и платье надела свежее — потому что за целый день на жаркой кухне утреннее уже попахивало.

— Расскажите о себе, Ольга, — попросил Лисовский, пробуя чай и блаженно жмурясь. — Мне Демьян сказал, что вы вдова?

— Вдова, — нахмурилась я. — Муж умер, таверну за его долги отобрали. Вот, к деду приехала.

— К Сабирову? К Егор Матвейчу? Отчего в Руане не остались, замуж не вышли?

— Не молодая уже, да без приданного, — честно ответила я. — Можно было найти кого-то... вдовца, может... но страшно. Быть самой себе хозяйкой спокойнее.

— А разве вы сама себе хозяйка? — невинно спросил льер Александр. — Идти вам по-прежнему некуда.

— Я могу решать, что есть, как разговаривать, когда гулять пойти. К тому же я не поломойка, не прачка, не портниха. Я люблю готовить на самом деле. Работа, конечно, утомляет, но если захочу — найду и другую.

— Уже хотите?

— Нет, что вы! Здесь коллектив... в смысле, люди хорошие, да и хозяева нормальные.

— А дети у вас есть, Ольга?

— Дочка... была. Умерла в десять лет.

— Простите. Соболезную, — льер Лисовский осторожно коснулся моей руки кончиками пальцев и мягко на меня посмотрел. — Кстати, вы слышали, что в Коборе театр хотят строить? Представляете, как в столице. Будет своя труппа, весь город гудит.

Я охотно подхватила беседу. Все же я не ошиблась. Хозяин дома — человек очень приятный. Проболтали мы до полуночи о разном: о погоде, о ценах на ткани, о столичной моде, об охоте, о породах собак. Я, наконец, спросила, почему здесь почти нет кошек, а Лисовский сказал, что зачем они нужны, шерсть от них, мебель дерут, да и вообще игрушки бесполезные. А мыши с магами не уживаются, кстати, и тараканы тоже, видимо, общий магически фон их отпугивает. В тех домах, где нет магов, да в деревнях кошки, конечно, есть. А в городах только особые любители заводят.

А я любила кошек и с радостью бы завела кого-нибудь, но мне не положено. Ничего, когда-нибудь будет у меня свой дом, там и кошка будет. Потому что я не маг, у меня и мыши появиться могут, ведь правда?

Глава 14

Новые лица

Глупо конечно, но факт остается фактом. Я, кажется, почти влюблена в Лисовского. Обаятельный ведь гад, да к тому же высокий! И нравлюсь я ему, вот уверена — нравлюсь. Странное, полузабытое — но такое приятное ощущение! Разумеется, между нами ничего быть не может, но даже эти взгляды, робкие улыбки и неторопливые беседы ни о чем грели мне душу. Я вдруг ощутила себя красивой. Во многом этому поспособствовало и красивое белье. Всё-таки женщина в перешитых мужских кальсонах и женщина в кружевном белье — это два разных существа. Сегодня в доме тихо, Софья усвистала куда то еще с утра при полном параде. Видимо, гулянка будет у кого-то другого. Льер Александр уехал в столицу на пару дней. Поэтому я осмелилась всем своим работницам дать выходной; в конце концов, приготовить незамысловатый обед я могу и сама. Ко мне на чай заглянула лирра Рябина, она тоже была какой-то измученной.

— С ног сбиваемся, Ольга, — жаловалась она мне. — После этих вечеринок уборки выше крыши. Шторы трижды новые вешали. И, главное, льер ей слова не говорит против. Она из отца веревки вьет!

— Насколько я знаю, льер не ее отец? — осторожно спросила я.

— Официально да, — кивнула Рябина. — Но ты посмотри на них! Дочка она его, точно говорю. То ли от любовницы, то ли от гулящей барышни какой. Оттого и трясется он над ней, вину заглаживает.

Я пожала плечами. Сходство, конечно, присутствует. Но даже если это его родная дочь — что с того? Ответственный мужчина, значит.

— А женат льер был?

— А как же. Только недолго. Родами его жена умерла. А жаль, любил он ее очень. Потом долго в трауре был, да так и не женился больше.

— Не понимаю, отчего его так боятся, — запустила пробный шар я. — Приличный мужчина, очень спокойный

— Очень приличный, — желчно усмехнулась женщина. — В голову залезет, а вы и не узнаете. Он же, во-первых, менталист...

— А во-вторых?

— А во-вторых, он Ищейка королевская. Поговаривают даже, что тайный советник его величества и еще кое-кто, — Рябина робко снизила голос, испуганно озираясь. — Страшный он человек, Ольга. Ты с ним осторожнее.

— А чего я-то?

— Так все уже заметили, что он на тебя по-особенному смотрит. Ты осторожнее, от него ждать каких-то серьезных намерений не стоит.

— Брось, — отмахнулась я. — Никаких иллюзий я не питаю. Поверь, я же взрослая женщина, вдова. Голову не потеряю.

— И хорошо, хорошо. Кстати, а вам льер тоже зарплату повысил?

— Повысил, — кивнула я.

И вправду, мне теперь целых сто серебрушек, то есть, целый златник полагался. Теперь-то точно можно домик присматривать. Вот Рябина здесь не живет. У нее дом неподалеку, муж-ремесленник и сын. Она редко когда задерживалась до ночи. Вот и сейчас едва стемнело, а она уже засобиралась домой. Я, как всегда, вручила ей корзину с остатками обеда; ребенку пирог, мужу горшочек с супом. И у Беляны тоже свой дом и семья, так чем я хуже?

В общем, я оделась и вышла на вечерние улицы: если домик все еще сдается, то это судьба.

Табличка была на месте. Я решительно прошла через большие кованые ворота по расчищенной от снега дорожке к красивому особняку. Постучала в двери.

Обстоятельный дворецкий в темно-зеленой ливрее вопросительно на меня посмотрел.

— Я по объявлению, — решительно заявила я. — Сдача садового домика.

— Проходите, льера, присаживайтесь в гостиной. Я сейчас позову хозяйку.

Я не стала его поправлять, прошла в большую старомодную гостиную и села на диван, оббитый потертым лиловым плюшем. Огляделась. Наверное, мне все-таки не по карману съем жилья, потому что все здесь дышало запустением. Когда-то дом был роскошен, но теперь паркет растрескался, портьеры выгорели, а на стенах-темные пятна от отсутствующих картин.

Под стать интерьеру оказалась и хозяйка. Миниатюрная седая женщина в кресле с колесиками, которое толкал дворецкий, все еще

была очень красива. Тонкое лицо, выразительные темные глаза, трагичный рот, уверенно расправленные плечи. Белые волосы уложены в красивую прическу. Аристократка!

— Здравствуйте, лирра, — царственно кивнула женщина. — Вы желаете снять домик? Меня зовут льера Гдлевская. Елена Гдлевская.

Я кивнула и представилась. Судя по лицу хозяйки, я должна была от этого имени пасть ниц в восхищении, но я понятия не имела, кто это — Елена Гдлецкая, и поэтому просто мило улыбнулась.

— Снять домик — это громко сказано, льера Гдлевская. Для начала я хотела бы узнать цену.

— О, сущие пустяки, милая. Полтора златника!

Я глубоко вздохнула и покачала головой.

— За квартал, дорогая лирра, а вы что подумали? — тут же сориентировалась Елена. — Домик совсем маленький, кухня да комнатка, зато и топить несложно. А дрова вам Михаил принесет. Мне, знаете ли, дровами мэр помогает... бесплатно. Так что одним беспокойством меньше.

— А поглядеть можно?

— Да, разумеется. Михаил, проводи лирру.

Домик действительно был крошечным, почти незаметным среди кустов и деревьев, но кирпичным и на вид вполне крепким. Внутри все было очень скромно: в кухне небольшая плита, стол со стулом и ларь для овощей, в комнате — узкая кровать, кресло и шкаф. В целом совсем неплохо для одинокой женщины. Меня более чем устраивает, особенно, если дрова бесплатные.

Вернулись в большой дом.

— Мне всё нравится, льера Гдлевская, — сообщила я хозяйке. — С радостью перееду. Вещей у меня немного.

— Прекрасно, душенька моя, но с одним условием. Я — женщина одинокая. Сами видите, и на улицу мне выехать зимой просто невозможно. Приходите ко мне пару раз в неделю на чай — и я буду совершенно счастлива.

— С удовольствием, льера Гдлевская. Пару раз не обещаю, потому что выходной у меня только один. Но загляну непременно.

Мне была интересна эта женщина. В ней чувствовалась какая-то загадка и, безусловно, воспитание.

Вернулась «домой» счастливая. На дворе стояли сани, суестились лакеи. Лисовский вернулся. Это меня обрадовало — я люблю наши вечерние посиделки. Пожалуй, это единственное преимущество жизни в этом доме. Радостная, пробежала в свою комнатку и досадливо вздохнула: пыльно, тесно и темно. Полы бы вымыть... но это слишком сложно. Надо бы горничным замечание сделать. Мы же на них готовим, а они наши комнаты не моют. Несправедливо. Пальто повесила на гвоздик, сапожки в угол. Платье пришлось переодеть — у этого подол весь мокрый от снега. Отросшие волосы заплела в короткую куцую косичку.

На кухню бежала, словно девочка молоденькая. Словно мне и не сорок. Словно и не было всего... что в прошлом осталось.

Сколько месяцев я здесь? Сейчас в Москве февраль. Новый год я благополучно пропустила. Прикрыла глаза, представила блестящие улицы, каток на ВДНХ, Красную площадь... Всё это было как-то совершенно нереально. Словно я об этом в какой-то книге прочитала. А ведь у меня там, в том мире, дочка и внуки, которых я ни разу не видела. Скучаю ли я по ним? А вроде бы и нет. Я про Машку почти не вспоминаю. Ну как не вспоминаю — не болит у меня. Пока не начинаю в больное место тыкать — не болит. Только когда Лиску вот такую, как сейчас, съезжившуюся на стуле, вижу — думаю, что она мне дана вместо дочки. Тоже девчонка в жизни горя хлебнула, сирота при живых родителях. Она родилась в очень многодетной семье — то ли одиннадцать там детей, то ли больше уже. В двенадцать лет ее отдали в дом Лисовских в услужение, и с того момента о ней родители не вспоминали. Мне это дико. То есть я понимаю, что такое — куча детей, которых нужно кормить и одевать — сама через похожую ситуацию прошла, но вот как можно взять и ни разу не навестить своего ребенка — этого не понимаю.

— Лис, — тихо позвала я девочку, задремавшую за столом. — А ты родителей давно видела?

— Давно, — погрустнела Лиса. — Когда с Беляной ездили обувь чинить. Мимо проезжали, я забежала домой. Это осенью еще было.

— И как? Не скучаешь по дому?

— По сестренкам скучаю. А так... здесь тепло, еда всегда есть. Читать и писать вы меня учите. Я домой не хочу, лирра Ольга! — в голосе Лиски паника.

— Лисонька, так я не предлагаю тебе туда насовсем уезжать. Просто... — я вздохнула (вспомнила Машку, расклеилась в очередной раз). — Давай корзину еды соберем. Яблок купим, пирожков. И навестим твоих.

— Ой, лирра Ольга! — в глазах девочки заблестели слезы. — А ведь у меня жалование есть! Я могу и денег родителям немного дать, пусть дверь починят или еще что! И сестренкам теплую одежду какую купить, хоть ветхую, это ничего, они у меня умницы, шить умеют!

Я кивнула, отворачиваясь. Сама сейчас зареву. Свою семью потеряла, так хоть Лиске чем могу помогу.

— Иди спать, хорошая моя, — с трудом улыбаюсь я ей. — Утром поглядим, что из старых вещей можно перешить на твоих сестреночек. Да льера София предлагала свои старые платья, может, и у нее что возьмем.

Чтобы хоть немного успокоиться, наливаю себе чаю, нарезаю остатки лимона — те, что не ушли в пирог.

Пальцы все равно противно дрожат. В груди холодно и пусто, как всегда, когда воспоминания накатывают, словно злая волна, захлестывают с головой, зажимая нос и рот. Я вся съежилась и обхватила плечи руками. Зря я отпустила Лиску, теперь мне плохо в одиночестве.

Хотелось завывать в голос, будто зверю.

Не успела.

В кухню вошел льер Лисовский, сел напротив и как-то равнодушно на меня уставился.

— Чаю, льер Александр? — мягко спросила я.

— Да, спасибо, — вяло сказал он и потер лицо руками.

Мне его вид категорически не понравился. Какой-то он был измученный, словно больной. Сейчас он выглядел на все свои пятьдесят.

Налила ему чаю, намазала медом булку — запомнила уже, как он любит, поставила перед ним. Не утерпела, спросила:

— Что-то случилось, Александр?

Столь интимное обращение я позволяла себе не так давно. Он тоже называл меня по имени, и мне это ужасно нравилось. Всё же я испытываю к нему теплую нежность, хотя между нами, кроме взглядов

и мягких намеков, никогда ничего не было и явно не будет. Сейчас я начала волноваться.

— Все нормально, — тускло ответил Лисовский и замолчал.

Он и чай-то не пил, и не ел. Просто сидел и смотрел в одну точку. Меня начало потряхивать — ну явно же не в порядке человек! Я даже встала и подошла к нему, дотронулась до лба ладонью — не заболел ли? Нет, лоб прохладный. Александр немного ожил и даже исправно стрельнул глазами мне в декольте. Я ведь специально к его приходу пуговицы на платье расстегивала, чтобы... не знаю, зачем. Нравилось мне, что он на меня глазеет.

— Льер Александр, вы выглядите больным, — пояснила я свои явно неприличные действия.

— Я чувствую себя нормально, — ответил он, снова потухая. Словно для того, чтобы я отстала, он выпил чай, попрощался и ушел.

Ладно, допустим, у него сегодня просто дурное настроение. Такое бывает. Только мне все равно это не нравится. Меня не отпускала тревога. Я никак не могла понять, что не так — но было явно не так.

Глава 15

Серая дымка

На следующий день я специально распустила всех слуг пораньше домой. Было тихо — льера Софья так и не вернулась. Несколько раз я под надуманными предлогами выходила в белую часть дома: забирала серебро из столовой на чистку, поручала какие-то мелочи горничным, поднялась в комнаты Софьи — проверить, нет ли там посуды (лиера любила завтракать в постели). Пару раз удалось столкнуться с Лисовским, и ничего такого, что так меня насторожило вчера, я не заметила. Он был совершенно обычным.

Таким... строгим. Холодным. Даже суровым.

Вечером как всегда он спустился в кухню, но даже ничего не спросил и не попросил. Ни чай, ни кекс с изюмом его не заинтересовали, а прежде он очень любил сладкое. Смеялся и говорил, что магам положено. Я даже не поняла, зачем он пришел — просто на меня посмотреть, что ли?

Плюнув на все приличия, я разыскала Никиту, который уезжал вместе с льером, и спросила, что такого у них случилось во время поездки.

— Да ничего не случилось, лирра, — отчаянно зевая, ответил молодой маг. — Всё как обычно, скучные встречи.

— Вам не кажется, что с льером Лисовским что-то не то?

— Нет, не кажется. Не понимаю, что вы вообще имеете в виду.

Ладно, он маг, ему виднее. Тем более, я всё равно не могу внятно объяснить свои ощущения.

На следующий день у меня был выходной, и я снова отправилась к льере Гдлевской. Мы попили чаю (вполне приличного) с принесенным мной печеньем, мило поболтали об искусстве (да, я узнала, что в Коборе есть музей магии, а еще собираются открывать театр) и заключили, наконец, договор об аренде домика. Пока на полгода.

Потом я с великим удовольствием перемыла в домике полы и мебель, застелила постель свежим бельем, принесла продуктов и даже приготовила себе обед.

Я лежала на своей кровати (вполне удобной, между прочим) в своем доме и была совершенно счастлива. Оказывается, мне очень не хватало этого волшебного чувства одиночества. Так и уснула на постели прямо в одежде — и даже несколько об этом не сожалела.

Проснулась на рассвете, не понимая, где я и почему мне так легко дышится. В моей каморке в доме Лисовского под утро было душно, влажно и темно, потому что окно крошечное и для тепла заложено одеялом. А сейчас свежо и довольно светло из-за белизны сада вокруг. Проспала! Отсюда до моей работы бежать два квартала. На улице мороз, хоть и ветра нет, и я ввалилась в кухню, на ходу сбрасывая пальто, разматывая шаль и выпрыгивая из валенок.

— Беяна, всё хорошо? — выдохнула я, хозяйским взглядом окидывая вверенные мне владения.

Женщина покосилась на меня как-то странно и кивнула.

— Лирра Ольга, кашу поставили в духовку. Хлеб куплен, нарезан.

— Софья возвращалась?

— Нет. Сегодня спокойно, только льер и его свита. Посторонних нет.

— Отлично, тогда я умоюсь и вернусь. Кофе льеру сварю.

Кофе я Лисовскому варила всегда сама, никто из прислуги не умел, а я умела. Мне нравилось священнодействовать с этим капризным напитком: смолоть зерна, налить воду, вскипятить, налить в полупрозрачную чашку из мейсенского фарфора, добавить сахар, сливки и корицу. На блюдце положить тонкий кусочек поджаренного белого хлеба, поставить рядом мисочку с медом, и всё это на поднос и лично отнести в столовую. Комплимент от шеф-повара, ага.

Прошла в белую половину, оглядела сервированный стол, осталась довольна.

— Лирра Ольга, разрешите задать вопрос? — неожиданно заговорил со мной льер, до того молча сидевший на стуле.

Я вздрогнула, звякнув чашечкой с кофе. Утром он никогда со мной не разговаривал, делая вид, что мы не знакомы. Это по вечерам и наедине мы почти друзья, а днем — лишь хозяин и кухарка.

— Льер Александр? — я вопросительно смотрю на него, нервно оглаживая передник. Отчего-то мне кажется, что он будет меня ругать за какой-то косяк.

— Вы не ночевали дома. У вас... есть жених? Или какая-то другая причина?

Что это сейчас было? Льер смотрит спокойно, но глаза чуть сощурены и ноздри подрагивают. Он что, подумал, что я была с мужчиной? Мне становится смешно — да я ж старая! Какой мне мужчина?

— Я сняла домик, льер, — почтительно поясняю я, сцепив руки на животе. — Буду теперь жить в своем доме.

— Зачем?

— Мне хочется иметь свой дом, — я даже растерялась от такого вопроса. — Не всё же в приживалках жить.

— Что вас не устраивает в моем доме? — настойчиво спрашивал Лисовский, даже немного оживившись.

Серая дымка вокруг него заколыхалась. Стоп, какая еще серая дымка? Откуда?

Я пригляделась повнимательнее, но чем больше вглядывалась, тем меньше видела. Значит, это работает наоборот. Максимально рассеяла взгляд, улавливая ЭТО.

— Вы... у вас отношения с кем-то? — не отставал Лисовский, мешая мне понять, что происходит вокруг его фигуры.

— С кем? — рассеянно спросила я.

— Я полагаю, с женщиной.

Я вздрогнула и уставилась на него с искренним недоумением.

— Даже если и так, то что? Вы против? Разве вы имеете право мне запретить?

Дымка дрогнула и побледнела.

— Я предпочитаю, чтобы моя прислуга вела себя достойно.

— В смысле, отказалась от личной жизни и посвящала всё свое время работе на кухне?

— Вы свободны, лирра Ольга, — Лисовский аккуратно положил на колени льняную салфетку и невозмутимо принялся за еду. Я моргнула недоуменно, не решаясь двинуться с места. — Идите, лирра. Работайте. Пока ваша личная жизнь позволяет.

О как, да он же ревнует! Да нет, быть не может, я не могу ему НАСТОЛЬКО нравиться. Это просто невыносимо. Покачала головой, вышла... обернулась напоследок. Серая дымка была почти черная.

Нет, надо разыскать Демьяна и вцепиться в него, как клещ. У льера явные проблемы.

Демьян нашелся в кабинете, перебирающий бумаги. Я даже миндальничать с ним не стала, прямо заявила:

— Вот как хочешь, Демьян Власович, а с господином Лисовским непорядок.

— С льером, — поправил меня маг. — Что вы опять себе придумали, лирра?

— Я не придумала, — упрямо ответила я. — Вокруг него дымка серая.

— Я ничего не вижу.

— Надо думать. А я — внучка Егора Матвеевича, я магию вашу чувствую и по-другому смотрю. Под мою ответственность. Демьян — сам не видишь — ищи опытного мага. Если я не права — увольняйте, штрафуйте, палками бейте. Демьян, лучше перебдеть, чем недобдеть!

— Чего? — юноша выглядел, мягко говоря, ошарашенным. — Вы о чем сейчас?

У меня вырвалось короткое и емкое, но нецензурное слово. Придется брать обаянием.

— Мальчик, слушай тетю, — я оперлась руками на стол и пристально на него уставилась. Он отодвинулся подальше с опаской. — Твой льер под воздействием. Если с ним что-то случится, виноват будешь ты, не я. Я всего лишь кухарка.

— Да нет никакого воздействия! — заорал Демьян нервно.

— Ты готов поставить на это свою жизнь?

— Ладно, — сдался парень (видимо, он был не готов). — Так и быть. Съезжу за магом, в конце концов, льеру положено...

— Аллилуйя! — я готова была аплодировать этому решению. — Только не затягивайте.

— Да понял я, — кисло ответил маг. — Честное слово, проще сделать, как вы говорите, чем спорить.

Ну разумеется, учишь, мальчик! В жизни тебе такое качество, как занудство, очень пригодится.

На кухне царил хаос: вернулась льера Софья, да не одна, а с компанией молодых людей. Как всегда, внезапно. Ох, как я была зла! Что же, не учили ее предупреждать? Хоть бы гонца впереди послала,

думает, что я маг? Вынь и положи ей закусочку холодных! Нет, из ресторана долго ждать, там заранее надо.

Мы носились в мыле: резали и поджаривали хлеб, укладывали на него масло, рыбу соленую, икру, рубили легкие салаты, заворачивали в лепешки сыр с яйцом и чесноком. Я велела еще грибов и огурцов соленых разложить красиво. Тысяча чертей, девочка, если ты хочешь гостей своих поразить, ты заранее сообщай! Я тебе и блинов с икрой сделаю, и роллы-суши всякие могу, и крылья птичьи во фритюре — в фастфуде я немало в своей жизни поработала. Но нет, теперь кушайте не слишком ровные бутерброды. И не надо на меня взгляды гневные бросать, сама виновата, хозяйюшка!

Успокаивало меня то, что жалование у меня вполне достойное, а если льеру наябедничать, еще и премию выпишут. А я наябедничаю, сверхурочные должны оплачиваться по справедливости!

К вечеру мы все с ног валились, Марика так вообще задремала стоя у стенки. Беяна сильно ошпарила руку, пришлось отправить ее к магу и домой. Господи, что за день! В туалет сходить некогда, беготня, беготня, беготня.

— Спать идите, — хмуро сказала я, поглядев на своих полтора землекопа. — Обе. Я сегодня в ночь сама буду. Сейчас попрошу мужчин на завтра из ресторана еду заказать. Это же невозможно просто, даже лошадям передышку дают.

Марика и Лиска кивнули в унисон и мгновенно испарились. Раньше бы они вздумали возражать и спорить, но сейчас им это и в голову не пришло. Я же умылась холодной водой и сварила себе крепкий кофе: завтра выплюсь. А сегодня у меня дикое желание устроить разнос одной избалованной девчонке.

Лисовский не пришел. Его голос я слышала где-то в коридоре, а потом он затих. Зато раздался топот ног, и дверь в кухню распахнулась с такой силой, что громко хлопнула об стену.

— Лирра Ольха, лирра Ольха! — Никита был бледен до такой степени, что у него веснушки видно было. — С льером Александром что-то случилось! А Демьяна нет, он еще днем уехал за магом!

— Что именно не так? — встрепелась я.

— Пойдемте!

Я с трудом поднялась, морщась от тяжести в ногах, пошла за ним, удивляясь, почему позвали именно меня. Есть же дочка, лекарь,

соседи, в конце концов! Я-то им зачем?

Думать так было приятно, конечно. На самом деле я понимала, что заработала себе в этом доме какой-то авторитет, и моей мелочной несчастной душонке это льстило. Как мало мне надо для счастья — чтобы малолетки за мной прибежали раньше, чем за специалистом!

Льер Лисовский сидел в кресле и смотрел в пространство, не мигая, не шевелясь. Как манекен. Я помахала рукой перед его глазами. Он не отреагировал, даже зрачки не дернулись. На покойника (нет, нет, не нужно нам тут покойников) не похож, теплый, пульс прощупывается.

— И давно он так?

— Минут пятнадцать, — нервно ответил Никитка. — Сел и застыл. Я думал, спит... а он ни на что не реагирует.

— Софью почему не позвали? Дочь-то может и достучится?

— Так нет ее, она укатила в ресторан догуливать.

— Замечательно.

— А лекарь?

— Съехал. Ещё вчера. Сказал, что не может в таком бедламе жить.

— Какой мудрый человек, — пробормотала я с завистью.

Никитка с отчаянием на лице принялся орать льеру в ухо, брызгать на него водой, трясти за плечи, разве что пощечину не осмеливался дать — никакой реакции.

Я присела на корточки возле Александра, разглядывая его лицо. Ежику понятно, что ничего не понятно, но все очень плохо. Дышит хотя бы, но очень тихо, даже грудь не вздымается. Осторожно потрогала его руку.

Погладила по щеке — никогда бы не осмелилась сделать это в другой ситуации. Ах, до чего ж он мне нравится! Вспомнила старые сказки, потянулась и прижалась губами к его губам.

Глав 16

«Зеркало»

Где-то за спиной сдавленно хрюкнул Никитка, по молодости лет ничего не понимавший в жизни. Губы под моими губами дрогнули и приоткрылись. Я скользнула между ними языком, касаясь гладких зубов, поймала его выдох — настоящий выдох, а не тот, еле слышный. Александр шевельнулся, мне на поясицу опустились тяжелые горячие руки, притягивая к себе на колени. Руки скользнули по моей спине вверх, очертили лопатки, пробежались по позвонкам шеи, сдержали безобразный чепец, путаясь в волосах.

Целовался льер Александр, я не побоюсь этого слова, божественно. Нежно, но властно, не позволяя мне даже пикнуть, пальцами придерживая меня за затылок. Я готова была признать, что это был самый сладкий поцелуй за всю мою жизнь, но и самый неприличный тоже.

— Льер, — выдохнула я, отворачиваясь так резко, что его губы мазнули по щеке. — Хватит, пожалуйста.

— Вам неприятно? — хрипло спросил Александр, пальцем поворачивая мое лицо и заглядывая мне в глаза. — Вы очень красивая, Ольга.

— Сработало! — радостно выкрикнул Никита, но я видела — взгляд Лисовского снова стекленел.

— Кратковременно сработало, — констатировала я. — Что делать будем?

— Придется вам, лирра Ольха...

— А почему сразу я?

— А кто, я? Вы ему нравитесь явно больше, чем я!

— Ты такой умный! Мне сколько так сидеть? А потом что — увольняться от позора? Ты хоть представляешь, что болтать будут?

— Вы правы, — согласился Никита. — Надо его в спальню утащить. Там никто не узнает. Молю вас, лирра, я очень боюсь, что в один миг он просто перестанет дышать! Или сердце биться перестанет.

Я, всё еще сидящая на коленях у Лисовского, мрачно покосилась на его застывшее лицо. Ладно, черт с ней, с репутацией! Я должна

сделать всё, что могу.

— Потащили, — решила я.

Мы подхватили его под руки вдвоем — и потащили словно пьяного. Ничего, и не таких таскали, благо, спальня не так уж и далеко. Сгрузили на кровать, с безумием поглядели друг на друга.

— Я буду за дверью, — пропыхтел Никита. — Лирра Ольха, одна надежда на вас! Если что — кричите!

— Чепец мой из гостиной убери, — буркнула я, нервно убирая волосы со лба, с трудом удерживаясь, чтобы не сползнуть про «кричите» — это юное невинное дитя шутки не поняло бы. — И дверь хоть прикрой, ладно? А то мне крайне неловко.

— Лучше вы, чем я! — пафосно провозгласил мальчишка и сбежал.

Хм, а может, и поняло бы.

Я оценивающе поглядела на лежащего в постели Александра. Сашу. Вздохнула. В постели было еще более неловко, чем в кресле. В кресле создавалась хоть какая-то видимость приличий, а тут — абсолютный интим.

Но делать нечего, пришлось лечь рядом.

Повернула его голову, лизнула губы, потянула зубами нижнюю. Мне было ужасно приятно его целовать, по спине бежали мурашки.

— Ольга, — раздался глухой шепот. — Вы здесь!

Его язык с силой раздвигает мои губы, овладевая ртом, руки опускаются на ягодицы, сжимая, притягивая ближе. Он тянет мое колено на свое бедро, поглаживая его через юбку.

Я позволяю себе на некоторое время выпасть из жизни и просто наслаждаться давно забытыми ощущениями. Потрясающий мужчина всё же, хотя я об этом уже говорила, да?

Его губы спускаются ниже, на шею, кончик языка проводит по горлу, отчего низ живота у меня простреливает сладким спазмом.

— Льер... — испуганно дергаюсь я. — Не нужно.

Он поднимает на меня осоловевшие глаза с расширенными зрачками.

— Ты в моей постели. Чего не нужно?

— Вы вообще понимаете, что происходит?

— Да. Мы в постели. Ты меня целуешь. Ты согласна.

— Льер, вы под проклятьем, или как там эта хрень называется. Вы теряете жизнь.

— Я? — глаза льера смотрели внимательно, но уже начинали тускнеть.

Я снова поцеловала его, не желая выпускать из вменяемого состояния.

— Тогда я не понимаю, что происходит.

— Вы реагируете на меня... как мужчина.

— Согласен. Еще как реагирую, — он потянул мою руку вниз, чтобы я лично убедилась, насколько живо он реагирует. Как мужчина. — Это плохо?

— Это хорошо, — вздохнула я. — Но я не хотела бы переходить к более... глубоким мерам.

— Погодите, я должен осознать ситуацию.

Он отодвинулся от меня и замер, уставившись в потолок, а потом потряхнул головой.

— Вы правы. Даже мысли текут медленнее. И я всё меньше могу вас ощущать. «Зеркало», мать его. И сам я снять его не смогу, это невозможно. Позвольте, и сколько нам так лежать?

— Демьян умчался за опытным магом несколько часов назад.

— В Коборе нет приличных магов, — мрачно заявил Лисовский, разворачиваясь на спину и перетаскивая меня наверх, на свои бедра. — Терпите, лирра, это для дела. Ммм... — он поерзал подо мной, и я едва не взвилась от ощущений его твердости.

— А где есть?

— Насколько я знаю Демьяна, он поехал за старым Йозефом Гродным. Он лучший из всех. Тут недалеко... часа три до его поместья.

— Три часа туда, три обратно. Вы уверены, что вам хватит... терпения?

— А у меня есть выбор, лирра? Поцелуйте меня, в глазах темнеет.

Я старательно целовала его, пожалуй, даже чересчур старательно, делая вид, что не замечаю, как его горячая ладонь поглаживает мое бедро под юбкой. Мне было страшно. Он — мужчина немолодой. На сколько его возбуждения хватит? Что-то я сомневаюсь, что на одних поцелуях можно выехать. А переводить наши отношения на новый уровень я категорически не хотела. Во-первых, у меня только одно

сердце. Я себя знаю. Если поддамся искушению, равнодушной уже остаться не смогу. Влюблюсь по уши.

Это будет не легкое будоражащее кровь чувство, как сейчас, нет, это уже будет тяжелая зависимость со всеми ее прелестями: с ревностью, с тоской, с отчаянной потребностью во взаимности, которую он точно мне дать не сможет. Я ему не ровня. Поиграет и забудет. Нет, нельзя допускать лишнего.

Из состояния меланхолии меня вывел довольно болезненный щипок за бедро.

— Не о том думаешь, Ол-л-льга. Обо мне думай. У нас я умираю.

— Умрешь ты, как же, — хмыкнула я, проводя пальцами по его груди. — Ты же бессмертный. Как Кощей.

— Кто?

— Неважно. Это становится неприлично, Саша. Отпусти.

— Мне нравится, как ты меня называешь. Неприлично — это мягко сказано. Ольгэ... если придется зайти чуть дальше?

— Я против. Я скромная порядочная женщина.

— Я не сомневаюсь в твоей порядочности, но позволь заметить — целуешься ты потрясающе нескромно.

Он стащил меня с себя, уложил на подушки и принялся покрывать поцелуями мое лицо. Меня же начало трясти, и отнюдь не от страсти. Да, мне не пятнадцать. Я опытная, всё умею, всё пробовала. В прошлом было многое, особенно в хмельном угаре. Но это совсем не значит, что именно сейчас и именно с этим мужчиной я готова переступить черту. А между тем ему явно становилось скучно.

— Саша, мне не нравится твой взгляд.

— Мне твой тоже не нравится, — фыркнул он. — Ты плохо стараешься, Ольга.

— Я? — подскочила я на постели. — Я еще и стараться должна?

— Конечно, — засмеялся он, снова целуя меня с прежней жадностью. — Люблю, когда ты злишься. Так интереснее. А то ты какая-то зажатая. Ох уж эти девственницы, никакого задора.

— Я вдова, смею заметить.

— Все равно девственница. Скромница. В темноте под одеялом. В миссионерской позе.

Это вызов, да? Ну что ж, в такую игру можно играть вдвоем, поэтому я приблизилась к нему и зашептала в ухо:

— Ты ведь не думаешь, что у меня был только один мужчина? Нет, не один. Когда-то я была красивая... за мной ухаживали... носили цветы. Я была и любовницей, и музой...

Его пальцы больно сжали мои бедра.

— И что ты им позволяла? — глухо спросил Лисовский.

— Всё.

— Всё? — он прищурился, явно злясь. — И... — зашептал мне всякое... причем проходящее по моей личной классификации как вполне невинные ласки, о чем я ему и сообщила. — А если...

— И так могу.

— Еще скажи, что вот так у тебя было...

— Было. Но честно скажу, никакого удовольствия. Так, терпимо.

Лисовский витиевато выругался, уткнувшись лбом мне в плечо и тяжело дыша.

— Хочу тебя, — признался он. — По-всякому хочу. С того дня, как увидел в кухне... такую красивую, гордую...

Неизвестно, чем бы дело закончилось, только в дверь забарабанили с такой силой, что она затряслась. Он оттолкнул меня, сел на постели, спуская ноги, переводя дыхание. Я вскочила, оправляя юбку, к окну.

— Можно, — крикнул Александр.

В комнату вбежал смешной толстый старик с белой бородкой. Прищурившись, окинул пристальным взглядом Лисовского, развернулся и отвесил полноценную оплеуху зашедшему следом Демьяну.

— Двоечник! — взвизгнул он. — «Зеркало» не заметить! Идиот! Полудурок! Давно так?

И, поскольку Демьян явно не мог ответить на этот вопрос, пришлось мне.

— Странности в поведении льера я заметила четыре дня назад, сразу по приезду его из Тугра. Сначала думала, что усталость, но потом стала сомневаться. И дымка эта...

— Какая дымка? — требовательно спросил старик. — Цвет, фактура, толщина.

— От черного до серого, плотная, почти не прозрачная.

— Что? — он явно выглядел сбитым с толку. — Что за чушь? Ладно, льера, с вами потом. Алекс, пейте.

Он сунул под нос уже цепенеющему Александру какую-то склянку, заставил выпить до дна и лечь в постель.

— Так, неудачник. Готовишь отвар Меридиуса и «антизеркало», будем снимать. Я его в стазис на сутки ввел, времени тебе с лихвой хватит. И учти: неправильно сделаешь — я подам прошение, чтобы у тебя диплом отобрали. Чудо, что он так долго протянул, все же менталист, ага. Теперь вы, льера. Пройдемте в гостиную. А лучше в кухню.

— Я лирра, — пискнула я, ощущая себя почему-то маленькой девочкой.

— Я и вижу. Ну, чего ждем-то?

Я вздохнула и повела его в кухню.

Глава 17

Внучка Егора Матвеевича

За мной, как цыплята, шли все три мага — явно рассчитывая на чай и не только. Но я совсем не хотела, чтобы два юных гусара присутствовали при моей беседе с этим... как его... Йозефом. Поэтому я заявила им, что лавочка закрыта, завтрак будет утром. Но они так канючили, что пришлось выдать им хлеба с сыром и выгнать едва ли не веником.

— Я смотрю, вы умеете найти подход к молодежи, — с явным одобрением заметил старик, усаживаясь на стуле. — Так этим дурачкам и надо. Давайте знакомиться, льера.

— Лирра. Лирра Ольга.

— Я Йозеф Гродный. Для вас, льера — просто Йозеф. Вы, кстати, замужем? Хотя о чем я спрашиваю... Вы же с Алексом были.

— Между нами ничего нет! — быстро ответила я, закрываясь пузатым чайником. — Это... разово было. Не подумайте, мы не любовники.

— Это вообще не мое дело, льера Ольга. Но должен признать, что способ вы выбрали самый эффективный. Как угадали?

— Не знаю, инстинктивно. Подумала, что нужно выводить его на эмоции, да сказки старые вспомнила. А потом увидела, что работает. Ну и вообще... самые сильные инстинкты у человека — голод, холод, продолжение рода.

— Где учились?

— Нигде. Книжки читала всякие.

— Итак, «зеркало» — это проклятье, которое в первую очередь действует в направлении магии. Лисовский — менталист, поэтому оно на чувства подействовало. А самая большая опасность заклятья — что тот, на кого оно наложено, обычно понимает что-то в лучшем случае на последней стадии.

— Почему же не заметили Демьян с Никитой? — поинтересовалась я.

— «Зеркало» очень сложно определить. Его не видно по ауре. Человек кажется совершенно нормальным, ну разве что усталым или

грустным. Но косвенные признаки есть. Огневики мерзнут. Ледяным магам, наоборот, жарко. Водников мучает жажда, воздушникам душно, ну и так далее. Менталисты вон эмоции утрачивают. Аура резко меняется уже перед самой смертью. Вы ведь умная женщина, предположите, как умирают маги?

— Водники от обезвоживания, а огневики от критического повышения температуры? — вскинула брови я.

— Совершенно верно! обрадовался Йозеф. — И методика оттягивания конца соответствующая! Водника в ванну с водой, огневика обложить льдом, воздушнику искусственное дыхание! А менталиста — эмоциями и желаниями!

Я покраснела и опустила глаза. Хороша бы я была, если бы Лисовский не был менталистом!

— А теперь поговорим о том, что льера видела, — вкрадчиво понизил голос Гродный, опуская свою бородку на сложенные пухлые ручки. — Потому что «зеркало» увидеть невозможно. Разве что в ауре на последней стадии, но вы явно заметили раньше. И то, что вы описываете... совсем не то. Что именно вы видели, льера?

— Я не льера, — напомнила я. — Льеры кухарками не работают. А видела я этакую дымку, серую, сгущающуюся до черной.

— Показать сможете?

— Ну... нарисовать смогу.

— Мне проще посмотреть. Я тоже менталист. Просто покажите мне это, я уверен, что увижу.

Он обошел меня со спины, встал сзади, положил руки мне на голову.

— Начинайте.

Я послушно представила себе Александра за завтраком и черное колыхание вокруг него. Маг довольно хмыкнул, а потом мне резко стало дурно. Закружилась голова, подступила тошнота, на висках выступил холодный пот. Я вырвалась из-под его рук, отскочила, тяжело дыша и смотря на Йозефа с ненавистью.

— Что вы пытались сделать? — закричала я на него. — Кто вам позволил? На любое магическое воздействие требуется согласие!

— Что и требовалось доказать, — умиротворенно улыбнулся маг, усаживаясь за стол и наливая себе чаю. — Вы не пустышка. Природу

вашего дара понять не просто, но он есть. Не сердитесь, льера, я не со зла, только ради науки. Откуда вы, говорите, сюда приехали?

— Из Руана, — буркнула я, обжигая его взглядом и не решаясь сесть.

— Демьян сказал, что вы внучка Егор Матвеича?

— Да.

— Садитесь, что же вы стоите! — махнул он мне рукой. — Матвеич, конечно, уникал. Такого широкого спектра магии, как у него, я в жизни не встречал. Тогда понятно, почему вы такая... альтернативно одаренная.

— А расскажите мне про деда, — попросила я, присаживаясь. — Я ведь ничего не знаю. Из Руана приехала — впервые его встретила. А он сам не болтлив.

— Это и понятно, о таком мало кто рассказывает. Да и давно это было, лет тридцать назад. Я тогда еще в учениках ходил. Тогда был взрыв во дворце, очень много разрушений, люди под завалами. Матвеич там всех спасал. Он на то время первый советник его величества был, оказался в центре событий. Благодаря ему сильных разрушений удалось избежать, он как мог сдерживал стены, пока народ не вывели, а потом еще помогал завалы расчищать. В общем, надорвался. Был маг силы великой, а стал огрызок человека. Болел долго, мы вообще думали, что все, не выживет, а ничего, выправился. Даже немного магии восстановилось, но все равно — магом его считать сложно.

— Знаете, я предполагала нечто подобное, — задумчиво кивнула я. — Такой уж он человек... воспитание, поведение... Я так и думала, что магом он был не из простых. Ну ладно, а с льером Лисовским что теперь будет?

— Да нормально всё будет. Сейчас он в стазисе, «зеркало» снимать умеем. Ну поболит недельку, ерунда. Правда, последняя стадия у него, года два придется лекарства принимать. Но это лучше, чем лежать в землянке.

— Какие лекарства?

— А вам зачем? — прищурился Йозеф. — Все равно ж не поймете.

— А вы догадайтесь, кто будет следить за этим, — хмыкнула я. — Не Софья же. Кстати, Софья ведь льера? Магичка?

— Льера, да толку с нее. Ленивая девчонка, учиться не пожелала, замуж не хочет, работать тоже. Только и знает, что деньги отцовские проматывать. Ну, лучше здесь, чем в столице заговоры устраивать, молодежь — она знаете какая нынче?

— Не знаю, — вздохнула я. — У нас все проще. Вон Лиска с ее небольшим даром работает наравне с взрослыми. Ни на какие заговоры времени нет. Ей бы учиться... а ее жизнь — это посуда да печка.

- А вы сами что, не против разобраться со своим даром? Вдруг и польза будет какая-то обществу.

— Да когда мне, льер... — вяло отмахнулась я. — Тут работы невпроворот!

— Я поговорю с Александром, не думаю, что он будет против. Особенно учитывая вашу роль в его спасении.

Я пожала плечами. Делать мне больше нечего, как их магиям учиться. Я последний раз училась чему-то лет пятнадцать назад. Надеюсь, что не заставят. И вообще, господин льер Гродный, вам спать не пора? Мне вообще-то с раннего утра по хозяйству прыгать, в отличие от некоторых магов.

Наверное, мое лицо было очень выразительно, потому что маг отставил чашку, по-кошачьи потянулся и принялся прощаться.

— Что ж, льера, — заявил он. — Продолжим нашу увлекательную беседу завтра. А сейчас я спать, и вы, надеюсь тоже.

— Добрых снов, льер Йозеф, — кивнула я, ставя чашки в раковину.

Глаза у меня слипались. Потом помою, утром. Или Беяна помое. Как хорошо, что послезавтра у меня законный выходной, и можно будет побыть в одиночестве в своем доме!

Проснулась поздно — и как только умудрилась уснуть так крепко на короткой неудобной кушетке в углу?

Меня не будили. Работа в кухне кипела, уже и обед начинали готовить, а завтрак давно подан. Беяна, Марика и Лиска работали очень тихо, разговаривали шепотом, посудой старались не брякать. Я едва не прослезилась от такой заботы.

— Проснулась? — просияла Беяна, увидев, что я села, сонно моргая. — Ой, Ольга, что вчера было-то!

— А что было? — осторожно спросила я.

— А то ты не знаешь! Ты же вчера тут была!

— А мне интересно от других услышать!

— Так вчера наш льер едва не помер! Говорят, проклятье на нем мудреное было, маги не заметили, а простая кухарка заметила и заставила Демьяна за помощью ехать! Льер совсем при смерти был, маг приезжий едва успел в последний момент его спасти! Как хоть ты умудрилась-то, Оляха?

Ну слава Богу, моя роль в этой истории исключительно героическая! Про постель не болтают!

— Я же внучка Егора Матвеевича, — напомнила я. В самом деле, как удобно, когда все странности можно свалить на героического деда! — Я всегда думала, что магии во мне нет, что я пустышка, а маг приезжий сказал, что есть, только какая-то нетипичная. Как-то я проклятье и разглядела.

— Сабирова что ли внучка? — открыла рот Марика, плюхаясь на стул и глядя на меня, словно на привидение. — Того самого знахаря? Который в лесу живет?

— А то вы не знали.

— А то нам рассказывают, кто чей родственник, — ехидно ответила Белянка, с подозрением рассматривая меня. — Ты вот много про кого знаешь?

— Про Лиску только и знаю, — вздохнула я, сдаваясь. — Да, я внучка того самого знахаря, который в лесу живет. Раньше он магом был. Многопрофильным. Теперь вот, оказалось, и мне от деда что-то перепало.

— Ну да, ты на него похожа, — кивнула Марика. — Высокая, как и он, и взгляд такой... опасный. Я знахаря пару раз видела, он так смотрит, словно насквозь видит тебя, и ты так же смотришь.

Я хмыкнула и отправилась умываться. Похожа, ага. Ну, каждый видит, что захочет. Не так уж это и плохо, теперь все странности можно объяснить родством с великим героем прошлых лет. Ну, дед! Вот это затейник оказался!

Глава 18

Софья

— Оляха, вас вызывает к себе льера Софья, — сообщает мне экономка Рябина. — Она сегодня полдня ревела. Наверное, поблагодарить вас хочет. Или придушить. Они с отцом несколько дней назад разругались в пух и прах, Софья даже вазу расколошматила.

Я не люблю сплетен, поэтому сие знаменательное событие прошло мимо меня. Жаль. Было бы интересно послушать.

Делать нечего, я здесь прислуга, поэтому хочу не хочу — а приходится снимать фартук, надевать ненавистный чепец и подниматься в господские комнаты. Вздыхаю, стучу в дверь, получаю снисходительное «Да-да!» и захожу.

— Вы желали меня видеть, льера?

Софья бледная, с опухшими глазами кивает мне на стул.

— Лирра Оляха, как мне выразить вам свою благодарность? — спрашивает она, трагически сжимая длинные белые пальцы. — Вы спасли моего отца от смерти, я ваша вечная должница.

— Не нужно меня благодарить, — спокойно отвечаю я, чувствуя давно забытое превосходство над этой растерянной девочкой. — Это нормальный человеческий поступок.

— Но именно вы заставили Демьяна ехать за Гродным! Если бы не забили тревогу, отец был бы уже мертв! Пожалуйста, я должна вас отблагодарить, это нужно мне лично!

— Льера Софья, насколько сильна ваша благодарность? — я вдруг вспомнила про Лиску и ее семью, и прежде, чем девица успела испугаться, продолжила. — У нашей посудомойки куча братьев и сестер. Помните, вы говорили, что можете отдать старые вещи? Мы бы взяли, что-то перешли, что-то продали... Лиска говорит, что семья совсем плохо живет.

— Ничего больше не говорите, лирра! — подскочила Софья, просяив. — Мы прямо сегодня поедем к ним и поглядим, чем можно помочь! Это будет достойное искупление!

— Сегодня не выйдет, — остановила ее я. — Лучше завтра. У меня выходной, и если к вам не приедет орава гостей, то времени нам

хватит.

— Никаких больше гостей, пока отец не поправится, — твердо заявила Софья, приятно меня удивив. — Лирра Оляха, вы сможете приготовить угощение для детей? Я сейчас дам денег, купите пирожных, орехов в сахаре... или что там дети любят?

— Мне кажется, овощи и пара кусков вырезки будут уместнее, — осторожно заметила я.

— Для взрослых — конечно. А детей нужно баловать! — Софья подскочила с дивана и бросилась к шкафу. — Я сама куплю орехов, а вы отдыхайте. Мне нужно прогуляться.

Странная она, даже слишком. Тут дело нечисто, мне кажется. Что-то я раньше не замечала в ней такого энтузиазма. Напротив, она вообще не замечала никого, кроме себя.

— Льера, а позволительно ли узнать о состоянии льера Александра? — осторожно спросила я, готовая к тому, что мне высокомерно ответят что-то вроде «не ваше дело».

— Отец пришел в себя, — слабо улыбнулась девушка. — Есть пока не может, слабость сильная, начались проблемы с сердцем. Доктор уже был. Но это всё временно.

— Есть не может — это неприятно, — обеспокоилась я. — Почему не может? Не хочет? Организм не принимает? Что-то особенное, может, ему приготовить?

— Не может, тошнит его, — вздохнула Софья. — Но доктор сказал, что пройдет через пару дней.

Пройдет, ага. А до этого времени организм не будет получать питательных веществ. Так нельзя. Я кивнула Софье (кланяться так и не научилась), вернулась на кухню и налила в миску куриного бульона из кастрюли. Потерла яблоко на терке, размяла вареный картофель с молоком. Сварила жидкой манной каши с медом. Поставила все это добро на поднос, снова поднялась на второй этаж, постучалась в комнаты льера Александра. Собственно, после всего, что между нами было вчера, я уже совсем не стеснялась.

— Да, входите, — раздался голос Йозефа. — О, льера! Что это вы принесли?

Лисовский лежал в постели бледный до синевы, с зачесанными назад волосами, с воспаленными глазами. Выглядел он стариком. На меня посмотрел зло, едва ли не с ненавистью. Я прикусила губу. Зря

пришла, наверное. На что надеялась? Что между нами и в самом деле что-то происходит? Вот дура-то!

Но не уходить же теперь? Буду выглядеть еще глупее. Пришлось ставить поднос на тумбочку, опускать глаза и блеять как овечка:

— Льер Лисовский, вам нужно поесть.

— Ольга права, — пробасил Йозеф. — Есть надо даже через «не могу». Даже если потом тошнит.

— Я не голоден, — сухо отвечал Лисовский, отворачиваясь. — Уходите.

— Стойте! — маг был настроен решительно. — Я сейчас позову Стефана, он тебя покормит.

— Я же сказал, что не голоден!

— Да мне плевать, душа моя, — фыркнул Гродный. — Ты сейчас сожрешь как миленький этот бульон... и что тут еще, льера? Пюре сожрешь. А будешь сопротивляться, я на тебя «подчинение» накинута.

Лисовский скривился так, будто я ему яду принесла, а не приличную еду, но спорить перестал. Видимо, знал, что тот может.

— Софью позовите, Ольга, — буркнул он. — Она покормит. А вы идите... на кухню.

В коридоре меня догнал Гродный, цепко ухватил за локоть и шепнул:

— Не сердитесь на него. Алексу вы нравитесь как женщина. Ему неприятно, что вы видите его в таком плачевном состоянии. Да, душенька, я понимаю, что это глупо. Но мы, мужчины, хотим выглядеть перед нашими дамами рыцарями на конях, а не полутрусами с ночной вазой под кроватью.

Его слова немного успокоили, хотя все равно было обидно, я ведь и в самом деле хотела лишь помочь. Но помощь моя оказалась никому не нужна, и поэтому я раздала последние указания, надела пальто и отправилась в свой новый дом.

Одиночество — это прекрасно. Я много лет жила одна, и теперь мне категорически не хватало времени, проведенного наедине с собой. Я вымыла голову несколько раз — подобная роскошь мне выпадала редко.

На кухне не до этого, к тому же чепцы эти дурацкие все скрывают. Сполоснулась сама. Надела теплые чулки, закуталась в одеяло и уснула, едва голова коснулась подушки.

Утро началось раньше, чем я бы хотела. В дверь домика барабанили.

— Кого там черти принесли? — недовольно крикнула я.

— Это Софья. Лирра Ольга, у нас с вами куча дел!

Я со стоном скатилась с кровати.

— Милая, мне давно не двадцать лет, — сообщила я ей, открывая дверь. — В моем почтенном возрасте вредно не высыпаться.

— Да бросьте, лирра, — легкомысленно отмахнулась Софья, с любопытством вертя головой. — Вы молодая привлекательная женщина. Ни к чему прибедняться.

Я посмотрела на нее с искренним изумлением: она совсем свихнулась на почве болезни отца? Ну допустим, какая-то доля бывлой красоты во мне осталась, но молодая!

— А сколько вам? — правильно расценила мою растерянность девица. — Ну тридцать пять. Это разве много? У нас многие невесты такого возраста в столице вполне еще котируются.

— Мне сорок, — холодно ответила я, одеваясь и испытывая непреодолимое желание прикрыться от этих любопытных глаз, обшаривающих мое тело с ног до головы.

— А и не скажешь, — вздохнула Софья. — Сложение у вас изящное, и вообще... с таким-то ростом вы как королева ходите.

Знакомый взгляд. Девочка явно комплексует по поводу своего роста. Я это прошла лет этак в четырнадцать, но у меня потом школа моделей была, психолог и куча поклонников. Я навсегда поняла, что рост — это преимущество и красота. А ей, видимо, никто самооценку и не думал поднимать. А ведь у нее и матери нет, а льер Лисовский не отличался особой разговорчивостью. Мне, пожалуй, даже понятно, почему Софья такая бедовая — это все попытки доказать окружающим, что она чего-то да стоит.

Впрочем, в психотерапевты я к ней не набивалась, я кухарка, она хозяйка. Поэтому лучше молчать, послушно кивать и накидывать теплый плащ, игнорируя недовольное бурчание в животе. Лиска, бледная от волнения, ждала нас в карете. Рядом с ней на сидении стояли три больших корзины, из которых так соблазнительно пахло копченой грудинкой, что я едва не захлебнулась слюной.

На улице уже рассвело, не так уж и рано, как я думала. Интересно, а как Софья меня нашла? Неужели спустилась в кухню и

поинтересовалась у поварих? Они-то знали, где я теперь живу.

Семья Лиски жила недалеко от овощного рынка, всего в двух кварталах. На первый взгляд мне показалось, что все не так уж и плохо: доходный дом добротный, трехэтажный. Довольно большой, чистый двор, где можно спокойно оставить карету. Широкая лестница с коваными перилами в подъезде. Комнаты, где жило искомое семейство, были на третьем этаже, под самой крышей. Что ж, это ведь куда лучше, чем в подвале?

Лиска шла первой, она смело толкнула обшарпанную дверь, проходя в длинный коридор, заваленный всяким хламом: мешками, ящиками, сломанными тележками и санками. Я даже велосипед на стене поискала глазами, до того было похоже на советскую коммуналку! Да здесь даже пахло также: щами из кислой капусты, плесенью, мышами, какой-то тухлятиной... Я поморщилась, а непривычная к таким запахам Софья немного побледнела и достала из рукава белый платочек, который поднесла к носу.

Странно, я думала, что она покрепче. Между прочим, большая часть ее приятелей воняет ничуть не лучше, особенно, когда обувь снимают.

— Мама, это я! — крикнула Лиска, долбясь в одну из дверей.

Дверь ей открыла измученная женщина с серым лицом. На руках у нее был орущий младенец.

— Здравствуйте, лирра, — вежливо сказала Софья — чистенькая, свеженькая, в дорогом бархатном плаще и отороченных мехом высоких перчатках. — Я льера Лисовская. Мы принесли еды и хотим вам чем-нибудь помочь.

На лице у женщины отразилась злость и смущение, ей явно был неприятен наш визит, но она не посмела нас прогнать.

— Проходите, — хмуро ответила она и посторонилась.

Я прошла внутрь и побледнела. Мне стало дурно. Я словно в прошлое вернулась. Жестяной таз на грубо сколоченной табуретке, продавленная кушетка в углу, где сидят трое мальчишек, кастрюля с чем-то вонючим на крошечной дровяной плите в углу, мокрые пеленки и ветхие рубахи на веревке под потолком.

— Лирра Ольга, что с вами? — толкнула меня в бок Софья. — Ольга?

Ее голос звучал как в тумане. У меня в глазах потемнело, не хватало воздуха. Меня подхватили под локти с двух сторон, подвели к окну, усадили на стул. Софья прикоснулась пальцами к моим вискам, успокаивая, погружая едва ли не в транс.

Господи, я не хочу домой! Никогда больше! Я боюсь своего прошлого! Пусть у меня нет больше Маши, но есть Лиска, есть девочки-поварихи, есть свой маленький домик, есть колючий взгляд Лисовского. Какое счастье, что я здесь, а не там! Здесь нет никого, кто может ударить в спину. Никого, кто ткнет носом в прошлые ошибки. Здесь мне даже пить не нужно, чтобы забыться и почувствовать себя человеком!

— Все хорошо, Ольга, вас больше никто не обидит, — мягкий, нежный голос Софьи донесся будто издалека, помогая мне вынырнуть из вязкой тьмы. — Лис, постой рядом с Ольгой. Я пока с твоей мамой поговорю.

Я вцепилась в тонкие холодные пальцы Лиски, глубоко дыша и стараясь не смотреть по сторонам, только вздрагивая от пронзительного плача младенца. Софья сделала всё сама: познакомилась со всеми детьми, попросила мать сказать, что нужно детям в первую очередь, пообещала каждую неделю посылать ей мясо и овощей, дала немного денег на врача для одной из девочек и угостила всех орехами в сахаре. Под конец женщина даже расплакалась, благодаря добрую льеру за милость и доброту.

Потом мы выходим на улицу, и Софья внимательно заглядывает мне в лицо и спрашивает:

— Что это было, лирра Ольга? Почему вам стало так дурно?

Глава 19

Прошлое — в прошлом

Я молча посмотрела на Софью, покосилась на Лиску и вздохнула.

— В прошлом, льера, я была в похожей ситуации. С ребенком и в полной нищете. Вспомнилось мне.

— А у вас ребёнок есть? — ошарашенно спросила Лиска.

— Нет. Моя дочь умерла, — я отвернулась, закусив губу. — Но вообще странно, что мне так нехорошо стало. Я обычно держу себя в руках.

— Это потому, что я менталистка, — равнодушно прокомментировала Софья. — Лирра Лилия была не рада нашему приходу, я немного пыталась ее успокоить, вот вас и накрыло. Льер Гродный говорил мне, что у вас неадекватная реакция на ментальное воздействие, оказывается, вы и направленное на кого-то другого чувствуете.

Я вздохнула. Только этого мне еще не хватало! Теперь Гродный прицепится ко мне, как репей. Не было у меня этой вашей магии, и ладно. Зачем мне все эти сложности?

— Я такой нищеты никогда не видела, — призналась Софья. — У них, наверное, и на проверку денег нет. Вот Лиска — хоть и слабенький, но маг, а может, и еще кто-то? Я подам заявку в департамент, пусть детей всех проверят, если кто-то маг — то отправят учиться за счет государства. Хорошо, что мы сходили. И вам, Ольга, спасибо. Если бы не вы... Да и вообще... спасибо.

— Лирра Ольга, вы наш добрый ангел! — прижалась ко мне Лиска, и мне пришлось отвернуться, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы.

— Нет, Лис, я не ангел. Я делала много плохих вещей в прошлом. Не называй меня так.

Софья ощутимо ткнула меня кулачком в бок, делая страшные глаза. Действительно, эго меня накрыло-то!

Надо поесть!

— Лиска, а пойдём в таверну! — предложила я девочке. — Я не завтракала, ты растущий организм — надо перекусить!

— А можно мне с вами? — жалобно спросила Софья. — Я честно-честно буду вести себя неприлично и могу даже салфеткой не пользоваться!

Мы с Лиской рассмеялись и позволили ей пойти с нами, благо, что время раннее, до полудня в увеселительных заведениях алкоголь не наливают, а значит, и сомнительного контингента там нет.

Софья оказалась действительно неплохой девушкой — возможно, излишне порывистой, резкой в суждениях — этакой революционеркой. Замуж бы ей или работу какую... а то слишком много воли ей отец дает, вот такие студенты когда-то на моей родине были движущей силой всех переворотов. Я нисколько не удивлюсь, если эта девица рано или поздно попробует бросить бомбу в царя... в смысле, короля, потому что она так ярко интересовалась политической ситуацией в стране и так сердито критиковала власти, что пришлось ей напомнить, что ее отец — государственный служащий. И вообще, революция — это не выход.

Это вход... причем задний вход. Жопа, если говорить прямо.

Мы тряслись в карете, а я зачем-то говорила лъере, что есть миллион способов решать проблемы ненасильственным путем. Да вот хоть бы и семья Лиски: ведь можно помогать тем, кому сложнее в жизни, заниматься благотворительностью на местном уровне. Я бы еще много сказала, да девочке рано слушать такие разговоры, а лъера Софья начала как-то слишком сильно горячиться, обличая пороки общества, да и мы приехали.

Я вышла, немного подумала и прошла к большому дому. Настало время познакомиться с льерой Гдлевской поближе.

Хозяйка встретила меня очень радушно, едва в ладоши не хлопала, когда поняла, что я пришла к ней с визитом. Меня усадили на диван и предложили чаю с печеньем.

— Ах, лирра Ольга, как же я счастлива, что вы пришли ко мне в гости! — сияла женщина. — Зима — такое тоскливое время года! Как только растает снег, можно будет выезжать на кресле в город, а пока — я стенаю от одиночества, один Михаил да горничная составляют мне компанию!

— Лъера Гдлевская...

— Называйте меня просто Еленой!

Просто Еленой? Ну конечно!

— Кстати, льера Елена, я из Руана, здесь не так давно... Просветите меня, что за чехарда тут с именами? Почему кто-то называет меня Ольгой, а кто-то Ольхой?

— Это как-то исторически сложилось, — охотно принялась объяснять мне льера. — Те, кто слуги или крестьяне — тех называют названиями животных или растений, вроде бы ближе к природе. А на самом деле у каждого человека есть нормальное имя и фамилия, под которыми в учетных ведомостях их записывают. Такие обращения только в низах приняты, уж простите за такие слова. Кобор — город маленький, провинциальный. Здесь нравы проще. В столице ко всем людям обращаются по настоящему, не по природному имени. К тому же считается, что если у тебя природное имя есть, то и покровитель есть. Не сглазят, опять же. Язычество, лирра Ольга, как есть язычество!

— Забавно, — я улыбнулась. — А как бы вас звали по-природному? Даже придумать не могу!

— Папа звал меня Олененком, — улыбнулась женщина. — Олена я была бы. Пейте чай, Ольга, и расскажите мне, где же вы работаете, о чем люди говорят...

— Я — кухарка в доме Лисовских, — пожала я плечами смущенно. — Ничего вам рассказать интересного и не могу, разве что сплетни кухонные, да то, что конюх Петрушка зажимал в углу Чернику, а та против не была.

— Мир не меняется, — усмехнулась Елена, красиво всплескивая руками. — Что театр, что кухня — балом правит только любовь. Кстати, и как вы находите королевского палача?

— Палача? — моргнула я. — Какого палача?

— Лисовского. Льер Александр — известный в узких кругах человек. Он казнит государственных преступников, а вы разве не знали?

— Я в эти узкие круги, откровенно говоря, не вхожа, — ответила я, пытаюсь скрыть потрясение. — Да и кто я, чтобы про хозяина сплетничать?

— Кто вы? Потрясающе красивая женщина, — аристократично пожала плечами Гдлевская. — Ни за что не поверю, что он на вас внимание не обратил. Это слепым быть нужно!

От неожиданности я расхохоталась — искренне, аж до слез.

— Вы мне льстите, льера Елена, — наконец выдохнула я. — Вот вы, без сомнения, красавица. А я... ну так.

— Милочка, когда вы последний раз смотрелись в зеркало? — полюбопытствовала хозяйка. — Волосы красиво уложить, немного макияжа, платье нарядное надеть — и вы блистать будете так, что глаза заболят!

— В зеркало? — протянула я. — Вы имеете в виду те большие стекла, у которых посеребрена одна сторона? Которые стоят баснословных денег и явно не стоят в кухне? Дайте подумать... последний раз еще в Руане смотрелась.

— Вот оно что! — подобралась Елена. — Тогда прошу мне помочь. Отвезите меня наверх, пожалуйста.

Пришлось подниматься, разворачивать ее кресло на колесах и везти по деревянным рельсам на второй этаж, в спальню. Здесь было так же бедно, как и в гостиной, на стенах — темные квадраты от некогда висевших картин. Темно-зеленые обои были с золотым тиснением, лет этак сорок назад... Ступени под моими ногами скрипели, перила ходили ходуном.

— Нищета, да, Ольга? — прочитала мои мысли Гдлевская. — Нище-е-ета-а-а... Высоко летала, больно упала. Расплачиваюсь теперь. Не верьте мужчинам, Ольга. Никогда. Они все лгуны.

— Согласна с вами, — вздохнула я, вспомнив всех своих партнеров — и Лисовский, похоже, такой же, как все. — Верить вообще в этом мире можно только себе, да и то — не факт.

— Именно. Вижу, вы тоже хлебнули горя? Потом расскажете? Мы пришли, здесь направо.

И первое, что я увидела в строгой, почти спартанской спальне — было, разумеется, зеркало. Красивое, явно старинной работы, в тяжелой бронзовой раме.

Не вытерпела, сделала шаг вперед.

Я разглядывала себя, не веря своим глазам. Да нет, это зеркало такое магическое, недаром старинное! Не может эта женщина в отражении быть мной!

Прежде болезненно-худое лицо округлилось, вспомнив, что кроме высоких скул у него есть и щеки. Ушли вечные красные пятна на щеках, шелушащаяся кожа и круги под глазами. Глаза снова блестят, как в юности, брови, правда, заросли безобразно, зато седина

закрашена, и отросшие почти до плеч волосы лежат мягкими волнами. Пропала вечная морщина между бровей, шея больше не дряблая, и ключицы перестали торчать. Я, кажется, и в самом деле красивая — почти как тогда, в шестнадцать.

Платье, правда, безобразное: талия черт поймешь где, цвет не мой, буфы на плечах. Но даже эта гадость фигуру не портит — видно, что ноги длинные и грудь присутствует.

Я дотронулась до зеркала, опасаясь, что по нему пойдет рябь, словно по воде, и возникну настоящая я — худая измученная тетка с вороньим гнездом на голове, но на самом деле ничего и не изменилось. Я по-прежнему осталась красивой. Нет, всё же не так, как в юности. Но если привести в порядок брови, накраситься, прилично одеться — стану едва ли не лучше, потому что и взгляд другой, и лицо словно отшлифовано опытом.

— Ну, что я говорила? — с явным удовольствием смотрела на мое потрясение Гдлевская. — Сразу видно породу. Чьих кровей ты, девочка?

— Субаровых, если Орассу рассматривать, — тихо сказала я, поворачиваясь к зеркалу то одним боком, то другим.

Елена как-то судорожно вздохнула, я даже обернулась. Женщина была бледнее стенки, только глаза горят.

— Егора дочка? — прошептала она. — Нет, внучка скорее... Дочка-то у него в возрасте совсем. Или внебрачная, но он не такой.

— Внучка.

— И где он сейчас, Егор?

— Льера Елена... — мне было крайне неловко обсуждать «деда», особенно потому, что я почти ничего о нем не знала, да и вообще... Неприлично это.

— Пойдем вниз, Ольга, я расскажу. Раз уж ты его внучка.

Меня снова усадили на диван и сунули в руки чашку с остывшим чаем.

Глава 20

Танцовщица

Елена с детства мечтала танцевать, да не просто на всяких там балах и танцевальных вечерах, а на сцене.

Учителя в один голос твердили, что у девочки талант почти магический: кто-то стихийник, кто-то менталист, кто-то с животными разговаривает, а Елена — танцует. В ее танцах, в жестах, в повороте головы словно бы глубина, она простыми движениями могла выразить любые эмоции.

В четырнадцать ее родителей буквально умоляли отдать дочь в танцевальную труппу столичного музыкального театра, а в шестнадцать она была уже примой. Ее имя было на всех афишах. Жила она самостоятельно, родители остались в Коборе, не желая менять провинциальный покой на столичную суету. К тому же отец был в Коборе при неплохой должности, в столице никто бы ему подобного не предложил.

Отношение к танцовщицам всегда было особое. Не то гетеры они, не то недоступные музы. За ними не гнушались ухаживать самые знатные аристократы, их охотно брали в жены, но чаще — в содержанки, причем еще за эту честь и соперничали. Каждому было лестно иметь красивую талантливую любовницу, это статус.

У Елены первый мужчина появился в семнадцать, и потом мужчин было много — один другого лучше. Она не любила, лишь пользовалась их благосклонностью. Ей это в себе нравилось, она даже гордилась своей расчетливостью — голову не теряет, всегда хладнокровна.

Разумеется, и она влюбилась — тут даже не было вариантов, да еще так, как влюбляются такие вот расчетливые люди: до умопомрачения, до дрожи в руках. Как ей казалось — раз и навсегда, потому что такая любовь выжигает дотла, ничего после себя не оставляя. Ей повезло, мужчина, маг, ответил взаимностью. Скорее всего, он не любил ее так же сильно, но и не отвергал, не прогонял от себя, и даже в принципе был не против жениться и завести детей. Елена была абсолютно счастлива.

Избранника ее звали Егор Матвеевич Субаров, он был первым королевским магом — главой Совета, героем войны, да и просто — красавцем-мужчиной. Елену нисколько не смущало, что любимый старше ее почти на двадцать лет, к тому же уже был женат и воспитывал сына. Все восхищались этой парой: он — высокий, крепкий, очень одаренный, и она — маленькая и изящная как птичка, к тому же страшно талантлива. Ей было почти тридцать, когда они встретились: вся жизнь впереди.

Страшный взрыв в королевском дворце полностью разрушил их мечты. Елена тоже была там, она в тот день ночевала у любимого. Удача отвернулась от нее: при разрушении стен она оказалась под завалами. Ей перебило позвоночник. Нашли ее поздно, она долго болела, большая часть накоплений ушла на попытки вернуть себе пусть не былые способности, но хотя бы возможность самостоятельно ходить, но все было безуспешно. Ни один маг не смог ей помочь.

Елена вернулась в Кобор, в родительский дом. Субаров ее не то бросил, не то посчитал, что она отказалась от него — да, она слышала, что он выгорел дотла, но разве ей это было важно? Впрочем, навязываться ему было стыдно, она больше не танцовщица, не звезда сцены, зачем ему калека? Она все так же безумно его любила, рискнула написать письмо, но ответа не получила никакого.

Деньги кончились, родители умерли, Елена осталась одна. Постепенно продала всё, кроме родового дома, дом было жалко. Несколько раз писала в королевскую канцелярию, просила хоть какую-нибудь пенсию, потому что слышала, что многим пострадавшим в том взрыве выплатили компенсацию, но ее бумагам ход дан не был, да это и понятно: нужно было ходить по инстанциям, лично просить, подписывать, доказывать — а для нее это было невыносимо. Заплатить кому-то денег не было, родни нет... вот и осталась бывшая танцовщица в очень скорбных обстоятельствах.

— Сколько было у меня когда-то поклонников, Оленька, — рассказывала Елена. — Я сначала-то гордой была, думала, справлюсь сама. Уроки манер давала барышням, детей читать-писать учила. Ну и что, что ноги не ходят? Голова же на месте. А потом совсем прижало, я каждому письмо написала с мольбой о помощи. Пару раз прислали какие-то незначительные деньги, один человек, правда, помог по старой памяти, но предупредил, что это единственный раз. А

остальные письма как в воду канули. Хорошо еще, что мэр мне помогает по мере возможности, дрова вон бесплатные, да заказы беру — письма пишу или бумаги какие. Почерк у меня красивый. Теперь вот ты домик сняла, будет полегче.

Я молчала — а что я скажу? Я ведь прекрасно знаю, что это такое — жить в нищете. У льеры Елены еще дом есть и дрова, а у меня и жилья не было, и Машка на руках. И все же странно — она живет одна в большом двухэтажном особняке в центре города, а семья Лиски — в двух смежных комнатах целой кучей. Социальное неравенство безжалостно.

— А вы не хотели бы с Егором Матвеевичем встретиться сейчас? — спросила я с любопытством.

— Сейчас? Упаси боги, — ужаснулась женщина. — Я такая... старая!

— Вы выглядите очень хорошо, просто по-королевски, — заверила ее я, — к тому же он тоже, знаете, не молодеет. Он старик.

— Красивый, породистый старик, да? — мечтательно вздохнула Елена. — Жаль, что я так и не родила от него ребенка. Но не мне жаловаться на судьбу. Уж лучше быстро и красиво сгореть, чем тлеть лучиной всю долгую жизнь.

Не лучше. Я и горела, и тлела. Мало, наверное, горела, таких высот не достигла, но и упала не так низко. У нее явно размах маятника был больше.

Мне было пора уже уходить, я попрощалась и пообещала зайти в гости на следующей неделе. Ощущение было странное. Словно я спустилась на ступеньку ниже, в свой унылый кухонный мирок. В ней был какой-то свет, блеск, она, несмотря на свое плачевное положение, все еще была звездой сцены. Уверена, что поставь она перед собой цель — вышла бы замуж даже в инвалидном кресле. Особенно лет тридцать назад. Красоту и манеры этой женщины не испортит ничего. Льера Гдлевская и сейчас очаровывала, завораживала. Какая же она тогда была в годы своего расцвета?

Общение с ней, да и вообще весь этот день тяжело мне дались. В груди было голодно и тяжело, в голове — сплошь унылые мысли. Что дома, что здесь — одно и то же. Я никто, прислуга. Ни семьи, ни дома, ни амбиций. Унылая амёба. Что там, что здесь — умру я, и никто не заметит. Вся моя жизнь — это расплата за единственную ошибку.

Часто говорят — если тебе плохо, сходи в хоспис, посмотри на умирающих людей. Но это обман. Правильно льера Гдлевская сказала: лучше познать любовь и счастье хоть бы и не долго, чем всю жизнь влачить жалкое существование. И даже неизвестно, кому лучше: мне — одинокой и никому не нужной, или матери Лиски, к примеру, которой есть для чего жить.

Состояние было премерзкое, что ни говори, а жалеть себя я умела всегда. И главное, сама ведь со всем виновата! Кто мне, дуре, мешал свалить вину за свою беременность на папиного приятеля? Разве не могла я выставить его насильником, растлителем, чудовищем, которое соблазнило юную неопытную девушку? Могла, разумеется, и в тот момент все были бы на моей стороне. Но я же самая умная, самая гордая, самая честная! Сама, всё сама! А потом, когда Машка заболела? Почему я так быстро сдалась? Опять — самая гордая?

Гордость эта проклятая — вот моя проблема. Гордость и одновременно отсутствие веры в себя. Куда проще сдаться, спрятаться в ракушку, махнуть рукой на свою жизнь, да, Оль? Зачем чего-то доказывать, когда так красиво и правильно выставить себя вечной жертвой? Вы поглядите, ее обидели, обманули, отобрали ребенка, заставили страдать! Вот только страдать — это тоже мой выбор. Уж в Москве-то я бы могла не пить как не в себя, а что-то сделать для того, чтобы Машка не думала, что ее мать — опустившаяся алкашка. Наверное, будь я более успешной, она бы задумалась о чем-то. Но я сама сделала всё, чтобы ее разочаровать, а теперь ною, ною.

Дудки! Я вытерла слезы, топнула ногой и решила, что если захочу — всё изменится. Мне дан еще один шанс, и я его не упущу. Ресторан? Нет, кондитерская лавка — вот моя цель. И да: если льер Лисовский вдруг будет настаивать на близости — отказывать ему не буду, потому что не такая уж у меня шикарная жизнь, чтобы растрачивать ее на чужую кухню.

Глава 21

Новая фигура

А к вечеру следующего (уже рабочего) дня в дом Лисовского прибыл новый персонаж. Очень интересный мужчина, надо признать, жаль, слишком молодой для меня: ему на вид было едва ли больше тридцати. А так — красивый и, главное, высокий. Выше меня. Мои кухонные девушки мгновенно сделали стойку: гость, хоть и был магом, отчего-то именовался лирром, не льером. Как мне объяснили — он из простых людей, из бедных, вроде бы даже и сирота из приятного дома. Всего в жизни добился сам, должность пока имел небольшую, но очень перспективную. В доме Лисовских гостил не первый раз, впечатление о нем осталось прекрасное.

С перспективной мужчиной, как водится, первая познакомилась я. Все они, прибывающие, первым делом бегут на кухню, потому что война войной, а обед по расписанию.

Жгучий черноглазый брюнет в белоснежной рубашке с расстегнутым воротом заглянул в дверь и дернул большим носом. С надеждой поглядел на дымящуюся чашку в моих руках, состроил жалобную гримаску.

— Добро пожаловать на кухню, — взмахнула я рукой. — Здесь всегда готовы вас накормить и обогреть.

— Удачно, — обрадовался брюнет. — Я лирр Ян Рудый. Королевский дознаватель, это чтобы вы не говорили, что я вас обманываю. Моя должность, знаете ли, подразумевает полную откровенность.

И посмотрел на меня с каким-то мужским интересом.

— Вы знаете, когда мне говорили, что кухарка у Алекса — красавица, я не верил. Оказывается, не врал.

— Бросьте, я слишком старая для вас, чтобы считаться красавицей, — польщенно улыбнулась я. — К тому же в моде сейчас хрупкие блондинки. Чаю?

— А молоко есть? И булка? Ай, лирра, красота — понятие относительное. А на моду смотрят только сопляки и идиоты.

— Вы, как я вижу, не относите себя ни к тому, ни к другому типу?

— Разумеется, нет, — белозубо улыбнулся Ян, усаживаясь за стол и цапая большой кусок яблочного пирога. — Я умный и опытный.

— В меру упитанный мужчина в самом расцвете сил? — не удержалась я, зная, что он шутки не поймет.

— Не упитанный, — трагично вздохнул он, сверкая глазами. — Голодающий. И голодный.

Да он со мной флиртует! Потрясающе! Ян мне очень понравился, с ним было легко — не то, что с Александром. С Александром всегда присутствовало какое-то напряжение, какая-то тяжесть, впрочем, в этом напряжении и была вся прелесть наших отношений. Искры летали. Здесь искры не было, просто — приятная игра слов. Все это здорово, но я не могла не воспользоваться случаем, чтобы не вывести какую-нибудь информацию.

— Вы приехали расследовать покушение на льера Лисовского?

— Именно. И очень удачно мы встретились с вами здесь, лирра Ольга.

Всё, подобрался, будто охотничий пес, взгляд стал цепкий, расслабленности как ни бывало.

— Насколько я узнал, ментальному воздействию вы не поддаетесь? — прямо спросил он.

— А вы тоже менталист? — вздохнула я. — У меня такое ощущение, что менталисты — самые распространенные маги в Орассе.

— На самом деле, нет. Менталистов немного, но тут, действительно — высокая концентрация. Лисовский и Софья здесь живут, а мы с Йозефом приехали именно по этому делу. Итак, лирра, расскажите еще раз: когда, как вы заметили, как догадались, что нужно, чтобы Алекса вывести из «зеркала»?

Пришлось рассказывать в очередной раз, и тут уж было совершенно понятно, что между мной и хозяином дома что-то есть. Глупо это скрывать.

— Только поймите, лирр Рудый...

— Для вас просто Ян, без всяких лирров.

— Ян, я кухарка. Он — льер. То, что я сделала, недопустимо.

— Почему? Вы не человек? Или он не человек? Кто посмеет вас судить?

— Моя репутация...

— Бросьте приbedняться, Ольга, вы же умная женщина. Ничего страшного не произошло. Даже если вы любовники, кому какое дело? Вы оба — взрослые одинокие люди!

— Вы, хоть и лирр, но все же льер, — с досадой ответила я. — Поймите же, когда хозяин спит с прислугой, это ставит прислугу в очень неприятное положение. Тыкать пальцами будут в нее, не в него, и вообще — женщина всегда виновата. Хотя и ему могут сказать, что он воспользовался своей властью.

— Но ведь это не так?

— Конечно, нет. Льер Александр ни единым словом, ни единым действием не обидел меня. То, что я сделала, я сделала лишь для того, чтобы его спасти. Но это не меняет того факта, что наша близость превысила допустимые правилами приличия пределы.

— Ольга, вы ведь из благородных? — неожиданно спросил Ян. — Разговариваете очень изысканно, грамотная, наверное? Как получилось, что вы кухарка?

— А вы, Ян — маг, да еще и при должности. Как получилось, что вы зоветесь лирр, а не льер?

Он засмеялся.

— Вот так и получилось, — весело сказал он. — Позвольте ли стать вашим другом? Вы мне интересны. С вами очень приятно разговаривать, к тому же пирог божественный. Кстати, сколько вам платит Алекс? Я уже хочу вас увезти с собой в столицу.

— Я с удовольствием рассмотрю ваше предложение.

— А я против, — раздался голос хозяина от дверей, и мы с Яном вздрогнули и отвели глаза, словно нас застали за чем-то постыдным. — Хватит развращать мою прислугу, Ферзь. Проваливай.

— Ферзь? — вскинула бровь я.

— Да-да, прозвище такое, — легкомысленно кивнул Ян. — Потом расскажу. А пока, дабы не раздражать хозяина дома, удалюсь в отведенную мне комнату. Но завтра мы еще поговорим, ждите.

Он вышел, а льер Лисовский молча приблизился ко мне. На всякий случай я встала и отгородилась от него стулом. В кухне явно запахло грозой.

— Какого черта происходит, Ольга? — обиженно спросил он.

— А что происходит?

— Вы собираетесь покинуть мой дом?

— Не исключено. Карьерный рост — это прекрасно.

— Почему с Яном?

— Он первый предложил.

Лисовский с силой вырвал стул из моих рук, отставил в сторону и подошел почти вплотную, едва меня не касаясь. Сердце заколотилось об ребра, губы пересохли, я невольно их облизнула. Его глаза потемнели.

Ладонь Александра скользнула по моей щеке, уверенно легла на затылок. Губы неотвратно приближались, и я сдалась с легким вздохом, позволяя себя поцеловать. Его вкус был мне знаком, а ощущение щетины, царапающей мои губы, наоборот, было новым. Он был настойчив, мягко напирая, лаская и все крепче сжимая мой затылок, словно не хотел меня выпускать из своих рук. Сдернул чепец, собрал в горсть мои волосы, оттягивая от себя, чтобы скользнуть губами по подбородку и шее.

Когда он начал расстегивать пуговицы у меня на воротнике, я нашла в себе силы упереться ладонями в его грудь и оттолкнуть. Хотя я и не против на самом деле, но не здесь, не в кухне же, куда в любой момент может кто-то войти! Моя репутация и так висит на волоске!

— Ты... — выдохнул он. — Опять отталкиваешь? Почему? Я тебе не нравлюсь?

— Нравитесь, — шепнула я. — Но поймите! Вы мой хозяин, это просто неприлично!

— Неприлично нравиться друг другу?

— Не делайте вид, что вы не поняли!

— Я понял, конечно, — выдохнул он мне в губы. — Но то, как смотрел на тебя этот молокосос Рудый, просто невыносимо! Ты все равно будешь моя, я добьюсь своего!

— А чего вы добиваетесь, льер? — мгновенно вскинулась я. — Уложить меня в постель? Это всё, что вам нужно от меня?

Он озадаченно потер покрытый трехдневной щетиной подбородок.

— Я просто хочу тебя, — признался он. — О большем не думал. И вообще, с тех пор, как я понял, что ты отнюдь не весталка, ни о чем другом думать не могу. Оль, я взрослый мужчина, я слишком стар для глупых игр. Просто скажи, да или нет? Зачем нам тратить время?

— Нет.

Он отшатнулся, ожег меня просто ледяным взглядом, вскинул подбородок и почти выбежал прочь, хлопнув дверью. Гордый. Я слабо улыбнулась, трогая губы. Только что мы сделали большой шаг навстречу друг другу, явно высказав свои пожелания. Либо он теперь оставит меня в покое, либо... не знаю, что либо, но я этого «либо» жду с нетерпением. И насколько я уже успела его узнать — Лисовский быстро отойдет и предпримет решительные шаги в покушении на мою честь.

Глава 22

Дознание

А на следующее утро началась полная вакханалия. Все слуги по очереди опрашивались, хорошо хоть в гостиной, а не в кухне. Кто что видел, кто где был в последние дни, у кого какой магический дар — а это-то зачем, интересно?

Ко мне же, как репей, прицепился Йозеф Гродный. Напрасно я уверяла его, что во мне нет никаких особенностей. То, что я называлась внучкой Сабирова, сыграло свою роль. Меня непременно должны были проверить в отделе магического учета.

Пришлось идти — это как раз был тот случай, когда проще согласиться и потерять пару часов времени, чем раз за разом придумывать повод для отказа. Поэтому я надела пальто с объёмным капюшоном, теплые рейтузы и сапоги, натянула перчатки и позволила льеру Гродному взять меня под руку. Я была выше его на полголовы, но старик этого даже не замечал, заявив, что он так давно не гулял с дамой, что почти забыл, как это приятно. Отдел магического учета был, разумеется, в ратуше, а ратуша — в центре города. Погода стояла замечательная, солнце грело по-весеннему, а Гродный разливался соловьем, рассказывая, сколько привилегий у магов: и возможностей-то у них больше, и карьерный рост, и всяческие плюшки в виде сниженных налогов и государственных наград.

— Льер Гродный, — не выдержала я. — Во-первых, я не маг. Даже если я магию ощущаю, то это не дает мне никаких преимуществ. А во-вторых, я обычная кухарка. К чему мне ваши особые способности?

— Как знать, как знать, — задумчиво отвечал старик, поддерживая меня за локоток, когда я едва не поскользнулась на мокром крыльце. — Пришли, льера.

Он помог мне снять пальто, провел в кабинет, полный всяких непонятных приборов и усадил на стул с высокой спинкой — напротив стола, за которым сидел плюгавенький мужчина в огромном парике. Или нет? Я моргнула. Парик как-то странно расплывался перед

глазами, да и сам мужчина внезапно показался мне крупнее. Виски прострелило острой болью.

— Льер Иволгин, это та дама, о которой я вам вчера толковал, — сказал Йозеф, внимательно меня рассматривая. — Лирра, вы побледнели.

— Голова болит, — выдавила из себя я. — Льер Иволгин... пожалуйста... уберите это.

— Что это? — наклонился ко мне Иволгин.

— Вашу магию. Иллюзии, да?

В голове словно щелкнуло, и боль сразу схлынула. Передо мной сидел чем-то очень довольный обычный мужчина средних лет с прилизанными волосами с проседью и в черном сюртуке. Сложив перед собой руки, он кровожадно улыбнулся, оглядывая меня с головы до ног.

— Итак, льера — внучка Егора Сабирова, я правильно понимаю? Из Руана?

— Да, — настороженно ответила я, предчувствуя, что мое прикрытие трещит по швам.

— И кто ваш отец?

Я молча смотрела на него, понимая, что не знаю ответа на этот вопрос. Мы ведь с Егором Матвеевичем даже не рассматривали подобный поворот событий. Внучка и внучка. Опустила глаза. Поводила пальцем по столу.

— Можно я пойду без всяких проверок? — спросила я безнадежно. — Ну ее, эту недомагию, право слово!

— Йозеф, ты проиграл мне сто златников, — ехидно заметил Иволгин. — Итак, льера... дайте угадаю. Вы появились в Орасе в конце октября, и веса в вас было... ну, килограммов пятьдесят. Совершенно логично, что выкинуло вас в лесу, Сабиров все же привратник. Пожили у него в избушке, дед к вам явно проникся теплыми чувствами... Вы — его любовница?

— С ума сошли? — искренне изумилась я. — За кого вы меня принимаете? Ну ладно, я! А за кого вы принимаете Егор Матвеича? Ему же почти восемьдесят!

Мужчины переглянулись и грохнули хохотом.

— Для мага — не самый критический возраст, — просветил меня Йозеф. — Моей жене нет и тридцати, и поверьте, она не жалуется.

Я смерила его взглядом, едва не морщась. Ну знаете! Не хотелось бы спать со стариком. Но Гродный, подмигнув, вдруг выпрямился, расправил плечи и вскинул подбородок. На моих глазах веселый толстенький старичок превратился пусть в не слишком высокого и не очень молодого, но вполне импозантного мужчину лет этак пятидесяти на вид. Без бороды и живота он выглядел довольно привлекательно, да еще глазами темными сверкал, как заправский ловелас.

— Но как? — растеряно спросила я. — Ведь я не почувствовала! И вы не иллюзионист!

— На самом деле — это оба варианта меня, — весело сказал Йозеф. — Тут магические петли и игра с вероятностями. Немногие маги так умеют, но я в самом деле силен. Матвеич тоже умел раньше. А сейчас — ну, если он сбреет свою бородищу и скинет лапти — вы и не узнаете. Признавайтесь, какой льер Гродный вам больше по душе?

— Пожалуй, в образе доброго гнома вы мне нравились больше, — вздохнула я. — Там не нужно думать о том, что ваша молодая жена может повырывать мне волосы в случае недоразумения.

— Я вижу, вы из развитого мира, — кивнул Иволгин. — Грамотная, образованная, уверенная в себе. Зачем согласились? От чего бежали? На преступницу не похожи, но кто знает. Хотя нет, проверялись же. Без этого никак. Давайте, Ольга, раскрывайте карты.

— От себя бежала, — хмуро ответила я. — Пропадала там от одиночества.

Он посмотрел на меня странно и кивнул:

— А что, здесь стало лучше?

— Не намного, — призналась я. — Сначала казалось, что лучше. А потом — да то же самое.

— Мир менять собираетесь? Технологии знаете какие-то?

— Мой максимум — муссовый торт, зефир ручной работы и роллы, — вряд ли в моем голосе можно было расслышать энтузиазм.

— Торт — это звучит гораздо лучше, чем революция и электрификация, — заметил Иволгин. — Ну что ж, Ольга, не вы первая, хотя, признаться, в Орассе таких, как вы, не было лет двадцать, но протокол есть протокол. Легенда у вас есть, договор о неразглашении и невмешательстве в технический прогресс подпишете, тестирование пройдете — и свободны. А Сабирову выговор в личное дело. Знал, как надо поступать в таких случаях, как- никак привратник,

да почему-то не зарегистрировал вас. Ну это уж мы у него спросим — почему.

Мне подвинули бумаги, которые я внимательно прочитала. Жизнь в столице научила читать даже мелкий шрифт.

— Я это не подпишу, — заявила я. — Знаете что! Оставьте меня в покое, я не хочу никуда вступать!

— Почему?

— Потому что тут сказано, что при необходимости я должна всячески содействовать службе магического контроля, а меня это не устраивает. Я просто хочу тихо и незаметно жить.

— Поздно, льера Сабирова, — жестко ответил Иволгин. — Бы уже влезли по самые уши. Спасли Лисовского, обнаружили незаурядный дар... Вы понимаете, что лишь вопрос времени — что все поймут, что вы не отсюда?

— Да кому нужна простая кухарка?

— Ферзь уже на вас стойку сделал. А что знает Ферзь, то знает и король. Хотите под инквизицию лечь? Вперед!

— У вас и инквизиция есть? — в ужасе спросила я.

— Разумеется. Для магов. Так вот, наш многоуважаемый Ферзь — птица очень важная, несмотря на то, что он лирр. Впрочем, не зря же он от всех званий отказывается — гордый.

— Ян Рудый? Вы о нем? — уточнила я.

— О нем самом. Поверьте, он очень страшный человек.

— Страшнее, чем королевский палач?

Мужчины посмотрели на меня странно, но Иволгин нехотя ответил:

— Пожалуй, нет. После столкновения с Ферзем шансы есть, а если попал и Палачу — это уже конец.

— А почему? Он и в самом деле... убивает людей? — я сглотнула, испуганно глядя на мужчин. Ну не вязался у меня Лисовский с нарисованным моим воображением образом!

— Нет. Он полностью обнуляет личность. Убивать магов слишком расточительно, куда удобнее воспитать нового. Но для общества человек пропадает бесследно, но факт. Так что, льера, подписывайте.

— Я могу подумать?

— Можете. Но недолго. Скажем, до завтра. Но проверку все равно придется пройти. Так нужно.

Я кивнула, совершенно опустошенная. Шоковое состояние даже не позволяло удивляться. Мне же, пользуясь моей потерянностью, подсовывали всякие штуки, которые на меня никак не реагировали. На какой-то кривульке явно из чистого золота я очнулась, повертела ее в руках и, бросив на стол, поднялась.

— Господа, мне нехорошо, — сообщила я. — Нервы, знаете ли. Я сейчас впаду в истерику, оно вам надо?

— Мы узнали все, что хотело, льера. Это вам, — мне в руки сунули пачку мелко исписанных листов. — Выучить и уничтожить. Это ваша родословная. И да, после посещения нашего отдела полагается два дня выходных дня для восстановления сил. Отдыхайте, думайте, ждем вас завтра.

Я пошла домой пешком. Одна. На Гродного, который хотел было меня сопровождать, поглядела таким взглядом, что тот отшатнулся. Мне, кстати, было совершенно понятно, от чего меня хотел уберечь Егор Матвеевич — вот от таких вот шакалов, которые готовы из меня высосать все силы и выкинуть отработанный материал из помойку.

Я вдруг поняла, что если у меня дома были хоть какие-то права, пусть и смутные, я могла хотя бы попытаться добиться справедливости, в конце концов — там были друзья и родители (какие-никакие, а родители, Машку же они спасли!), то здесь я вообще никто. Даже не гражданин страны. Всем на меня плевать. Дошла до дома, плюхнулась на кровать и молча уставилась в стену. Почему у меня все через одно место? Нежели за одну-единственную ошибку я должна расплачиваться всю жизнь? И ведь даже ошибкой это не назовешь, разве может ребенок быть ошибкой?

Надо было вставать, что-то делать, а меня вдруг накрыло черной тоской. Вернулось то состояние, которое так часто преследовало меня в прошлой жизни. Хотелось напиться и забыться. Правильно говорят — от судьбы не уйдешь, да и от себя не убежишь. Судьба и здесь меня нашла.

В дверь постучали. Видимо, льера Гдлевская прислала ко мне Михаила. Вот да, я пойду к ней и хотя бы отвлекусь. Спорим, что у нее есть вино? У такой женщины, как Елена Гдлевская, просто обязано быть вино! Пошатываясь, встала, распахнула дверь и с искренней растерянностью уставилась на льера Лисовского.

Глава 23

Нежность

Он так же потерянно глядел на меня, то открывая рот, порываясь что-то сказать, то закрывая его. Я молча посторонилась, позволяя ему пройти.

— Что случилось, Оль? — наконец, спросил он, снимая с себя пальто и теплый шарф и вешая их на крючок. — Тебя обидел кто? Выглядишь измученной.

— Я была в отделе магического контроля, — тускло ответила я. — Из-за вашего «зеркала», между прочим.

— Ясно. Там умеют напугать. Кто тебя обследовал, Штырин?

— Иволгин.

— Сам Иволгин? Сочувствую. Он страшный человек. Иди ко мне.

Я шагнула к нему, позволяя себя обнять, утыкаясь носом в его плечо. Он большой, он сильный и пьянит не хуже вина. И что с того, что он какой-то там палач? Важно то, что здесь и сейчас я могу найти успокоение в его руках.

— Поцелуй меня, — попросила я. — Не нужно разговоров, не нужно ничего, просто поцелуй.

Я не хотела ни о чем думать. Плевать, что будет потом. Плевать на всё. Вина у меня нет, есть кое-что покрепче. Его руки сжались на моей талии, потом скользнули вверх по спине, зарылись в волосы на затылке.

— Пожалеешь ведь, — шепнул он.

— А разве ты не за этим пришел? — с вызовом спросила я.

— За этим, — не стал отпираться он.

— Тогда будь смелее.

Я сама обвила руками его шею, сама потянулась к его губам. Он вздохнул и сдался, целуя меня в ответ и подталкивая к постели.

Льер Лисовский... нет, Александр... оказался опытным и нежным любовником, впрочем, я в этом и не сомневалась. Хотя он и был чересчур нетерпелив, но он ведь не молод уже. А я... а мне был куда более важен сам факт, что он здесь, со мной... его прерывистое

дыхание, его губы, целующие за ухом, мурашки на его руках и глухой стон.

Я лежала на его плече, слушала биение сердца, водила пальцем по животу и рассеянно улыбалась. Всё же секс классно прочищает мозг. Теперь ситуация в целом не казалась такой уж катастрофичной, ну подумаешь, договор! Даже если я не подпишу его — что они со мной сделают? Убьют? Слишком хлопотно, да и искать меня будут. Угрожать станут? Помилуйте, чем? Я — всего лишь кухарка, что можно у меня отобрать?

— Оль, расскажи, что тебя беспокоит, — попросил Алекс, перекладывая меня чуть выше и обвивая руками. Будто случайно его пальцы оказались у меня на груди и осторожно ее исследовали. — Из тебя эмоции так и искрят, и это не те эмоции, которые я бы хотел сейчас ощущать.

— Опять меня прощупываешь? — лениво любопытствовала я.

— Нет, просто я ж менталист. Оно само.

— Алекс...

— Ты называла меня по-другому.

— Саша?

— Да, мне нравится. Необычно.

— Шурик, — хихикнула я.

— Нет, Саша лучше. Так расскажешь?

— Да что рассказывать? Они хотят, чтобы я подписала какой-то контракт, по которому обязуюсь выполнять их требования.

— А что взамен?

— А я не знаю... Не дочитала. Начала орать и ругаться.

— В следующий раз я пойду с тобой, и почитаем вместе. Если что-то мне не понравится — подписывать не будешь. Заставить-то не смогут. Иволгин, конечно, не гнушается шантажом, но ты ведь не преступница, не какая-то там...

— Сама справлюсь, не маленькая, — рассказывать ему о том, что я не местная, никак не хотелось.

— Опять начинаешь? — грустно усмехнулся он. — Гордая, да?

— Гордая...

— Оль, я хочу тебе помочь. Поддержать. Как мужчина, как друг.

— Вы мне не друг, вы мне работодатель.

— Да ну, а сейчас мы занимались любовью по долгу службы? Не строй из себя недотрогу, кухарка ты только в рабочее время.

— А сейчас? — с любопытством спросила я.

— А сейчас ты моя женщина.

— Громко сказано!

— Оля! — взорвался Александр. — Ну что ты к словам цепляешься? Я не мальчик, мне не двадцать и даже не тридцать лет, я давно не гонюсь за разнообразием. Любовниц, кроме тебя, у меня нет. И я не собираюсь их заводить. Ты мне нравишься, ты мне интересна. Я надеюсь, что у нас что-то получится.

— Что получится, Алекс? Поселишь меня в отдельном домике и будешь содержать? Или что?

— Тебе нужно содержание? Или дом? Мне показалось, ты с этим и сама справляешься.

— Мне ничего от тебя не нужно! — я, почти рыча, вырвалась из его объятий и принялась одеваться.

— Здорово же тебя потрепала жизнь, — задумчиво сообщил он, — если ты любое проявление доброты воспринимаешь как милостыню. Почему ты не можешь принять, что я могу просто хотеть заботиться о тебе?

— Потому что ничего не бывает просто так.

— Глупости, — Лисовский и не думал уходить, растянувшись на моей кровати и закинув руки за голову. — Ты с Лиской словно курица с яйцом носишься из расчета какого-то? А повышение жалования своим поварихам выбиваешь, чтобы они лучше работали?

— Именно.

— Иди ко мне, расчетливая моя. И дай другим побыть щедрыми и заботливыми, не ты одна у нас ангел. Давай, снимай обратно все это вот. Красивое белье, но оно сейчас не нужно ни тебе, ни мне.

— А ты уверен? — я с сомнением поглядела на мужчину. Нет, я-то не против, а он на что рассчитывает? — В твоём-то возрасте...

— Гнусные инсинуации, Оля. Очень гнусные и очень обидные. Я вообще-то маг, у меня всё в порядке с потенцией, если ты об этом. Ты ведь понимаешь, что моя честь задета? Я просто обязан доказать, что ты не права.

Я задумчиво посмотрела на него и, шагнув к кровати, оперлась на нее коленом, склоняясь над мужчиной. Мне, пожалуй, хотелось бы,

чтобы он схватил меня в объятия, швырнул на постель и все такое, но вместо этого его пальцы нежно скользнули по шее, зарываясь в волосы и притягивая губы к губам. Он был нежен со мной, а я давно отвыкла от нежности. Прав он, тысячу раз прав: я столько времени была одинока, что совершенно забыла, что это такое — доверять людям. И теперь от нежности было почти больно, словно болячку от раны отдирать.

Он, наверное, понимал: менталист все же. Сейчас я была этому рада: словами я объяснить все равно не смогла бы. Теплые губы неторопливо целовывали слезы с моих щек, а потом спускались ниже, отчего меня просто выгибало. Теперь уже я жалобно всхлипывала и постанывала, голова кружилась от его неторопливой обстоятельности, а мир вокруг перестал существовать.

Мы заснули в обнимку; я никогда и ни с кем так не засыпала, кроме Машки. Никогда не оставалась в постели с мужчиной после акта любви. Мне было неудобно, неловко. Мешали чужие запахи, раздражало даже дыхание. И вообще, утром на работу, семья, дети, некормленные кошки. В московскую жизнь взрослых людей не вписывались совместные ночевки. А с Сашей мне было неожиданно комфортно. И тепло, очень тепло.

— А туалет у тебя на улице, да? — разбудил меня утром Александр.

— Ночная ваза под кроватью, — зевнула я. — И тебе доброе утро. А вода для умывания в кувшине.

— Я так давно не ночевал с женщиной, что не могу себе позволить пользоваться при ней ночной вазой, — философски заметил Лисовский. — Не сочти за эгоизм, но я, пожалуй, буду домой уходить. Как-то мне удобнее, когда водопровод. Старый я уже чтобы на улицу до ветру бегать.

— Вперед, — усмехнулась, я. — А еще тебе кухарка завтрак принесет. И кофе. Дома всяко лучше.

Он как-то странно посмотрел на меня, крикнул и принялся одеваться. А я никак не могла решить — идти ли мне на работу сейчас, с ним вместе, или выждать? Впрочем, пока я умывалась, а затем по зимнему времени одевалась — чулки, еще одни чулки, панталоны, на них те самые кальсоны для тепла — я даже до юбок не успела дойти — в дверь пару раз стукнули.

— Лисовский здесь? — раздался смутно-знакомый голос. — Алекс, вылезай из постели, у нас проблемы.

— Ферзь, какого черта, как ты меня нашел? — немедленно откликнулся Александр.

— Ну, друг мой любвеобильный, я все же дознаватель, а не кто-то там. Умею думать и анализировать.

— Погоди минутку, сейчас.

Лисовский взглянул на меня с тревогой, а потом быстро поцеловал.

— Прости, что так получилось. Дойдешь сама?

— Лисовский, поторопись, дело срочное.

— Беги, — шепнула я. — У тебя работа.

Странное, забытое ощущение — провожать кого-то. Кого-то близкого, потому что считать чужими любовников я никогда не умела. Мне хотелось заботиться о мужчинах, кормить их, выслушивать. И льера Александра хотелось накормить, но что-то мне подсказывало, что уже не успею — сбежит. Зато можно спокойно одеваться и не думать о том, что я выгляжу нелепо и непривлекательно, когда натягиваю на себя черное платье служанки. А еще можно по дороге зайти в цирюльню и спросить про противозачаточные средства. Помню, когда мне волосы тут красили, что-то предлагали, но я отмахнулась. Кто ж знал-то, что пригодится?

В цирюльне предложили поставить противозачаточные знаки.

— Противозачаточные знаки? Что это вообще за ерунда?

Молодой человек с напыженными волосами охотно объяснил, что магическая метка ставится на запястье специальной краской, ее нужно подновлять раз в месяц, стоит, конечно, недешево, но дети, знаете ли, еще дороже обходятся.

— И что, даете какую-то гарантию? — недоверчиво спросила я.

— Разумеется. Если вдруг случится... непредвиденное пополнение, мы выплатим неустойку. Честно говоря, лирра, никто еще не обращался за неустойкой.

— Сколько? — спросила я.

— Пятьдесят серебрушек.

Я скрипнула зубами. Нормально так стоит — половина моей зарплаты. Денег все равно не было, я всё истратила на домик. Но как-то предохраняться нужно, беременность от льера Лисовского не

входила в мои планы на жизнь. Не то, чтобы я была против, наверное, я бы даже обрадовалась, но вот он — вряд ли. Выставить себя в таком мерзком свете? Нет уж. Ладно, в следующем месяце пожертвую на благое дело. А может, и не придется.

— А попроще и подешевле что-то есть?

— Отвары, лирра. Их каждое утро пить. Но гарантия, конечно, не сто процентов. Вот, десять монет за мешочек травы. На месяц должно хватить. Каждый день, лирра, и обязательно свежий!

— Да, я поняла, спасибо.

Стоит ли говорить, что в дом Лисовского я явилась сердитая и с опозданием?

Лисовский и Рудый уехали в столицу, даже не позавтракав, как я и ожидала. Софья со своими девицами ускакала по своим девичьим делам, не иначе как по магазинам, Беяна с Марикой ушли на рынок, Лиска нарезала мяса и овощи на рагу, а я села на кухне, совершенно не зная, чем себя занять. Так пусто было в доме только осенью, когда еще Лисовские не вернулись. Даже страшновато немного, до того тихо.

— Лис, книги неси, — решила я. — Нечего нам без дела сидеть. Читать будешь, давно мы с тобой не занимались.

Глава 24

Об особенностях менталистов

Лиска обычно занималась охотно, она вообще была очень покладистая девочка. Я даже боялась, что слишком послушная — такой помыкать несложно. Научить бы ее за себя постоять! Но я порой и сама не умела, и все, что я могла — помочь ей учиться, и не потому, что благодетельница, как говорил Лисовский, а чтобы помощницу себе вырастить.

В кухню заглянули Демьян с Никитой. Смотрели жалобно, как кот на сало. Эти всегда голодные.

— Сами чай себе наливайте, — кивнула им я. — На полке вон кекс с изюмом. Я сейчас занята.

Лиска старательно перерисовывала из книги буквы — стальным пером, макая его в чернила.

— А что вы делаете? — радостно спросил Демьян, как-то пристально окидывая взглядом мою девочку. — Учитесь, да? Алиса, ты ведь маг?

— Маг, — кивнула девочка, вся заливаясь краской. — Но небольшой совсем. Так, пятна вывести и огонь зажечь. По мелочи.

— Так это пока по мелочи, тебе лет-то сколько?

— Тринадцать.

— Ну вот. Сила, она максимума к двадцати достигнет, а то и позже. А ты перо неправильно держишь, кстати. И вообще оно у тебя все кривое. Давай я свой набор принесу? Да и заниматься удобнее в кабинете.

— Коней придержи, Демьян, — одернула я юного мага. — Какой кабинет, кто нас туда пустил?

— Так я пустил. Лирра Ольга, я могу с Алисой позаниматься. Чего ей вашу муть кулинарную переписывать? Пусть вон историю магии читает лучше, польза хоть будет.

— Пойдем-ка, льер, поговорим, — я с тревогой взглянула на Никитку и Лиску, которые всю болтали — они были почти одного возраста и неплохо дружили. — Заодно дров принесешь.

— Ладно, — если Зеленов и удивился, то виду не подал.

Мы вышли на улицу, встали возле поленницы, и я смерила юношу суровым взглядом.

— Ты чего от Лиски хочешь, маг? Не просто так ты к ней подкатываешь, да? Ребенка мне не смущай своими предложениями!

— Видите, какое дело, лирра, — Демьян даже не рассердился на мои упреки. — Алисия маг. Причем нормальный такой маг. Сила у нее рано проснулась, в отделе магического контроля сказали, что девочка перспективная. Потому ее к нам в дом и взяли. А я так... присматриваюсь. Мне ведь, чтобы степень приличную получить, жениться нужно будет. Я ведь, как льер Лисовский, менталист. Мне нужна жена для баланса сил.

Это были интересные сведения, и я тут же наострила уши.

— Ну-ка, ну-ка, поподробнее!

— Да чего там, — Демьян смутился и принялся разглядывать поленницу. — Менталисты в юности нестабильные. Закрываться не умеют, силы контролировать не всегда выходит. Меня потому к Лисовскому и приставили, чтобы наблюдал, учился, спрашивал совета. А я, придурок, «зеркало» не увидел. Кухарка обычная увидела, а я нет!

— Не обычная, а внучка Егор Матвейча. А Лиска тут при чем?

— Так маг она. Всяко лучше жена с магическим даром. И полезно, и это... ну... во время супружеских обязанностей происходит стабилизация ментального дара. Там оно само собой получается потому что невозможно в такие моменты закрываться от близкого человека. Вот вы, к примеру, не выдержали бы... ну, с менталистом. А Алиса — маг. Для нее нормально будет.

Не выдержала бы с менталистом, говоришь? Хм. А ночью что было?

— А льер Лисовский?

— Что льер Лисовский?

— Ну, он же менталист. Но не женат.

— Так он зрелый стабильный маг. У него все прекрасно с даром. Ну, было прекрасно. До «зеркала». Теперь-то у него тоже срывы могут быть, да... Наверное, потому и в столицу поехал. Здесь женщину найти сложно, городок маленький. Сплетни пойдут...

Я молча улыбнулась. Женщину найти сложно? Алекс справился. Значит, наши отношения помогут ему прийти в норму. Это прекрасно. Не думаю, что его потребности сыграли решающую роль —

притяжение между нами возникло до «зеркала». То, что он выбрал меня — даже лестно. Значит, я действительно ему нравлюсь. По-настоящему. И вообще, какое прекрасное самооправдание для меня — я не предаюсь блуду и разврату, а делаю полезное дело. Сексотерапией занимаюсь.

— То есть ты Лиску видишь своей будущей женой, я правильно понимаю? — уточнила я у Демьяна. — А Софья?

— А что Софья? — страшно покраснел он.

— Тебе она нравится.

— Нравится, — глухо подтвердил он. — И что с того? Мне она не пара, да и не интересен я ей. Она в другого давно влюблена.

Однако! Я даже и предположить не могла, что в этом доме столько любовных линий! Потому что только внутрь себя смотрела, только своими переживаниями увлеклась.

— А Алисия — она хорошая, скромная, — продолжал юноша. — Требовать свой особняк и брильянтовый гарнитур не будет. Я ведь не богатый и не из какой-то там знатной семьи, просто наемный маг. Для нее я партия хорошая, да и она мне по душе.

— Ей тринадцать.

— Подожду. Все равно мне еще учиться и на третью ступень экзамены сдавать. Лет через шесть буду предложение делать, если ничего не изменится, а пока с удовольствием познакомлюсь с ней поближе, тем более, что вы так много для нее делаете, она прямо расцвела. Раньше я сомневался, а теперь вижу — надо брать, пока другой кто такое сокровище не увел.

Я только головой покачала: мне и такую рассудительность в его годы! И в самом деле: молодой маг для Лиски — партия прекрасная. Он ее вытащит с кухни, сделает хозяйкой в своем доме, а самой Лиске Демьян страшно нравился, я об этом знала, может, и правильно так — что они хорошими друзьями будут, друг к другу присмотрятся, тем более, что Демьян соблазнять ее не собирается. В общем, мы с ним договорились, что когда у него свободное время будет, он свою «избранницу» будет сам учить — писать и магичить помаленьку.

Лиска, правда, не сказать, что обрадовалась — едва в слезы не ударилась. Робеет она перед Демьяном, стесняется. Но я ей объяснила, что писать — это хорошо, но и дар развивать нужно. Она ведь не хочет всю жизнь в посудомойках ходить? Лиска подумала и сказала, что нет,

не хочет. Если Всевышний ей дал магический дар, то надо свои возможности развивать, к тому же тогда она своим родным помогать сможет — даже одежду подлатает или еще что. Мне в тот момент стало невероятно стыдно. Вот у такой, как Лиска, явно бы мозгов хватило с взрослым дядькой в постель не ложиться, да и потом она бы себя иначе вела. Девочка явно умнее и рассудительнее, чем я в ее возрасте была. Конечно, детства у нее не было, но зато в будущее она серьезно смотрит и, уверена, добьется своего, особенно, если ей ненавязчиво помочь, подтолкнуть в правильную сторону, поддержать. Словом, Лиской я гордилась, словно она моя дочка.

* * *

К обеду в кухню изволил спуститься Гродный. Надо же, я так надеялась, что он про меня забудет! Но нет, он, зевая и щурясь, заявил, что менталисты никогда ни о чем не забывают, если сами не захотят, и от этого у них всегда выдающиеся успехи в любых начинаниях. Я ядовито ответила, что я не менталистка и охотно забыла бы обо всем, что тут произошло, а особенно — дорогу в отдел магического контроля.

— Увы, регламент есть регламент, — противно бодрым тоном заявил льер Йозеф, наливая себе холодный кофе из кофейника и подогревая его движением рук. — Документы вам все равно нужны, тем более, какие-то способности у вас имеются.

Я покачала в руках половник, мрачно размышляя, смогу ли я спрятать тело? По всему выходило, что не смогу, к тому же есть еще некто Иволгин, которого я вряд ли смогу прибить кухонной утварью. Жаль.

Бежать мне некуда, защитник мой Егор Матвеевич в столице, некому мне даже совет дать. Ну что ж, Оля, ты — женщина взрослая. Придется брать себя в руки и принимать какое-то решение относительно твоей дальнейшей жизни. И что с того, что ты последние десять лет от всех решений бегаешь, надеясь, что само рассосется? Как видишь, настал твой звездный час.

Глава 25

Всё это дурно пахнет

В отделе магического учета меня встретили едва ли не с распростертыми объятиями: усадили на диван, налили чаю, подушечку под спину подложили. Я даже растерялась от такой заботы. Но возражать не стала, напротив — и чаю выпила (отличный чай, между прочим, надо в дом Лисовских такой заказать), и на диванчике расположилась с комфортом.

— Господа, у меня несколько вопросов. Во-первых, тут стандартная форма, для мага. А я, как мы уже выяснили, не маг. Поэтому пункт 12.2 о том, что любой маг военнообязан, меня вообще не касается. К тому же я женщина. Что, вы мне ружье дадите и поставите в строй? Или поварешку — и на полевую кухню? Нет, я против.

— Принято. Про обязательную службу убираем, — покладисто (слишком уж покладисто) согласился Иволгин. — Еще что?

— Вот это что имеется в виду: «Пришелец обязан при необходимости служить королю в меру своих талантов и даров». Извините, я кухарка. Я могу ему суп сварить, если он с голоду помирать будет. А какие-то прочие вещи я делать не собираюсь. Про соблюдение законодательства и невмешательство в технический прогресс — это пожалуйста. Драконов обязуюсь не соблазнять, в царя бомбу не бросать, велосипед не изобретать.

— А что такое велосипед? — немедленно заинтересовался Иволгин. — Вдруг нам нужно?

— Это транспорт такой. С цепью. И с двумя колесами, — объяснила так объяснила, браво, Ольга!

— Потом нарисуете. А про бомбу — вы разбираетесь во взрывном деле? — взгляд его вдруг стал холодным и острым.

— Нет, — честно ответила я. — Только из фильмов знаю, что можно фитиль поджечь и бросить. А еще...

Я споткнулась, потому что понимала, что если я сейчас начну вспоминать про часовые механизмы, начинение жестяных банок болтами и химические взрыватели — ну, знаете, как питерские

химики-революционеры придумали, с катализатором в стеклянной трубке, то меня немедленно посадят под замок и будут правы.

Надо же, я, оказывается, не совсем бесполезное существо. Велосипед нарисовать смогу и пару идей взрывникам подкинуть.

— Что еще? — нетерпеливо спросил Иволгин.

— Еще... Порох, кажется, в динамите есть. А больше ничего не знаю.

Постаралась сделать как можно более наивный вид, хотя в голову упорно лезли школьные знания — я ведь отличницей была. Про фотосинтез, про закон Ома, про гальванические элементы и даже про то, что цианистый калий пахнет миндалем, а мышьяк — чесноком. Последнее мне запомнилось очень хорошо, потому что химичка у нас была Арсеньева, разумеется, ее прозвали арсеникум — сиречь мышьяк, и всё мечтали подложить ей в стол чеснок. А еще это... антропогенез повторяет партеногенез (вот тут я совсем не уверена) и про сумму квадратов катетов. Бог знает, что мне теперь с этими знаниями делать, ни разу ведь не пригодились в жизни и теперь точно не пригодятся. Вот тебе и аттестат, вот тебе, Оленька, и профуканая золотая медаль.

— Меня, льера, ваши технические знания не особо интересуют, — неожиданно подал голос Гродный. — С этим пусть разбираются ученые. Мне больше важно, что вы «зеркало» определили на предпоследней стадии, когда еще человека спасти можно. Вы говорили про дымку. А никто из магов никакой дымки не видит. И иллюзию Иволгина разглядели, а он — хороший иллюзионист. Магии в вас ни капельки нет, но вы ее чувствуете, и это очень ценно. Не согласитесь ли вы на эксперимент?

— Какой? — настороженно спросила я.

— Мы поставим перед вами нескольких людей, а вы скажете, на ком что — «зеркало» ли, иллюзия, чары принуждения?

— Не жалко людей-то?

— До критического уровня доводить не будем. Если поймем, что вы только ближе к концу видите, то остановим эксперимент.

— Можно попробовать, — с сомнением согласилась я — мне и самой было любопытно, что я умею. Тем более, что я вдруг ясно поняла, что в самом деле спасла Александру жизнь. Если бы я не вмешалась, его бы в живых не было.

— Тогда с договором мы пока подождем, да, льер Иволгин? К тому же надо разобраться, почему Сабилов так поступил. Он на днях вернуться должен, вот и обсудим...

— Хорошо, — начальник отдела магического контроля кисло улыбнулся. — Пара дней, надеюсь, погоды не сделают. Льера ведь не собирается сбежать?

— Нет, — вздохнула я. — Льера собирается печь торт.

— Какой торт? — тут же оживились мужчины. — Такой белый, с цветами?

— Нет, начну с Наполеона, — мстительно прищурилась я. — Сто лет его не пекла, даже интересно, смогу ли. Тем более, я недавно малину на рынке видела, дороговую, из оранжереи. Знаете, между слоеными коржами ягоды проложить можно...

— Только попробуйте внести в договор пункт о недопустимости кулинарных заимствований, и я позабочусь, чтобы в Совете Магов узнали про ваши отношения с женой мэра, — неожиданно предупредил Йозеф Гродный Иволгина. — Я хочу торт. С малиной.

— У меня нет никаких отношений! — пошел красными пятнами мужчина. От возмущения он даже приподнялся. — Я не позволю!..

— Да я пошутил, успокойтесь, — засмеялся Гродный, но взгляд у него был вполне серьезный. — Только учитывайте, что льера Сабирова теперь под моим личным покровительством. Если, конечно, торт будет вкусным.

Мда, я знала, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, но чтобы до такой степени! Взятку тортами я еще не давала, но мысль дельная.

Надо и в самом деле испечь, да еще льере Гдлевской отнести. Кстати, о птичках.

— Льер Гродный, а вы Елену Гдлевскую знаете?

— Оленька, я же просил — просто Йозеф. Конечно, знаю, кто ж ее не знает! Я в нее в юности влюблен был, ни одного ее выступления не пропускал... Эх, славные были времена! А почему ты спрашиваешь?

— Потому что льера Елена сейчас в очень плачевном положении. Может, как-то можно похлопотать, чтобы ей пенсию выписали?

— Льера Елена? — Гродный изумленно на меня уставился. — Так она же умерла лет тридцать как! Еще при том взрыве во дворце!

— Она живет в Коборе в родительском доме.

— Враньё! — Гродный был возмущен настолько, что побагровел. — Мошенница поди! А ну-ка, деточка, отведи меня к этой твоей Гдлевской!

Я растерялась от такой воинственности. А ну как и вправду мошенница, а я просто повелась на сопливую сказочку? Да нет, вряд ли. Кто в здравом уме будет жить в старом доме и просить дрова у мэра? Да и осанка, манеры, взгляд этот — всё говорило о том, что Елена — действительно бывшая танцовщица. Не усугублю ли я ее и без того плачевное положение, приведя к ней мага? Наверное, нет. Она же говорила, что послала прошение королю. Что писала своим поклонникам. Попробую, пожалуй. Если удастся ей помочь — пусть так. Мы шли теперь куда быстрее, чем раньше. Льер Гродный пыхтел как самовар, а потом начал рассказывать мне, какая это была прима, ах, какая была прима! Зал дышать боялся, когда она танцевала! Сам наследный принц за ней ухаживал, но она отвергла его притязания, выбрав, к слову сказать, моего названного деда. А когда Елена танцевала партию Велеславы — это из легенды о Пропавшем Королевиче — цветами был весь театр завален, на улицах букеты стояли. Поэтому Гродный ни за что не поверит, что такая женщина, как Гдлевская, вдруг одна осталась, даже если и ходить не может. Да и Матвеич... А хотя с ним-то все понятно было, он несколько лет к постели прикован был, да и потом у него проблем куча нарисовалась.

Дом Гдлевской выглядит уныло: когда начал сходить снег, стало видно, что сад запущен, многие деревья поломаны, кустарники разрослись. На кирпичных стенах давно потрескалась штукатурка, пара окон второго этажа забита досками. На лице у Г родного отражается недоумение — он ждал чего-то другого.

Мы проходим по нечищенной дорожке к дому, стучим бронзовым молоточком в дверь. Открывает неизменный Михаил, только сегодня он не в ливрее, а потрепанной куртке. Видимо, выходил куда-то.

— Лирра Ольга, — широко улыбается он. — Рад вас видеть! Льера будет счастлива гостям.

Мы проходим в гостиную, садимся на лиловые диваны и ждем. Елены выезжает к нам — как всегда элегантная, с прической, в красивом платье, жемчужных бусах и перчатках.

— Боже, это и в самом деле она! — восклицает Гродный. — Глазам не верю, как такое возможно?

— Мы знакомы? — нерешительно спрашивает Елена, изящно покачивая головой.

— Нет, откуда... Но я не могу не узнать великолепную льеру Гдлевскую! Позвольте сказать, что я ваш искренний поклонник!

В глазах Елены на мгновение мелькает хищный огонек, она явно просчитывает, чем этот поклонник может помочь в ее бедственном положении. Впрочем, лицо тут же разглаживается, появляется улыбка — немного смущенная, немного скорбная. Она взмахивает кистью и театрально вздыхает.

— Ах, льер, что было, то прошло, какое же великолепие...

Мне приходит в голову мысль, что в Коборском театре она вполне прижилась бы. Елена виртуозно владеет лицом и телом, если можно так сказать про женщину в инвалидном кресле.

А Гродный втягивает живот и сыплет, сыплет какими-то именами, названиями, фигурами танцев, даже не понимая, что Елена Гдлевская уже не разделяет его восторгов. Ее лицо тускнеет.

— Довольно, льер Йозеф, — перебиваю я его красочное воспоминание какого-то танцевального спектакля. — Вы бестактны.

Он замирает на полуслове, встряхивает головой и вдруг понимает, где находится. Губы кривятся в виноватой улыбке.

— Простите, льера Гдлевская, — краснеет он. — Я — мерзавец и эгоист. Чем я могу вам помочь?

— Много лет я пытаюсь добиться пенсии, как пострадавшая при том происшествии во дворце, — тут же отвечает Елена. — Если бы вы могли похлопотать... Сами видите, — она картинно и невыносимо изящно взмахивает рукой. — Я совсем потерялась в моей немощи.

— Я сделаю все, что могу, — горячо обещает Йозеф. — Льера, позвольте мне стать вашим другом и заходить к вам на чай?

— Разумеется, — тут Елена улыбнулась вполне искренне. — Буду счастлива, если вы будете меня навещать.

Они поболтали еще, уже вдвоем, а потом Гродный пошел домой, в смысле, к Лисовским, а я — в свой домик.

— А интересная у нее магия, — как-то задумчиво произнес Йозеф, прощаясь. — Вы заметили? Она вытаскивает из глубины души самые сокровенные мысли и мечты. Вытаскивает и жестко выставляет

на свет. Я был отчаянно влюблен в грациозную Сусанну, в отважную Беренику и нежную Велеславу. Я преклонялся перед грацией льеры Гдлевской. Даже спустя столько лет она трогает мои чувства. И сегодня я понял, что всё это время любил лишь образ, а жизнь — она гораздо сложнее.

— Это хорошо или плохо? — осторожно спросила я, уверенная, что льер преувеличивает.

— Это полезно, — помолчав, сказал Гродный. — Только всё это не столь важно. А вот то, что я абсолютно точно видел имя Елены в списке погибших, мне очень не нравится. Тридцать лет прошло, конечно... но я четко помню, что сам лично Егора Матвеевича в чувство приводил, над кроватью его сидел — я же менталист как-никак, причем один из лучших. И первый его вопрос был про Елену: выжила ли? Узнав, что нет, он просто сдулся. Всё, даже бороться не стал. Интересно мне, кто же эти бумаги подписывал... Не льер ли Лисовский?

— Тридцать лет прошло, — напомнила я, похолодев внутри. — Так ли это важно? Да и сколько Лисовскому было?

— Двадцать два — двадцать три, — прикинул Йозеф. — Он секретарем тогда был при канцелярии, его сам Сабиров и пристроил. Всё это очень дурно пахнет, Оленька. Очень. И знаете что? Вы замешаны по самые уши.

Глава 26

Сладкие семейные узы

Готовить торт в печи оказалось куда проще, чем я предполагала. Пропорции я за давностию лет не слишком и помнила, но вот сам вид теста, его ощущения под пальцами, фактуру, цвет, плотность не перепутать. Когда-то Наполеон был моим любимым тортом, и сейчас я намеревалась его и в самом деле испечь.

Делать тесто — сродни медитации. Весь мир перестает существовать. Есть только ты, мука, вода и соль. И, конечно, лучшее сливочное масло. Замесить крутое тесто, раскатать его тонкой скалкой, смазать маслом. Свернуть в конверт, снова раскатать, снова смазать... и так пять-шесть раз. Медленно, с удовольствием, наслаждаясь каждым мгновением. Потом на ледник его отнести и заняться уже неотложными делами. Крем решила делать завтра: классический масляный (сгущенку сама делать я уж точно не умею, а с масляным кремом возни не так уж и много), да еще малину можно проложить. С тестом, правда, немного увлеклась: мне всё не нравилась плотность, вышло его приличное количество. Но много — не мало, сделаю большой торт, значит. Никогда с моими тортами такого не было, что их выкидывали, не доев.

На следующий день выпекла коржи. Оказывается, ничуть не сложнее, чем в духовке. Обрезала. Взбила крем из яиц, сахара и масла. С Лиской вышло просто замечательно: не нужна никакая водяная баня для плавного подогрева, она прекрасно нагрела мне яйца с сахаром с помощью своего дара — плавно, нежно, просто идеально. И взбивать помогала, она к этому привычная. В четыре руки мы промазали торт, украсили его малиной. Снова отнесли на ледник, прогнав с кухни всех троих магов, которые, поняв, что я пеку, буквально не давали мне прохода. Как будто для них делаю, честное слово!

Александр отсутствовал два дня — идеально! Торт как раз дошел. Ян Рудый вернулся с ним. Но меня неожиданно обрадовал третий персонаж, который первым делом заглянул на кухню.

— Деда! — восторженно закричала я, вытирая мокрые руки тряпкой и бросаясь на шею представителю джентльмену с красиво

подстриженной бородой и завязанными в хвост белыми волосами.

Кажется, за прошедшее время я сама себя убедила, что связана с Егором Матвеевичем родственными узами. Я обрадовалась ему, как родному. Он от моего напора опешил, но тут же крепко меня обнял в ответ — у меня аж кости затрещали.

— Бедовая моя, куда опять влезла? — с мягким укором спросил он, глядя меня по волосам. — Совсем одну оставить нельзя.

От ласковых слов защипало в глазах. Вроде взрослая же тетка, давно привыкла к самостоятельности, но простая забота растопила сердце. И еще появилось странное, прочно забытое ощущение: пришел кто-то взрослый, кто всё разрулит. Это непонятно: больше половины жизни взрослой была я. Я сама решала свои проблемы (чаще всего убегая от них, но всё же), не умела принимать помощь, пряталась от привязанностей. Но к деду Егору я испытывала искреннюю любовь и уважение, он за короткое время стал мне семьей.

— Дед, а у меня торт есть, — вспомнила я. — Наполеон.

— На каком поле? — не понял дед.

— Это название такое, — усмехнулась я. — Будешь пробовать?

— О жестокая, — жалобно простонал из коридора голос Рудова. — У нее есть торт, и она нам не предлагает. Слышал, Алекс? Твоя прислуга вкрай обнаглела. Из хозяйских продуктов испекла что-то и от хозяев прячет.

— Не называй ее прислугой, — рявкнул голос льера Александра. — И вообще... Не нравится — вали в гостиницу. Дед поднял свои богатые брови и вопросительно посмотрел на меня. Я пожала плечами и шепнула: «Прикормила».

— Накрывай в столовой, дочка, — скомандовал дед. — Лисовкий, ты не против?

— А торт большой? — уточнил хозяин дома. — Если не очень — то против. Прячьте торт, Ольга, прячьте!

Я в очередной раз подумала, что не зря я так размахнулась. Торт получился большой. Очень. Вот только мне, как кухарке, за столом с господами делать нечего, но ничего, весь они не осият, я себе и Лиске кусочек умыкну. Хотя... Там Демьян с Никитой будут, а у них желудки, кажется, необъятные.

— Ставь чайник, Марика, — скомандовала я. — Беяна, сбегай, скомандуй, пусть большой сервиз горничные достают. Лиска, мы с

тобой за тортом. А вы, господа, чего ждете? Освободите служебное помещение, не мешайте рабочему процессу!

Дед покачал головой, восхищенно цокнул языком, пробормотав «Ишь, командирша какая», и ушел, а я полезла в ледник.

Ну не придумали здесь холодильников! Зря, конечно. Холодильник и стиральная машина — лучшие изобретения человечества. Поэтому мясо, рыба и какие-то скоропортящиеся продукты хранились в яме со льдом. Раньше — вповалку. Теперь в деревянных ящиках отдельных, да я еще заставляла бумажку на ящики вешать, когда что туда положили.

Впрочем, дикарями моих новых одномирян назвать сложно. Ладно, прачечная — это грусть-тоска, потому что женщины стирают руками и мылом, но ведь ледник ничуть не хуже холодильной камеры! Организован он в пристройке к кладовой, по сути — это глубокая квадратная яма, выложенная внутри кирпичами и заполненная глыбами льда. Вместо пола — деревянная решетка. Здесь хранят мясо, рыбу и какие-то скоропортящиеся продукты. Сюда мы относим на ночь супы и жаркое. Здесь же я приучила поварих складывать масло, творог и сметану, которые раньше быстро портились. Раньше всё валили на «пол» — как легло, так и легло, но теперь имеются ящики и полки. Организация пространства — наше всё. И теперь здесь же на полке возвышался мой красавец торт, который я аккуратно сняла и на вытянутых руках несла в столовую.

Конечно, надо бы порезать его, но он слишком красив, чтобы не похвастаться.

Похвал я удостоилась бурных, один вид торта вызвал едва ли не овации. Даже Софья захлопала в ладоши с детским восторгом, а юные маги едва слюной всё не закапали.

— С нами садись, — скомандовал дед, который в доме Лисовского как-то уж слишком свободно распоряжался. — Не мнись. Села, чашку себе взяла и без отговорок. Мне важно понять, что у тебя с магией.

— Нет никакой магии, — неохотно ответила я. — Дед, ну право слово... Не пристало прислуге...

— Кто-то против? — он обвел вопросительным взглядом присутствующих, грозно сдвинув брови.

Против никто не был. Демьян с Никитой меня уважали и считали совершенно своей, Софья улыбалась так, что щекам, наверное, больно,

Александр поднялся и отодвинул для меня стул, а Йозеф с Яном вообще гости, их мнение особой роли не играет.

— Рассказывай, что видела, — потребовал дед, после того, как торт был порезан и разложен по тарелкам. — Йосик сказал, что у тебя своеобразное виденье «зеркала».

«Йосик» насупился и нахмурил брови, а я в очередной раз принялась вещать про странное поведение льера Александра и про дымку вокруг него. Про постель, впрочем, умолчала: ну не при Софье же! Тем более, уверена: эту часть ему пересказали с подробностями.

Дед слушал внимательно, кивал, а под конец согласился с льером Гродным: нужен эксперимент. Важно понять, что именно я вижу-только ли «зеркало» или любую наведенную магию. Впрочем, воздействие, направленное на себя, я чувствую, а вот как с другими?

— Лирра Ольга чувствует ментальную магию, направленную на других, — напомнила Софья. — У нас с ней был... инцидент.

На Софью строго посмотрели сразу четыре глаза: два карих — деда Егора и два серых — льера Лисовского. Она смутилась и уткнулась в тарелку.

— Что ж, Ольга, как минимум, тебе нужно изучить типы магического воздействия, — строго сказал дед. — У Алекса есть книги, считаешь.

Я и сама понимала, что как раньше уже не будет. Надо же, я несколько дней назад ныла, что скучно живу. Что никому не нужна. Ну вот, вселенная меня услышала и поняла как-то слишком уж буквально. Скука — явно не про меня.

— А торт просто великолепен, — заметила Софья невинно. — С такими умениями — и в кухарках! Ах, лирра Ольга, вам бы ресторан свой!

— Я не честолюбива, — вздохнула я. — Мне все нравится в своем положении.

— Лукавите, Ольга Дмитриевна, — неожиданно подал голос до того молчавший Ян Рудый. — Мало кто откажется от приличных денег. Или вам нравится в униформе ходить и в пальто с чужого плеча?

— Далось вам это пальто, — раздосадовано буркнула я. — Я его у портнихи шила, оно новое совершенно.

Встала, нарушая все мыслимые и немыслимые правила, налила всем чаю, извинилась и ушла в кухню, умыкнув пару кусков торта для

своих. Ян меня откровенно раздражал. Как я могла посчитать его хорошим человеком? Он бестактный и жестокий.

Конечно, я хочу денег! Конечно, хочу хорошую одежду, свой дом и, может быть, небольшую кондитерскую лавку, тем более, дело мне знакомое. Когда-то я и в ценообразовании разбиралась, и в налогообложении, и административные вопросы могла уладить. Только это было в том мире, где можно было кредит в банке взять, где зарабатывать не так уж и сложно, если этого очень захотеть. Москва — это вам не провинция, там можно и нужно вертеться. А здесь что? У меня жалование — теперь уже целый златник (десять панталон, ага), но ни времени, ни возможности накопить на аренду помещения нет.

Легко сказать — свой ресторан! Да я бы с радостью занялась любимым делом, купила бы себе дом, удочерила Лиску и жила, пусть и в хлопотах, но без дум о том, хватит ли мне денег на новые летние туфли, или придется в вещах с покойников рыться? К тому же некоторым может казаться, что это куда как просто — открыть свое дело. Но там нюансов множество: разрешение получить у администрации, зарегистрироваться, найти помещение, оборудование, мебель. Рекламу сделать. Работниц подходящих нанять, потому что я одна явно не справлюсь. Научить их основам. И деньги, деньги! Нужен стартовый капитал, а на кухне его не заработать.

Глава 27

Ночь... и день

Ночевать я решила дома — в своем маленьком доме. Знала, что если останусь в кухне, Александр на чай зайдет вечером, и отчаянно этого боялась. У меня к нему было много вопросов, а права задавать их я не имела. Но язык у меня длинный, начну расспрашивать, он не ответит, конечно, я обижусь... В постели, право слово, легче! Там слов много не надо.

Придет ли он? Я почти уверена была, что придет. Надеялась, что соскучился.

Я ждала. Постелила свежую простынь. Надела красивое белье. На столе стояли цветы — льера Гдлевская принесла. Оказывается, у нее небольшой зимний сад в доме, и она сама выращивает розы, какую-то пушистую траву и очаровательные мелкие кустовые цветочки. Из всего представленного в букете я знала только розы, и те были не типичные. Но очень красиво, не поспоришь. Когда я спросила Елену, почему она цветы не продает, та грустно усмехнулась и ответила, что в Коборе дамам букеты не дарят. Только на могилки носят, но тут уж особой красоты не требуется, покойники — они к цветам равнодушные. Может быть, когда театр построят, и придет время цветов, но пока вот, Ольга, пусть тебя радуют.

Меня они радовали.

Лисовский постучался ближе к полуночи, когда я уже спала. Ворча, отворила дверь, сняла с него шляпу, принялась расстегивать пальто. Он засмеялся с видимым облегчением, убрал мои руки и разделся сам — быстро и весь. Догола. Мне нравилось, что с ним не нужно слов, потому что как выразить свои чувства словами, я не знала. Я уже была отчаянно, до дрожи в руках влюблена. Это чувство не было похоже ни на что из моего прошлого. Не было похоти, не было боли, не было бабочек в животе. Было только безграничное счастье ощущать под пальцами его плечи, пить его дыхание, слышать его невнятный и не имеющий смысла шепот над ухом. Он весь был для меня идеальным, я сторала от удовольствия в его объятиях и воскресала от его поцелуев.

Кажется, впервые в жизни я понимала, что такое любовь. Я прекрасно знала, просто интуитивно угадывала все его недостатки. Наверное, как и многие мужчины, он не умел выразить свои чувства. Наверное, он бывал груб и нетерпелив. Наверное, он мог быть страшен в гневе и безжалостен со своими противниками. Но мне все это было неважно. Я принимала его любым, я не хотела бы ничего в нем изменить. Я готова была любоваться им, словно произведением искусства — совершенным в своей неидеальности.

Плевать, что я ему не пара. Счастье не в этом. Счастье — оно здесь и сейчас. Главное — держать язык за зубами и не вздумать ему ничего говорить. Не поймет, начнет жалеть меня, может, даже уйдет, чтобы не тревожить больше.

Он уснул, а я всё не могла насмотреться. Водила пальцами по плечу, трогала его волосы, слушала глубокое мерное дыхание. Ой! Он же говорил, что будет ночевать дома!

— Саш, вставай, — толкнула я его в бок. — Тебе домой пора.

— Зачем? — он приоткрыл один глаз, потянулся, как кот, и поудобнее расположился на моей не самой широкой кровати, притягивая меня под бок.

— Туалет на улице. Водопровода нет.

— Плевать, переживу. Если ты не выгоняешь, конечно.

— Нет. Оставайся.

— Оль, ты красивая.

— Ты тоже ничего, — хмыкнула я, улыбаясь.

— Тебе надо учиться, у тебя ценный дар.

— Не начинай, меня всё устраивает в моей жизни. Ты как Егор Матвеевич.

— Конечно. Он — один из моих учителей. Вообще странно, что он тебя в кухарки отпустил. Он не из бедных. Мог бы и дом тебе купить, и еще как-то помочь.

— Зачем? Я взрослая женщина, я сама прекрасно справляюсь, как видишь. И дом у меня уже есть, и работа.

— Вижу, как ты справляешься, — проворчал он. — А с другой стороны, не мне жаловаться. Я еще твоему деду не раз спасибо скажу. Оль, а у меня для тебя подарок. И только попробуй сказать, что не примешь. Уволю без рекомендаций.

— Шантаж, льер Лисовский? — вскинула брови я.

— Именно, лирра Субарова. Вот.

На мою руку скользнуло что-то холодное и тяжелое, я придвинула к себе масляную лампу, добавила огня и растерянно уставилась на браслет на моем запястье. Широкий, красивого плетения, с мерцающими дымчато-серыми камнями, явно драгоценными. Золотой и очень-очень дорогой — тут сомнений не было.

— Саша...

— Я сказал, молчи, женщина. Можешь не носить. Но пусть он будет у тебя, потому что никогда не знаешь, как повернется жизнь. Возможно, тебе будут срочно нужны деньги. Тогда продашь. И не подумай, он новый. Я для тебя купил.

— Саш, я боюсь такую дорогую вещь у себя держать. Украдут ведь.

— Хочешь, завтра в банк сходим и положим в ячейку?

— Нет, — подумав, сказала я. — Я хочу иметь возможность любоваться на него, когда захочу. У меня никогда не было такой красоты. Как я могу выразить свою благодарность?

— Если бы я был жадным эгоистичным ублюдком и развратником, я бы напомнил, о чем мы с тобой беседовали в моей спальне. Ты еще сказала, что это всего лишь предварительные ласки. Но я же не такой, поэтому просто — скажи спасибо.

— Ах ты хитрец, — тихо засмеялась я, гася лампу. — Не зря ты самого короля советник. Умеешь мысль оформить.

— Да какой же я хитрец, я совершенно простой человек. Даже местами глупый. Ммм... что это ты делаешь?

— Благодарю тебя, — усмехнулась я, покрывая поцелуями его грудь.

* * *

Утро начинается с привычной уже беготни. На этот раз проспали оба. Мы толкаемся возле кувшина для умывания, пытаемся понять, где чья рубашка, Александр застегивает на мне платье и помогает надеть пальто. Зимнее. На меху.

А за окном между тем сияет солнце и поют птицы.

— Тебе не жарко? — спрашивает он.

— Жарко. Но я пока не купила ничего подходящего.

— Оль, а как так вышло, что ты приехала в Орассу вообще без вещей? — задает неудобный вопрос Лисовский. — Только не надо сказок, что у тебя какие-то там родственники отобрали всё. Нет, я могу понять, если шубу, дорогую обувь или там платья приличные. Но белье... хоть какая-то одежда... должны остаться. Тем более, ты, кажется, не из тех, кто позволит с себя нижнюю рубаху без сопротивления снять.

Я замерла, моргая. Ох, как некстати все эти расспросы! Что ему сказать? Правду? Я бы, наверное, и призналась, так я документы подписала.

— Оль, я всё пойму, честно. Ты преступница? Ты от чего-то или от кого-то сбежала? Ха! Ты пропавшая руанская принцесса? — тут он сам хохотнул и покачал головой. — Ну ладно, там ее высочеству едва двадцать стукнуло, и она что птичка ростом. Интересно, руанские маги смогли бы поменять человеческую внешность настолько радикально?

— Ага, принцесса, — закивала я радостно. — Не видишь, что ли? Из меня аристократическое воспитание так и прет. А еще принцесс непременно обучают рыбу чистить и пироги печь, иначе они в дикой природе не выживут!

Он усмехнулся и надел шляпу.

— Прошу вас, ваше высочество, выходите. Не соблагоизволите ли сделать для меня кофе?

— Зависит от вашего поведения, льер.

— Я вел себя идеально!

— Тут не поспоришь, — я улыбнулась и осмелилась прикоснуться к его рукаву. — Ты иди, наверное, а я еще в булочную загляну.

— Тебе очень нужен хлеб? Наверняка Лиска уже сходила. Или ты не хочешь, чтобы нас видели вдвоем?

— Этого не хочешь ты.

— Я? Глупости. Мне стыдится нечего. Мы оба взрослые люди. Ты вдова. Я вдовец. Между нами отношения. Это нормально.

— А Софья?

— А что Софья? Какое она имеет право лезть в мою личную жизнь?

— Ей может не понравиться.

— Я тебя умоляю, Оль... Ты ведь не считаешь, что я монахом жил?

— Нет, но...

— Оля, если ты не против, пойдем вместе. Пусть видят, что ты — моя женщина.

Я пожала плечами — что ж, если он хочет... На кухне поварихи далеко не дуры. Они всё давно поняли. Горничные тоже сто раз обсудили. Маги, временно пребывающие в нашем доме, тоже в курсе. А на горожан мне плевать. В первую очередь сплетничать будут о нем — как так, высокородный льер связался со своей же кухаркой! Одно дело тайно с ней спать, а другое — вот так, под руку, идти по улице. Сердце у меня колотилось, ладони потели, в каждом взгляде, брошенном на нас кем-то из прохожих, я готова была увидеть любопытство и осуждение — но Александр не убирал свой локоть, и я ступала твердо.

И во двор мы зашли вместе. Лиска, болтающая на черном крыльце с Демьяном, широко раскрыла глаза, увидев меня с льером, юный маг нахмурился и покачал головой. Я тут же отдернула руку.

— Оля, не паникуй. И да, после завтрака будь готова. Мы пойдем покупать тебе плащ.

— Только попробуй, — прошипела я. — Я уволюсь и уеду с Ферзем в столицу.

— Догоню и верну, — спокойно ответил льер. — А будешь дурить — при всех поцелую.

Я прикусила губу, гневно на него посмотрела и, выдернув руку, побежала на кухню. Ох уж эти мужчины, дай им палец — откусят руку! И ведь знает, что я подачек не выношу, а все равно действует по-своему!

Беяна и Черника, о чем-то увлеченно трепавшиеся, тут же замолчали и покраснели. Ясно-понятно, меня обсуждают. Не удивительно, в общем-то. Черника заторопилась уйти, Беянка метнулась к плите. Со мной не поздоровалась, даже не улыбнулась.

— Марика, Беяна, — окликнула я поварих. — Если у вас какие-то вопросы или претензии, можете задать лично.

— Нет, что вы, лирра, — пробормотала, опуская черные глаза, Марика.

— Хорошо, я скажу сама. Вы всё прекрасно поняли. У меня отношения с льером Лисовским. Я вдова, он одинок. Ни на какое особое отношение к себе я не претендую. Я по-прежнему кухарка. Он — наш хозяин. В этом доме ничего не изменится.

— А если вы нашей хозяйкой станете вдруг — изменится? — сквозь зубы спросила Беяна.

— Льеры не женятся на кухарках, — твердо ответила я.

— А на внучках льера Субарова?

— Льер Субаров — простой знахарь.

— Это сейчас знахарь, а раньше — первый королевский советник. У него еще с тех времен дом в столице и денег полно. Странно, что вы — его внучка — этого не знаете.

— Откуда мне? — растерянно ответила я. — Я из Руана приехала, о деде знать не знала. Наоборот, думала, что ему помощь нужна. Приехала — он в избушке больной лежит...

Я села на стул, обхватила голову руками, понимая, что такая складная легенда трещит по швам. А потом поглядела на Беяну и спросила:

— Стоп, а ты-то откуда знаешь? Он сам не больно-то распространяется об этом, если уж мне — внучке своей — не сказал.

Тут уж Беяна пошла красными пятнами и затеребила передник. Но ее мгновенно сдала Марика.

— Так подслушали мы его разговор с льером Гродным, не подумайте, случайно. Пошли в ледник, а маги там, за стенкой... разговаривали. Громко. Ругались, в общем. Льер Гродный еще сказал, что у вас дар редкий и весьма ценный, что Егор Матвеевич — нехороший человек и вообще едва ли не предатель.

— Ясно, — я потерла лицо руками и встала. — Что ж, вот все и выяснилось. Я — падшая женщина, льер Лисовский — развратник, дед мой — предатель, зато со средствами, а завтрак господам магам никто не отменял, поэтому работаем, лирры, работаем. Беян, на обед что сегодня?

На обед сегодня была запеченная под овощами и сыром рыба, майонез здесь никто не пробовал, и я достала яйца и ужасно дорогое оливковое масло и принялась всё это взбивать. Горчицы бы еще добавить, да я не знаю, как ее приготовить. Это вам не торт.

В рыбе нет ничего сложного — ее готовить быстро. Пожарить луч и морковь, выложить тонким слоем в чугунную посудину, на овощи плотненько — куски рыбы. Сверху майонезом полить (ну, в моем случае вышло нечто жидкое, но на вкус довольно приличное) и посыпать мелко рубленным сыром. Остатки рыбы — хребет, голова и то, что лишнее — в кастрюлю. Нечего добро переводить. Полчаса варить, через ткань процедить — и будет отличный рыбный бульон. Даже если льеры уху не захотят — мы с удовольствием съедим.

За уху, кстати, взялась Беяна. Она заявила, что варить рыбный суп из одного вида рыбы — это убого и скучно. Что ж, мне же проще.

После завтрака в кухню заглянул Егор Матвеевич, грозно на меня поглядел и мотнул головой — дескать, выйдем, внучка. Я сняла передник, накинула безрукавку и вышла к поленнице. Видимо, это место теперь стратегически важно для переговоров.

— Ты спишь с Лисовским, — заявил он без всяких реверансов.

— Сплю, — уныло согласилась я.

— Ты в него влюблена?

— Не без этого.

— Что ж, это лучше, чем если бы ты выгоды искала. Ладно. Не ожидал, конечно. Александр — довольно замкнутый человек. С чего бы он тобой заинтересовался? Ладно, так звезды сошлись, я понял. Оль, но ты понимаешь, что у вас будущее сомнительно? Глупостей не наделаешь?

— Нет. Отвар принимаю. Требовать ничего не собираюсь. Истерик не устраиваю. Никаких глупостей, в общем. Дед, мне сорок, а не пятнадцать.

— Хорошо. Оль, я перед тобой виноват. Надо было тебя зарегистрировать, но я прекрасно помню, что с магом прошлым было. Его едва ли не по косточкам разобрали, потом в такие рамки загнали... А в тебе едва душа держалась. Думал, не догадается никто. Да и не догадался бы, если б не неприятности с Лисовским.

— Егор Матвеевич...

— Дедом называй и на «ты». Теперь ты моя внучка официально. Признаться, я рад.

— Дед... спасибо тебе, — я крепко обняла старика. — Ты для меня сделал больше, чем кто бы то ни был.

— Полно врать-то... Ничего и не сделал, — отвернулся, но я видела, что ему приятны мои слова. — Только в неприятности втянул. Оля, у меня ведь еще не всё. Если испытания успешно пройдут, а я думаю, что пройдут, то придется тебе в столицу ехать.

— Зачем?

— Трое советников из двенадцати мертвы. «Зеркало». Двоих успели спасти. Остальные как на иголках сидят, поди знай, почему их не тронули — сорвалось ли, не смогли ли подобраться, или сами замешаны. Ты с твоим даром нужна нам.

Я стиснула зубы, сжала озябшие пальцы. Не хочу, не буду! Зачем мне это?

— И в качестве кого я должна ехать в столицу?

— А вот это тебе решать, — спокойно ответил дед. — Не паникуй. Время есть еще. Сейчас поглядим, что ты на самом деле умеешь, потом я в лес поеду, проверю свою избушку, загляну в деревню. А ты собирайся потихоньку. Да не волнуйся, мы тебе контракт оформим, будет приличная зарплата. А там, глядишь, и пристроим тебя в столице-то. Всяко лучше, чем здесь.

— Мне Кобор нравится, — тускло ответила я. — И работа моя нравится.

— И Лисовский нравится, да? — продолжил за меня дед. — Что ж, твоя жизнь, твои решения.

Глава 28

Выбора нет

Я вернулась на кухню, едва не плача. Марика с Беляной, которые утром нос от меня воротили, тут же принялись вокруг меня крутиться — сунули в руки чашку с ромашковым чаем, усадили на стул.

— Ругался? — не выдержала Беяна. — Ну, дед, сильно ругался, да?

— Хуже, — мрачно ответила я. — Отечество призывает на службу. Раз я у Лисовского «зеркало» разглядела, то теперь должна остальных советников проверять.

— Ну и правильно, — неожиданно заявила Марика. — Нечего тебе тут в кухне сидеть. Ты — дама знатная. Тебе при дворе место.

— Я знатная? — изумилась я. — Да я всю жизнь на кухне!

— Ты, ты! И держишься строго, и разговариваешь грамотно, и лишнего себе не позволяешь, ко всем равна. Породу, ее под фартуком не спрячешь. Вон меня в платье бальное одень — буду как обезьяна шимпанзи, я в цирке видела. А ты — как королева будешь. Я не знаю, что у тебя в жизни случилось, а только видно, что ты не из простых горожан.

Я глаза опустила: если так судить, то да, не из простых. Все же до шестнадцати лет я действительно считалась едва ли не аристократкой, а то, что заложено в детстве, навсегда остается. И как приборами пользоваться, знаю, и как одеваться на всякие мероприятия, и как в обществе себя вести. И с осанкой проблем нет, несмотря на рост-спасибо школе моделей.

Кстати, Софья тоже ходит очень ровно, горделиво. Тоже — воспитание.

— Мне нравится моя жизнь такой, какая она есть, — наконец, сообщила я Марике.

— Ну и зря, — отрезала она. — Я вначале тебе очень завидовала: и кухаркой-то тебя сразу взяли, когда я с посудомойки начинала, и Лисовский на тебя смотрит, и маги на задних лапках вокруг прыгают. На рынке тебя уважают, даже лирра Рябина не осмеливается тебе возразить. А потом поняла, что ты так себя поставила. Ты

действительно умная, строгая, но справедливая. Прежняя кухарка знаешь, какая была змеюка? Только командовала да горло драла. Могла и ударить, и толкнуть, чуть что не по ней. Когда она к матери больной в деревню уехала, мы все выдохнули и дружно льеру Зеленову сказали: сами справимся, не нужно нам никого. Но не справлялись, конечно. Работы много. А с тобой вроде бы и легче не стало, а кое-где даже сложнее, но всё успеваем и всё получается.

— Спасибо тебе, — выдохнула я. — Мне так приятна ваша поддержка!

— Оль, ты, когда хозяйкой здесь станешь, нас не забывай только, — усмехнулась Беяна. — И давай, сопли утирай — обед сам себя не сварит.

Я засмеялась, сделав вид, что не заметила про «хозяйку» и принялась за работу: чистить, резать, в кастрюлю закидывать, солить, мешать... В кухне работа никогда не кончается.

После обеда Гродный с дедом меня взяли под руки и потащили в отдел магического учета: тестировать, стало быть. Я уже не сопротивлялась, потому что понимала: если Гродному я еще могу возразить, то с дедом спорить бессмысленно. Он сам кого хочешь переспорит.

Дед пошел первым, а мы с Йозефом остались ждать его в коридоре возле большого окна.

— Ольга, а вы ему про льеру Елену рассказывали? — тихо спросил Гродный. — Нет? И не рассказывайте пока. Я запрос в архив отправил, а потом, наверное, сам в столицу поеду. Меня терзают смутные сомнения... Кстати, вы не знаете, зачем Субарова вообще из леса дернули? Он же там как сыч сидел много лет. А тут вдруг смотрика — бороду подстриг, лапти сбросил. Да и «зеркала», ладно б одно, а так много! Не нравится мне всё это...

— Дед мне не докладывал, но Демьян точно знает, — вспомнила я. — Он ведь деду вызов из столицы и привез.

— Вот как? Спасибо, поговорю с ним. Пойдемте, нас зовут уже.

Помимо деда и неприятного мне Иволгина, в кабинете находились пятеро мужчин и две женщины. Как я ни шурилась, как ни отводила глаза — совершенно обычных.

Иволгин злился. Он, кажется, считал, что я притворяюсь. Пытался на меня орать, но был жестко одернут дедом. Я очень не люблю, когда

на меня орут, особенно заслуженно. Теряюсь, начинаю нервничать, косячить.

— Льеры, ничего, совсем ничего! — взмолилась о пощаде я. — Разве что вокруг того, с усами, как-то не так воздух колышется, но это я могла сама себе придумать!

— Усатый? — оживился Иволгин. — Усатый — это хорошо. Ладно, льера, не будем вас больше мучить. Еще чуть позже посмотрите. Воздействие — такая вещь... оно за час, за два может всё поменять. А пока — посидите в кабинете, почитаете книжечки. Я вам специально попросил подобрать литературу. Егор Матвеевич с вами побудет, ответит на вопросы, если таковые возникнут.

Прекрасно! Меня, очевидно, отсюда живой не выпустят. Радовало уже то, что в кабинете, куда меня привели, не было решеток на окнах. И кресло было вполне удобное, и уборная была прямо по коридору налево.

— Лирра Субарова, чай, бутерброды? — предложил мерзкий Иволгин. — Может быть, морс?

— Спасибо, позже, — рассеянно ответила я, листая книгу.

А интересно, оказывается! Магия, оказывается, бывает нескольких типов: стихийная, ментальная, элементарная и вероятностная. Со стихийной все понятно — управление силами природы, живой и неживой. Сюда входят всякие там воздушники, водники, те, кто леса выращивает и двигает горные породы. Они не то, чтобы меняют что-то в окружающем мире, просто ускоряют и направляют естественные природные процессы. Менталисты — как гипнотизеры, только тоньше и сильнее. Воздействуют на сознание человека. Элементарщики уже меняют суть вещей, их состав и свойства. Воду в вино, к примеру, или дырку затянуть. В том числе, и в человеке. То есть Лиска — элементарщик, и целители — элементарщики. Сюда же входит и построение порталов, и в другие миры тоже, но эта магия пространственных потоков, она крайне сложная и энергозатратная.

Ну и самая редкая, самая странная магия — вероятностная. Особо сильные маги могут ненадолго повернуть вспять время или заглянуть в прошлое. Про эту магию мало что известно, она засекречена, а ее адепты все обязаны служить государству.

— Прикольно, — сообщила я деду, который рядом методично уничтожал съестные запасы отдела. — А некроманты у вас есть?

— Есть один, — нехотя отозвался дед. — Как считаешь, к какому подвиду они относятся?

— Либо элементарщики, либо вероятностная магия, — предположила я. — А скорее всего, и то, и другое.

— Верно. В некроманте все четыре вида магии: ментальная, стихийная, вероятностная и элементарная. Поэтому они такая редкость.

— А у тебя сколько было?

— Тоже четыре, но вероятностная совсем слабая, да и элементарная ниже среднего. Самая сильная была стихийная, ее чуть-чуть и осталось. Оль, а у тебя, выходит, какая?

— Вообще-то никакой.

— А если без ерничанья?

— Тогда ментальная, — вздохнула я. — Интересно, а у льеры Гдлевской какая, получается, — ментальная или вероятностная?

Дед как-то судорожно вздохнул и застыл, а я едва не стукнулась головой об стол. Ну кто меня за язык тянул, мне ведь Гродный запретил!

— Какой льеры Гдлевской? — медленно и скрипуче поинтересовался дед.

— Эээ...

— Ольга!

— Льере Елене Гдлевской, — потеряно прошептала я.

— Льера Елена Гдлевская тридцать лет как скончалась.

— Вообще-то нет, — еще тише пискнула я. — Я у нее домик снимаю. Она живая, только искалеченная.

Осмелилась поднять глаза на деда. Он сидел совершенно неподвижно с каменным лицом. Кажется, даже дышал через раз.

— Позволь уточнить, она живая и живет в Коборе? — хрипло спросил дед.

— Да, в родительском доме. На Скобяной улице. Знаете, такой особняк с синей крышей...

— Нет, не знаю. Я здесь вообще первый раз за последние двадцать лет. До этого жил в лесу, иногда разве что в столице бывал, а

кому надо — сами приезжали, — и будто бы сам себе. — Есть ли здесь зеркало?

— Дед, ты к ней собрался в гости?

— Разумеется. Ольга, я на этой женщине жениться собирался. Мы с ней почти шесть лет вместе были.

— Тридцать лет прошло, — напомнила я, нехотая вспомнив Пушкина и его историю Наины. — Ей, извини, уже за шестьдесят, и она в инвалидном кресле. Она не та танцовщица, которую ты помнишь. Стоит ли ворошить прошлое, которое не вернуть? Только боль себе и ей причинять.

Дед помолчал немного, а потом с деревянным лицом ответил:

— И всё же я должен ее увидеть.

Но с места не сдвинулся, все так же сидел, оцепеневший. Мне стало его жаль — оказывается, и мужчины могут растеряться от неожиданных новостей.

— Егор Матвеич, — осторожно начала я. — Ну вот увидите вы ее... и что дальше?

— Не знаю.

— Вы подумайте, привыкните к этой мысли. Может, и передумаете!

— Ольга, вот за кого ты меня принимаешь? — грохнул дед, отмирая и глядя на меня сверкающими от гнева глазами. — Я узнаю, что моя почти-жена жива, искалечена, наверняка, в скверных финансовых обстоятельствах — и должен про это тут же забыть? Да, я прекрасно осознаю, что прошлого не вернуть, но я любил ее, я должен был позаботиться о ней, и если сейчас я чем-то смогу ей помочь — я сделаю всё, что в моих силах!

— А вы прям считаете, что она захочет, чтобы вы видели ее в столь плачевном состоянии?

— Ах, еще и в плачевном состоянии? — он подскочил, ища взглядом куртку. — Я немедленно должен увидеть!

— Егор Матвеевич!

— А ты сиди тут. Эксперимент продолжается.

— Егор Матвеевич!

— Меня нет, — и дед шустро выскочил из кабинета.

Я принялась нервно грызть ногти. Что же я наделала? Как теперь быть? Может, у Гродного помощи попросить? Выглянула в коридор:

никого. Вернулась назад, уставилась в книгу. Ой, что будет!

Глава 29

Самопознание

Конечно, когда Иволгин заглянул ко мне, я была почти в истерике. Меня знатно потряхивало. Я даже не стала огрызаться на его подначки по поводу моей бездарности, не до этого было. Зашли в его кабинет, и одного взгляда мне хватило:

— У женщины в клетчатом платье какая-то муть в районе груди. У усатого дымка, как у льера Лисовского. У господина в очках что-то за спиной, вроде как тень, но не тень. У дамы в голубом что-то вроде странного свечения. Остальные совершенно обычные.

— Потрясающе! — хлопнул в ладоши Гродный. — Кстати, а Субаров куда делся?

— Я проболталась, — с несчастным видом ответила я. — Он, я так полагаю, у льеры Гдлевской.

— Этого следовало ожидать, — совершенно спокойно пожал плечами пожилой маг. — Я тоже помчался, когда узнал. Ладно, Оленька, не корите себя. Все знают, что женщины не умеют хранить секреты. К тому же как велика вероятность, что он бы и без вас узнал — учитывая, что вы снимаете у нее домик?

— Весьма велика, — буркнул все равно недовольный Иволгин. — Так вы видите у четверых? И у всех разное? Предположения есть какие-то?

— Нет, конечно! Я же не училась! Я только предположить могу про «зеркало» и всё.

— Что ж, запоминайте. С «зеркалом» вы правы, Гродный, снимайте. Вторая стадия, правильно? Семен, мерзнешь?

— Мерзну, — подтвердил незнакомый мне Семен. — Но не сильно. Просто знобит. Не знал бы — подумал бы, что простыл немного.

— Тень — это интересно. Тут у нас агент под ментальным управлением. Значит, тень... Отлично! Свечение — это условно положительное воздействие, причем усиленное отваром Меридиуса. Это, знаете ли, такая приятная штука, которая сопротивление организма негативным эффектам увеличивает. А у льеры Бронной

сейчас активизирована почти идеальная память и повышенное внимание. Удобная штука при обучении, но дает нехилые последствия в виде тяжелейшего похмелья, и потом организм не способен сопротивляться воздействиям. Льера Бронная, библиотека в вашем распоряжении.

Молодая женщина решительно кивнула, подхватила со столика кипу книг и исчезла.

— А с непорядком в области груди, как вы изволили выразиться, самое интересное. Дело в том, что на лире Яблоневой нет никакого воздействия, но есть артефакт, меняющий внешность. И почему-то вы не заметили его в первый раз. Что изменилось в вас за два часа?

— Нервы, — медленно ответила я. — Каждый раз, когда я вижу магическое воздействие, я в тревоге или волнении. Видимо, это усиливает эффект.

— Или наоборот, — заметил Йозеф. — Рассеивает вашу концентрацию. Смотрите, вы даже не пытались что-то искать. Просто глянули, чтобы вас оставили в покое. Значит, ваша задача — это состояние запомнить и научиться чувствовать. Я совершенно уверен, что здесь не в переживаниях дело.

— Итак, лирра Субарова, завтра снова вас жду, Йозеф, проследите, пожалуйста. Посмотрим, что изменится, и да, я подготовлю индивидуальный контракт.

Я поморщилась. Сотрудничать с этим неприятным человеком мне не хотелось, вообще никуда лезть не хотелось, но, кажется, мне кто-то говорил про деньги?

— Я дико извиняюсь, а оплачиваться моя служба на благо вашей родины будет? — набралась наглости я.

— Как-как вы извиняетесь? — не понял Иволгин. — Будет оплачиваться по стандартной ставке. Десять златников в месяц. Разумеется, это если вы полностью задействованы. Иначе пересчет будет. Пропорционально.

Однако с каждым днем меня ценят всё больше и больше! Маги (или не маги, но не суть важно) получают в десять раз больше, чем кухарка в Коборе! Маги могут снимать хоть десять садовых домиков! Не то, чтобы я была меркантильна... Хотя нет, была, пожалуй. Может, и в самом деле удастся свою кондитерскую лавку открыть?

Вернулась в дом Лисовского задумчивая. Не давало покоя, конечно, поведение деда. Как бы он глупостей не натворил! Как бы льера Елена ему не наговорила всякого, она, конечно, когда нужно, образец женственности и смирения, но давайте честно: в ее ситуации небольшая истерика вполне объяснима. Большая, впрочем, тоже.

И во всей этой ситуации снова виновата я. Попала в этот сонный городок, мучу тут воду, свожу давно расставшиеся пары, спасаю приговоренных к смерти, словом — моя инородность приносит какие-то сомнительные плоды.

И надо же было, чтобы Александр именно сейчас, когда я в таком взвинченном состоянии, вся недовольная собой и окружающим миром, заявился напомнить, что мне нужен плащ! Каюсь, меня понесло:

— Льер Лисовский, — отчеканила я, глядя в его спокойное лицо. — Попрошу не забываться. В этом доме наши отношения ограничены моим трудовым договором. Вы — хозяин, я — кухарка. А все, что личное — это в нерабочее время. Сейчас я готова обсудить с вами меню, не более.

— Уволю ведь, Оль, — с кривой усмешкой ответил он, отступая на шаг и оглядывая меня с ног до головы. — И останется только личное.

— Увольняйте, — еще больше разозлилась я. — Я к лирру Рудному кухаркой пойду, он звал. В столичный дом.

— Ой, дура, — вздохнул Лисовский. — Что, в отделе контроля опять была, да? Хорошо, поговорим позже.

Он ушел, а мне немедленно сделалось стыдно за свое поведение. Мне же не двадцать лет, пора бы научиться держать себя в руках и не срывать на других свое дурное настроение!

А день, как обычно, пролетел незаметно. Дамы мои и заглядывавшие на «естьчопожрать» маги, конечно, говорили мне идти домой, потому что после Отдела магучета я выглядела как-то не очень, но я отмахнулась. Одной мне никак нельзя, я ведь думать начну, а думать в некоторых случаях вредно и даже опасно, особенно женщине. Мы ведь мысленно не только замуж выйти за незнакомца можем и придумать имена нашим троим детям, но еще и заподозрить мужа в измене, найти внутри своей головы все доказательства, развестись и поделить имущество. Вот я и чувствовала: с учетом новых сведений я Александра готова просто монстром представлять, а может — жертвой

обстоятельств, я еще не решила. Одно знала точно — тот Лисовский, которого я знаю, абсолютно точно отличается от настоящего «Королевского палача».

В кухню заглянула Софья, многозначительно посмотрела на меня, потом на Лиску и попросила пройти с ней в гостиную. Я, удивленная ее визитом (в кухне она была лишь однажды — при нашем знакомстве), послушалась.

На диване — о, этого следовало ожидать — лежал ворох самых разных плащей: бархатных, суконных, с меховой оторочкой. Серый, рыжий, голубой, густо-алый, черный как ночь.

— Алисия, мне сказали, что ты маг, — не дала мне и слова сказать Софья. — Погляди, тут починить надо. На сером дырка на поле. Красный мой любимый, но тут жирное пятно сбоку, сможешь убрать? Не смотрите, Ольга, красный вам не предлагаю. И голубой тоже, здесь подкладка вся протертая, но он сидит отлично и карманы удобные. А остальное меряйте, я все равно носить не буду. Выкину, пусть нищие носят.

— Не надо выкидывать, льера! — тут же вскинулась Лиска. — Можно, я для мамы возьму?

— Нужно.

Я насмешливо поглядела на Софью и покачала головой. Она покраснела.

— Отец советовался со мной, — пояснила она. — Хотел без вас в лавке купить, но вы же гордая, вы не возьмете. Поэтому засуньте свою гордость сами знаете куда и выберите себе плащ. И не забывайте, что вы тут кухарка, а не королева Руана.

Говорить обидные вещи совершенно необходимо — это, конечно, талант. Выражение лица у Софьи было такое знакомое... строго-насмешливое, что я догадалась, кого она копирует — меня, разумеется. Мне сделалось смешно, а Лиска поколдовала над серым бархатным плащом, встряхнула его и кинула мне в руки. Эти малолетние мерзавки даже не уговаривали, они просто едва ли не силой заставили меня продеть руки в рукава, накинули на голову капюшон и заявили:

— Этот!

— Спасибо, — улыбнулась я, глядя нежную, чуть колючую ткань. — Я с радостью буду его носить.

Девыцы переглянулись с торжествующими улыбкамы — спелись, не иначе.

Два плаща Лиска поволокла к себе в каморку, которую она делила с Марикой, а Софья вдруг сказала совершенно невероятную, практически скабрзную вещь:

— Учти, Оля, когда отец сделает тебе предложение, я мамой называть тебя не буду. Для моей мамочки ты слишком молода.

Я ахнула, прижала ладони к вспыхнувшим щекам, заморгала глазами. Только и смогла выдать из себя:

— Ну, это вряд ли.

— Ничего не вряд ли, — добила безжалостная Софья. — Он у меня мужчина порядочный. К тому же сам ко мне пришел и рассказал, что у вас отношения. Сказал, что лучше я от него это узнаю, потому всё серьезно.

— Так и сказал? — обалдело переспросила я. — Что всё серьезно?

— Так и сказал.

Я покачала головой и неожиданно для себя улыбнулась. Внутри вспыхнула радость. У нас с Александром всё серьезно!

Глава 30

Дом разврата

Мне непременно нужно поговорить с Александром. Посоветоваться. Наверное, извиниться. Зря я ему так грубо ответила днем. Во всяком случае, внутри беспокойно, гадко. Словно съела что-то несвежее, и вот-вот стошнит. Я почти уверена, что он всё понял правильно, но все равно... жру себя поедом. Лет двадцать назад я бы спокойно пережила муки совести, но сейчас уже знаю: надо разговаривать. Вовремя сказанные слова способны многое изменить. Не всегда в лучшую сторону — но всегда в правильную.

Поэтому я сейчас тихо крадусь по сонному дому в спальню хозяина, прекрасно понимая, о чем подумают люди, если меня увидит. И о чем подумает Алекс, когда меня увидит. Последнее, впрочем, меня совсем не тревожит. Я и не против. Так даже лучше будет, он меня обязательно выслушает.

В гостиной мелькает свет. Я замираю, сердце колотится о грудную клетку с такой силой, что почти больно. Сейчас меня застукают, и позору не оберешься. Ах, зачем я это делаю — мне сама судьба подсказывает, что не нужно никуда идти! Что, Ольга, до утра не потерпела? Уж признайся себе, что не только за разговорами крадешься, словно вор!

Жаркий невнятный шепот, шелест одежды... Совершенно недвусмысленный жалобный женский стон, тяжелое мужское дыхание. Кровь бросилась мне в голову, ревность затмила глаза. С кем это он там? Марика? Кто-то из горничных? А может, Софья секретарша, которая на него бросает томные взгляды?

Прокралась, заглянула в щель и тут же отпрянула, едва не засмеявшись. На диване в тесных объятиях сплелись два тела, и если первое я без труда узнала по двум змеящимся по обнаженной спине черным косам, то второе опознала лишь тогда, когда оно, в смысле, тело, чертыхнулось и сильными руками сняло Софью с себя, шепнув:

— В спальню. Отец твой застучает — головы оторвет обоим.

Господин Ян Рудый.

Я меланхолично подумала, что голову льер Лисовский оторвет вряд ли, скорее уж коварный любовник лишится совсем другой части тела. Софья мотнула головой, повисла у Рудова (который, к слову сказать, был чуть более одет, чем она) на шею и прильнула к его губам. Сразу было ясно, кто инициатор этого разврата. Он, впрочем, принимал не менее деятельное участие: подхватил ее на руки и поволок в спальню.

Выждав немного — не выскочит ли, теряя штаны — я открыла дверь, собрала валяющуюся на полу одежду и унесла мужской камзол и шейный платок в комнату гостя, а Софьино платье и туфли — к себе вниз. Лампу масляную погасила. Подушки на диване поправила. Не нужно, чтобы болтали. Софья — девочка умная, знает, что делает. Наверное. В любом случае, уже поздно, всё свершилось.

Спускаюсь вниз, ложусь, тихо глядя в пустоту. Никакого голоса совести я уже не слышу, остается только иррациональный страх за девочку Александра. А что, если Ферзь окажется подлецом? Что, если Софья забеременеет, а он ее бросит? Что, если будет, как со мной? Но нет, Ферзь — не Машкин отец, а Софья не малолетняя дурочка. Да и льер Лисовский не спустит, если Ян так поступит. Хватит переносить свои проблемы на других, Оль. Угомонись, ты не мать Тереза.

И все же рано утром я не выдержала, подскочила с рассветом, натянула платье и побежала наверх. Все еще спали, даже горничные. Стукнула пару раз в двери Софьи, покачала головой, услышав сдавленные мужские ругательства и шум.

— Кто там? — испуганно пискнула девушка. — Почему так рано?

— Потому что сейчас ваша камеристка придет вас будить, — громким шепотом предупредила я. — Льер Рудый, вашу одежду я отнесла в вашу комнату.

— Ольга, вы красотка, — Ян приоткрыл дверь, воровато огляделся и полуголый, в одних криво сидящих штанах и с сапогами в руках побежал по коридору в свою комнату, не забыв послать мне воздушный поцелуй. Вот же ловелас!

Романтика, чтоб ее!

— Льера, можно? — я осторожно заглянула в спальню.

Софья сидела на постели, укрывшись простыней — надутая и взъерошенная.

— Ваши вещи я унесла к себе, — сообщила я. — Принесу, когда случай представится. Не волнуйтесь, я никому ничего не скажу.

— Заходи, — скомандовала девица. — Ты как узнала?

Я задумалась. А как я узнала?

— Увидела свет в гостиной. Услышала шум, — неопределенно взмахнула рукой я.

— Ясно, — Софья посмотрела на меня с вызовом. — Осуждаешь?

— Нет. С чего бы? Ты совершеннолетняя, он тоже. Главное, чтобы последствий не было, а то льеру Александру не понравится.

Губы у Софьи скривились и задрожали, она стиснула пальцами простыню и зачем-то призналась:

— Я его много лет люблю. Правда. Я не какая-то там гулящая девка.

— Софи, так я тебя не осуждаю. Только... он мужчина. Он и без любви может.

— Знаю, — горестно ответила она. — Но все равно... с ним всё по-другому. Посиди со мной, Оль.

Я улыбнулась, присела рядом на кровать, а льера, захлебываясь словами, принялась рассказывать:

— Я его как впервые увидела, так сразу поняла, что это судьба. Мне никто кроме него не нужен. А он не замечал меня даже, я ему ребенком казалась. Потом, однажды, на маскараде в столице... мы танцевали. Он меня не узнал. Целовались на балконе. Я позволила... всё позволила и не пожалела. А он даже не понял, что стал у меня первым. И вчера я его соблазнила, ты не подумай, он не силой меня взял.

— Он как-то не выказал особого сопротивления, — улыбнулась я, осторожно погладив девушку по плечу, а она вдруг вцепилась в меня и прижалась, как котенок. — Сонечка, зайка, всё хорошо будет. Не жалеи ни о чем, не ругай себя, сделанного не вернуть. просто живи дальше. И не бегай за козлами, будь выше этого. Ты красивая, сильная...

— Да где хоть красивая-то? — всхлипнула Софья. — Страшная я! Дылда!

— А Яну нравятся высокие. Он малышек терпеть не может.

— Откуда знаешь?

— Да он говорил как-то... И нет, не думай, я ему неинтересна, он слишком юн для меня. Сонечка, ты очень красивая, яркая девушка. Да,

сейчас в моде миниатюрные дурочки, но настоящая красота не в росте и даже не в цвете волос. Таким, как Ян, нравятся умные, уверенные в себе, дерзкие. Всё это в тебе есть. Прекрати пускать по нему слюни и сделай вид, что ничего не было, и тогда он сам прибежит. Хотя... чему это я тебя учу? Твой отец за такие советы голову бы мне оторвал!

— Не уверена, — слабо улыбнулась Софья, выбираясь из моих объятий. — Он тебя очень уважает, мне кажется. А может, всё-таки будешь моей мамочкой, Оль?

— Зайка моя, я влюблена в твоего отца, — пожала плечами я. — Но сама понимаешь — я кухарка, а он льер.

— Сегодня ты кухарка, а завтра — владелица ресторана, — Софья с сожалением покрутила в руках очаровательный корсаж с вышивкой. — Эх, Ян порвал, как жалко!

— Лиска починить может, — сообщила я, понимая, что подарок отца Софья очень удачно использовала.

— Точно же! Пришлешь ее ко мне? Оль, а про ресторан я серьезно! Я все посчитала. Деньги у меня есть. А ты умеешь готовить и сможешь всё организовать. Я возьму тебя в совладелицы, прибыль пополам. Только не сердись, как в прошлый раз.

— Я не хочу ресторан, — вздохнула я. — Слишком сложно для меня. Хочу кондитерскую лавку. Торты на заказ печь, конфеты разные. Зефир бы попробовать. И шоколад можно варить.

— Да, это поменьше масштаб, — кивнула Софья, одеваясь. — Знаешь, по планам к зданию театра хотели пристройку делать. Как раз для того, чтобы там ресторан открыть. Но ресторан — это слишком пафосно, к тому же рядом — через два дома — «Золотая роза». Кофейня, пожалуй, интереснее. Чтобы можно было в антракте пирожное купить или потом посидеть, обсудить спектакль.

Я щелкнула пальцами.

— И цветочный магазин нужно рядом! С букетами всякими разными! Ох ты ж, я знаю человека, кто умеет творить красоту!

Софья посмотрела на меня, приоткрыв рот.

— Я сегодня же в градоуправление схожу, узнаю про планы. Если получится — выкуплю сразу часть здания. Что для кондитерской нужно?

Я задумалась. Почесала нос. Вспомнила, как организовывала свою кухню-мастерскую когда-то.

— Помещение нужно с водопроводом. И кладовая. И ледник там для фруктов, молочки всякой. Плита хорошая дровяная, а лучше две. Стол большой. Ну зал, конечно, где столики поставить. И комнату отдыха.

— А это зачем? — вытаращила глаза Софья.

— Чтобы кондитер мог чаю спокойно выпить и отдохнуть от суеты. Все мы люди, имеем право на всякие приятности.

— Оль, — нерешительно вдруг протянула только что пылавшая энтузиазмом Софья. — Ты считаешь, что все люди равны? Ну, изначально?

— Нет, — подумав, ответила я. — У всех разные дары. Кто-то маг, кто-то танцовщица. В каждом заложено что-то свое. Кто-то умеет задачи разные решать, а кто-то быстро бегают.

— Я про возможности! Разве справедливо это — что одни в нищете живут, а другие в золоте купаются? Сама подумай, та же Лиска: будь она льерой — сколько дорог бы для нее открылось! А сейчас она посудомойка. И она маг, ей еще повезло. А если дара нет — то что же, живи в нищете, умирай в нищете?

— Да что-то я особой нищеты в Коборе не заметила, — осторожно возразила я. — Все кажутся своей жизнью довольными. Ну пара совсем уж маргиналов на рынке попадают, так они и не работают, пьют.

— А семья Лиски?

— Так зелья есть, — вздохнула я. — Можно ведь было не рожать одиннадцать душ. В конце концов, просто не... ну, с супружеским долгом завязать. Не от ветра же они рождаются, в самом деле? Я думаю, двоих-троих подняли бы. Ну а вообще ты, конечно, права, нужна какая-то помощь таким людям, особенно детям. Они-то ни в чем не виноваты. Вот в Рос... в Руане пособия всякие для малоимущих есть, школы бесплатные, благотворительные мероприятия. Часто богатые люди помогают тем, кто оказался в сложной ситуации. Деньги ведь на тот свет не унесешь...

— То есть, ты считаешь, что нужно что-то менять?

— Нужно всегда начинать с себя, — тихо сказала я. — Нужно спросить «а что я могу сделать, чтобы кому-то помочь?»

— Но король...

— Господи, при чем здесь король? Ты реально считаешь, что ему есть дело до Лиски из Кобора? У него внешняя политика, у него свои дела. Посмотри, какой у нас мэр: он организовал помощь беднякам, дрова бесплатно дает, еще что-то. Если бы все такие были, то не было бы таких проблем. А король... Ну, если хочешь — возьми, напиши свои предложения, составь проект благотворительной организации и попытайся что-то сделать! Хочешь, вместе подумаем? Ту же школу открыть для бедняков. Умение читать и писать лишним не будет. Или вот горячие обеды, я с самого начала предлагала нищих кормить. У нас ведь много лишнего остается, от миски супа льер Лисовский не обеднеет. Только здесь и правду совсем уж бедняков нет. Даже у Лискиных родителей есть еда. С одеждой, правда, сложнее. Но если собрать всё, что годами в ваших сундуках пылится — что-то можно перешить, что-то починить, какая помощь будет!

— Но зачем нужно государство, которое не может обеспечить своим подданным достойную жизнь?

— А какая у тебя альтернатива? — удивилась я. — Революция? Свергнуть царя, изменить общественный строй? Выпустить преступников из тюрем, дать власть обиженным и озлобленным? Знаешь, что будет? Для начала убьют тех, кто богат, умен или чем-то не нравится новой власти. Потом растащат их имущество и поделят между собой. Потом начнут менять законы. Как ты считаешь, что с этого поймет Лиска? Что изменится в ее жизни? А только то, что она потеряет работу, потому что льер Лисовский будет казнен. Нет, я против кровопролитного мятежа. Нужно сначала сделать всё, чтобы помочь людям по-хорошему. Вот, кажется, мне предстоит познакомиться с королем, возможно, стать ему полезной. Если ты знаешь, какие самые грустные места есть в столице — давай попробуем с чего-то начать, попросить у короля содействия.

Говорила я, наверное, убедительно, да только сама себе не верила. В России, конечно, был период свободы, равенства и братства, но до этого было много лет тотальной нищеты, красного террора и концлагерей. Хотела бы я жить в то время? Упаси Боже. Уж лучше перестройка и махровый капитализм, чем анархия и расстрелы. Везде, где у одного человека есть право безнаказанно забрать жизнь другого человека — порядка быть не может.

А в Орассе, как я уже узнала, довольно строгие законы. Воровство, убийства, насилие караются. Причем в том же Коборе расследованием преступлений занимаются по большей части маги, и оттого «мертвых» дел почти не бывает, преступников находят быстро. А когда знаешь, что тебя точно найдут и отправят на рудники или в тюрьму — сто раз подумаешь, прежде чем закон нарушить.

Это я, как могла, попыталась объяснить юной революционерке, и, кажется, мне удалось заставить ее задуматься.

— Может, ты и права... — тихо сказала она. — Скорее всего, я дура. И как мне с этим теперь жить?

— Сонечка, всё в твоих руках, — рассеянно отвечала я, думая уже о другом. — Возможно, тебе стоит посоветоваться с отцом?

— С отцом? — как-то испуганно пискнула девушка. — Точно! Я поговорю с ним. Потому что это совершенно невыносимо!

Я пропустила ее слова мимо ушей, потому что с кухни явно тянуло чем-то паленым. А зря.

Глава 31

Входы и выходы

В кухне горела промасленная тряпка, и едва не плакала Лиска, которая эту самую тряпку слишком близко к огню положила, а сама выбежала «на минутку» за водой во двор. Во дворе совершенно случайно прогуливался Никитка, с которым Лиска заболталась, Эту парочку увидел Демьян и тут же начал пререкаться со своим приятелем из окна второго этажа, Лиска заслушалась... В результате кухню знатно задымило, к счастью, никакого ущерба больше не возникло, а если что и было — Лиска успела следы скрыть, она умела.

Я не ругалась. Отправила ее за хлебом — она умчалась вприпрыжку, а оба юных мага, как я успела заметить, решили ее сопровождать. А ведь и правда, Никитка тоже одаренный, хоть и ему и не больше четырнадцати, и уж он-то ни в какую Софью не влюблен. Ой, чую, девочка моя немало крови Демьяну попортит лет этак через шесть. Ну и ладно, меньше зазнаваться будет.

Открыла окна нараспашку, впуская свежий весенний воздух, разогнала, как сумела дым и принялась за сервировку завтрака. День длинный, маги любят покушать, хотя, конечно, без толпы Софьиных друзей жить стало гораздо легче. Зевая, появилась Марика в криво сидящем чепце, принялась перебирать овощи к обеду, да яйца для омлета помыла с мылом: я заставляла. Потому что про всякие там сальмонеллезы знала не понаслышке. Был в моей прошлой жизни конфликт с санэпидстанцией, ну, не лично у меня, а в забегаловке, где я работала. Но — яйца мыть и точка. Словом, всё, как всегда. И никому нет дела о том, что происходит в этом доме по ночам. Не пойман — не вор, как говорится.

Если, конечно, этот вор сам не явится с повинной.

* * *

Я впервые видела Александра настолько подавленным. Нет, это даже хуже «зеркала» — он прямо лицом почернел, осунулся, постарел

на глазах. Пришел в кухню среди бела дня — никогда ведь не приходил! — сурово посмотрел на поварих и мотнул головой. Они мгновенно побросали свои дела и испарились. Я только и успела, что глазами хлопнуть. Вот это скорость, на рынке бы так бегали!

— Что-то случилось? — осторожно спросила я, даже вначале подумав про новое заклятье.

— Случилось, — он устало опустил на стул и уронил голову на руки. — Дочь моя случилась... единственная. Драгоценная.

— Саш, ну не конец света. Думаю, что Ян поступит как благородный человек...

— Что? — Лисовский поднял голову и посмотрел на меня с изумлением. — Ян? Не думаю. Ему по службе не положено.

— Что не положено? — не поняла я. — Жениться?

— Ты сейчас о чем, Оль? — осторожно спросил Лисовский. — Почему Ян должен жениться?

— Ни о чем, — быстро ответила я, понимая, что только что сдала Софью. — Глупость сказала, прости.

— Ольга Дмитриевна! — Александр повысил голос, выпрямившись и гневно уставившись на меня. — Уж не хочешь ли ты сказать, что Ферзь соблазнил Софью?

— Нет, — помотала головой я. — Боюсь, что это Софья была... инициатором.

— Софья. И Рудый. В моем доме?

— Формально это и ее дом тоже.

— Да мне плевать, — заревел он. — Этот гад! Мою дочку! Твою мать, только этого еще не хватало!

— Если ты не знал, то почему на тебе лица не было? — спросила я, не понимая.

— Ах, это... М-да, жениться ему явно не придется. Видишь ли, это Софья наложила «зеркало».

Настала моя очередь без сил опуститься на стул и вытаращить глаза. Рука сама скользнула к горлу, расстегивая пуговичку на воротнике.

— Как Софья? — хрипло прошептала я. — На родного отца? Как посмела?

— На приемного, но это роли не играет. Вот так и посмела. Революционерка хренова. Пришла ко мне, призналась. Говорит,

больше не может врать. Она в каком-то там братстве справедливости состоит. Говорит, всё осознала и готова понести наказание по всей строгости закона.

— И какое это наказание? — убито спросила я.

— За покушение на чиновника такого уровня, да еще с ее даром — обнуление личности.

— А если по-другому вопрос поставить? Ну, ради наследства... или вообще по ошибке?

— Оль, их всех возьмут. Всю их компанию глупую. Поверь, у этих идиотов и списки есть, и сдадут ее сразу же. Всех под обнуление пустят. Заговор его величество не простит. И это если маги, а простых — на каторгу. Софья мне всё рассказала, там не один я. Под «зеркало» планировались все двенадцать советников. А самое главное, они покушение на короля готовили.

— Ну и прекрасно, — кивнула я. — Так и рассказывать будешь всем: Софью внедрили в подпольную организацию. Не революционерка, а тайный агент.

Лисовский странно на меня посмотрел и вдруг ухмыльнулся:

— И эту женщину Иволгин отпустил, сочтя неопасной для Орассы? Оль, ты понимаешь, что предлагаешь?

— Саш, Софью надо спасать. Она искренне раскаялась. Каждый человек имеет право на ошибку.

— Оль, она государственная преступница!

— Она ребенок, который к тому же вырос без матери, — запальчиво ответила я. — Да и отец у нее не слишком внимательный. Мало любви ей давал, вот она и подружилась с теми, кто ее слушал и слышал! Она хорошая девочка, добрая, отзывчивая. Просто не с теми людьми связалась.

— Оля, она эгоистичная, ленивая, наглая...

— Она твоя дочь!

— Да не дочь! Племянница. Сестра моя... в общем, от любовника знатного понесла. Ну, чтобы скрыть от людей мы ее в поместье увезли. Софью я к себе забрал, мне всё равно наследник нужен. К тому же жениться я больше не собирался.

— А она знает?

— Нет, конечно. Я ее как родную дочь люблю.

— Насколько сильно любишь?

— Настолько, что Ферзя за яйца возьму и заставлю жениться. Раз уж всё так удачно вышло. И побыстрее ребенка ей заделать, потому что беременную женщину никто допрашивать не будет с магией, это просто запрещено. К тому же Ферзю придется свою жену защищать, иначе вся его карьера полетит к чертям.

От зловещей улыбка Александра я заерзала на стуле. Не позавидуешь Ферзю. И Софье тоже.

— Не смотри на меня так, — мягко попросил он. — Я не зверь. Я бы ее до последнего выгораживал, лгал бы, умолял, подкупал... не знаю... в твой мир бы отправил! Но вот так даже лучше. У нас будут ее показания, останется только найти по описанию этих «братцев». А Софья тем временем поживет в деревне, в глуши.

Что-то царапнуло меня в его словах, я широко раскрыла глаза, прокручивая его фразу... открыла рот, снова закрыла, хватая воздух, как рыба.

— Оль, ну я же менталист, — как-то устало посмотрел на меня Александр. — К тому же привычка у меня есть с прежних времен на всяких важных личностей досье собирать. Разумеется, Иволгин сопротивлялся, но я ему некоторые записи показал, и он тебя с потрохами сдал. И пообещал больше не пугать. Ведь не пугал?

— Погоди, — скрипуче уточнила я. — Ты знал, что я из другого мира?

— Когда мы с тобой на кухне целовались — нет. И когда я пытался тебя умными беседами завлечь — тоже нет. И даже в первую ночь не знал. Поэтому прекрати себе надумывать, как вы, женщины, это любите. Я ухлестывал за своей кухаркой, не за кем-то там загадочным. Ясно?

— Ясно, — недовольно надула губы я, не в силах даже придумать, за что теперь на него обижаться.

Ну правда, он начал осаду тогда, когда понятия не имел, кто я. И потом его отношение не поменялось, за что я ему искренне благодарна.

Он протянул руки, усадил меня к себе на колени, а я, оглушенная новостями, даже не сопротивлялась. Просто прильнула к нему, обвила руками его шею и на пару минут позволила себе и ему расслабиться, целуясь ласково и нежно. Кажется, эта крошечная близость была нужна нам обоим. Потом, конечно, вскочила, засуетилась, хотела даже кричать и махнуть на него тряпкой: чего выдумал, охальник, на кухне

мне пуговицы на платье расстегивать — а он крепко стиснул меня в объятиях, жадно поцеловал (совсем не так, как раньше) и сбежал, оставив меня растерянную, с глупой улыбкой и колотящимся сердцем.

Поварихи, опасливо на меня косясь, вернулись в кухню. Молча продолжили свою работу, не задавая вопросов. Я была им за это искренне благодарна.

Но это спокойствие продлилось недолго, спустя какое-то время с «белой» части дома раздались крики. Голос льера Лисовского мы узнали сразу. Ян Рудый отвечал ему не менее эмоционально.

— Что там происходит? — дрожащим голосом спросила Беяна, когда в гостиной загрохотало так, будто кто-то перевернул диван.

— Обсуждают свадьбу, — со вздохом пояснила я, понимая, что скрывать что-то бессмысленно, все равно к вечеру все знать будут.

— Вашу? — ахнула Марика, прижимая к груди полотенце.

— Нет, что ты. Софьи и лирра Рудного.

Глава 32

Громкая тишина

В доме Лисовских тихо и грозно. Не болтают горничные, не хлопают двери. Прислуга, кажется, левитирует, потому что даже половицы не скрипят. Даже на кухне поварихи шарахаются и разговаривают исключительно шепотом. К счастью, о главном не знают, только обсуждают «какой позор, какой кошмар, а чего еще можно было ожидать от этой избалованной девицы?»

Мне обидно за Софью, но приходится держать язык за зубами. Очень хочется рявкнуть на всех этих сорок, что они прекрасно судят других — а за собой грешков не замечают. На кухне подобных разговоров при мне не ведется, там Марика с Беляной знают мой характер. К тому же я сама в том же положении, даром, что вдова, а не девица.

Какое лицемерие! Когда льер Лисовский недвусмысленно дал все понять, что у нас с ним отношения — все мне завидовали. А когда стало известно о связи Софьи и Яна, прислуга принялась ее осуждать. Чем она хуже меня? Тем, что знатного происхождения? Тем, что замужем не была? Не понимаю.

Лирра Рябина, сжав губы в куриную жопку, надменно заявляла, что в ее молодости такого разврата не было. Ну конечно! В ее время носили пояса верности, видимо. Я не утерпела, вмешалась в ее разговор с дворецким, заметив, что любовь — сложная штука.

— Да какая там любовь, — фыркнула экономка. — Уж с его-то стороны был голый расчет! Все же льера, с приданым, из прекрасной семьи! Сам-то он сирота безродный.

— Лирр Рудый — сильный маг и перспективный молодой человек, — напомнила я. — Как я слышала, его прочат во главу Совета Магов. Ему совершенно неважно, кто у него будет жена.

— Но он наверняка хотел бы скромную и нежную девушку, а не нашу... кавалеристку, — буркнул дворецкий, который явно был на стороне мага. — Попомните мое слово — они друг друга поубивают в первый же месяц, а потом разбегутся.

Я вздохнула: это было правдой. Софья, конечно, Яна любила, только для нее любовь — это бабочки в животе и поцелуи под луной, а брак — это совсем другое. Я, правда, замужем ни разу не была, но догадывалась, что отношения — это труд, причем с обеих сторон. А ни Софья, ни, тем более, Ян, никаких усилий прилагать не желали, потому что брак был, мягко говоря, вынужденным. Но ни тот, ни другой, в то же время, против этого фарса не возражал. Для Яны, действительно, льера Лисовская была прекрасной партией. Да и пару они составляли очень красивую.

День свадьбы был очень скромным. Софья с отцом и женихом в обычных своих нарядах сели в карету и уехали. Александр звал и меня, но я отговорила тортом. Сказала, что кто-то должен заниматься свадебным обедом. А мы уж на кухне расстарались: и традиционный для этих мест суп сварили, и салатов всяких, и утку запекли, и торт, конечно. Не сложный, медовик обычный. Уж чего-чего, а мед тут — совсем не дефицитный продукт. Лирра Рябина украсила столовую цветами, постелила на стол белоснежную скатерть, достала лучшую посуду.

Чтобы было празднично.

Только молодожены приехали злые друг на друга, красные. У Софьи подозрительно блестели глаза, Лисовский мрачно сжимал челюсти. На мое приглашение к столу промолчали. Вот оно — воспитание! Каждому, кажется, хотелось заорать, топнуть ногой и спрятаться в своей комнате, но правила приличия не позволяли им так поступить, поэтому Софья скинула плащ на руки отцу и пошла в свою комнату переодеваться. Рудый прошел в столовую в чем был (ну правильно, ему не нужно было избавляться от шерстяных чулок) и сразу же налил себе коньяка в бокал.

Из гостей был лишь Йозеф Грозный, он-то и взялся сглаживать острые углы: мурлыча, словно кот, что-то рассказывал Ферзю, в чем-то мягко убеждал Лисовского, шутил за столом с новобрачной. Я подливала Софье шампанского, заменяла посуду и салфетки, приносила новые блюда. Разумеется, ели не то, чтобы много. Маги, конечно, прожорливы, особенно Демьян с Никитой. Они всегда голодны. Лисовский же ел мало, больше молчал, а под конец извинился и вышел из-за стола. Вслед за ним упорхнула и Софья. Остальные присутствующие старательно надирались.

Под конец вечера Демьян и Ян Рудый сцепились не на шутку, судя по их высказываниям — из-за Софьи. Льер Гродный с Никитой едва их растащили. Словом, свадьба удалась.

Мы с Лиской и Марикой убрали остатки еды на ледник и разошлись. Они — в свою каморку, а я домой. Александр догнал меня на половине пути, подхватил под локоть, молча пошел рядом. Я на миг прижалась щекой к его плечу. Мне было приятно, что он ищет моего утешения. Ему было нехорошо — все же Софью он любил как дочь. Но сложившаяся ситуация была наилучшим выходом для всех — особенно для нашей революционерки. Он на нее очень злился, но не мог её предать, пусть даже она предала его. Всё это он мне сказал в постели, старательно убеждая себя, что он всё сделал правильно, а я, как могла, успокаивала и отвлекала его. Пожалуй, мне неплохо это удалось, потому что наутро мы снова проспали.

Утром же он поднял вопрос, который мне совсем поднимать не хотелось.

— Ольга, в столице... было бы лучше, если бы у тебя было имя, защищающее от сплетен и всяких происков.

— Вы считаете, что имя льеры Субаровой недостаточно меня защитит? — я вдруг поняла, что он имеет в виду, и мне это совершенно не нравилось.

— Абсолютно точно не достаточно, — Лисовский был предельно серьезен. — К тому же ты лирра. У тебя ни знатного происхождения, ни весомого магического дара. И Субаров... он давно не имеет никакого веса в обществе.

— Ваши предложения? — разговор принимал сюрреалистический оттенок.

— Выходи за меня замуж.

Я этого ожидала; нет, не то, чтобы ожидала — просто с самого начала понимала, к чему всё шло. И мне было обидно. Все же куда приятнее, когда тебе делают предложение, исходя из каких-то чувств, чем вот так — по необходимости.

— Льер Лисовский...

— Прекращай, — довольно грубо оборвал меня он. — Послушай. Ты мне нравишься. У нас отношения. Я — человек порядочный и в любом случае, когда с тобой спал, рассматривал этот вариант. Скорее всего, я бы всё равно сделал тебе предложение чуть позже. Но сейчас

это действительно хороший способ безболезненно ввести тебя в общество. Поедем вместе, ты будешь под моей защитой. Ну и финансово: платья, обувь, драгоценности. Оль, мы не дети, нужно подумать обо всем.

Я стояла ни жива ни мертва, закручивая пальцами передник, который только что надела поверх форменного платья. В груди теснилась обида. Он всё говорил красиво и правильно, но я не хотела, не хотела вот так! Возможно, если бы наши отношения длились чуть дольше, я бы и согласилась: в конце концов, я бы хотела родить ребенка, я вполне могу еще это сделать, но холодный расчет никогда не был моим коньком. Я прекрасно могу расписать бизнес-план своей кондитерской мастерской, но личную жизнь строить вот так...

— Александр, — я тяжело посмотрела на него и качнула головой. — Вы мне очень нравитесь. И поэтому...

— Молчи, Оль, — он посмотрел на меня с гневом и обидой. — Скажи, что подумаешь.

— Я подумаю. Саш, ну правда... Зачем тебе жена?

— Чтобы ее любить, — почти спокойно ответил он. — Чтобы защищать. Чтобы иметь возможность прикоснуться к ней в любое время, а не тогда, когда она решит, что уже не моя кухарка.

— Я подумаю, — повторила я, испытывая острое желание согласиться.

— Подумай. Но в столицу я поеду вместе с тобой. Ты ничего не знаешь, тебе может потребоваться помощь. И пожалуйста, пока Софья не уехала, сходи с ней по магазинам. Купи приличную обувь и одежду.

Я кивнула, нервно вытирая влажные ладони о передник. Поездка в столицу пугала меня всё больше, тем более — в качестве эксперта от отдела магического контроля. Лучше бы я и дальше оставалась в рядах прислуги, это, пожалуй, дало бы мне куда больше свободы.

Одежду и в самом деле придется покупать. Мне очень не хотелось этим заниматься. Да и Софью дергать было жалко, она и так была совершенно не в себе: бледная, заплаканная, с ввалившимися глазами. Я могла ее понять: замужество таким способом — не то, о чем мечтает юная девушка. Ни платья, ни праздника, ни гостей. К тому же нужно паковать вещи и удаляться на лето в загородное поместье Лисовских, которое теперь отходило в качестве приданного льеру Рудому — своего-то дома в такой глухомани у него не было. Софья нашлась в

своей спальне, из которой она в последнее время почти не выходила. Разумеется, с вороньим гнездом на голове, опухшими глазами и красным носом.

— Лирра Рудая, выглядите отвратительно, — сообщила ей я.

— Чувствую себя так же, — буркнула девушка. — Оля, я тварь последняя. Понимаешь, я не хотела!

— Но «зеркало» наложила, — мрачно напомнила я.

— Я думала, что правильно все делаю, — всхлипнула девушка. — Я никак не думала... словно во сне... а как поняла, что это не игра, это по-настоящему, чуть с ума не сошла. Не подумай, я не оправдываюсь. Я виновата, мне нет прощения.

— А почему не призналась? Пока до края не дошло, можно было снять.

— Он был рядом, он с меня глаз не спускал... Заставил уехать.

— Кто он?

— Офицер. Он тоже менталист. Рядом с ним я была как в тумане. Словно и не я это делаю.

— Яну рассказала?

— Да, и папе, и Яну... Что я наделала, Оля? Как мне с этим жить?

— Молча, Соф. Только теперь ещё и замужем. И вообще... Зови камеристку, у нас с вами дела в городе.

— Ян велел и секретаря, и камеристку рассчитать, — шмыгнула носом Софья. — Сказал, что они могут быть из этих... из братства.

— Он, наверное, и прав. Соф... А мне твой отец предложение сделал.

— А ты чего? — оживилась девушка. — Согласилась?

— Нет. У нас с тобой лавка кондитерская, помнишь?

— Да какая мне теперь лавка, — потухла Софья. — Мне теперь в поместье загородном до скончания веков сидеть да детей нянчить. Так мне и надо, дура.

Ее ладонь невольно легла на живот, она поджала губы. Что ж, как я понимаю, ее жених ребенка делал старательно. Во всяком случае, вечером в ее спальню заходил, по словам горничных, стабильно. А днем пропадал, сбегал.

— Ничего не до конца века, — попыталась подбодрить я свою несостоявшуюся падчерицу. — Всё пройдет через пару лет. Братство твое будет разогнано, найдут зачинщиков, да даже если и не найдут —

про тебя все забудут. Родишь, вернешься в Кобор — как раз и театр достроят.

— Я боюсь, Ян против будет.

— И что? — я прищурилась. — Мало ли кто против. Ты что, не имеешь права жить своей жизнью? Не имеешь право на самореализацию? Будет сильно орать — разведешься.

— Так что же ты за отца замуж тогда не выходишь? — ухмыльнулась Софья. — Будешь с ним жить и самореализовываться. Да и отец не Ян, он тебе все позволит.

— Я не знаю, Соф, — вздохнула я. — Не вижу я себя его женой. Какая из меня жена? Я ж упрямая, своевольная. Боюсь, ему только проблем доставлю. Ни воспитания у меня, ни манер, только опозорю его перед людьми.

— А ты не бойся, он уже большой мальчик. Раз предложил — значит, уверен в своих действиях. Или ты думаешь, что он просто так, из благородства? Так я тебя расстрою: льер Лисовский ничего просто так не делает.

— Соф, а твое отношение к этому какое?

— Оля, ты ему жизнь спасла вообще-то. И он хоть живым стал в последнее время. Если он с тобой счастлив будет — я только рада. К тому же ты не старая, еще ребенка родить ему могла бы. Наследника. Что ты думаешь о детях?

— Я бы хотела ребенка, — призналась я. — Только не уверена, что я буду хорошей матерью.

— Ты будешь замечательной матерью, — заверила меня Софья. — Ты как насадка всех под свое крыло пытаешься взять. Так что не выдумывай, соглашайся.

— Если бы всё так просто было...

— А ты не усложняй!

Я засмеялась. Софья мне нравилась, она умеет поднять настроение. А ведь могла бы встать в позу, сказать, что ее отцу кухарка не нужна. Хотя... С ее революционными наклонностями она бы первая за кухарку ратовала, я полагаю.

— Софа, мне нужен гардероб для поездки в столицу, — вспомнила я, зачем пришла. — Департамент магии обещал оплатить счета. В разумных пределах, разумеется!

Софью, как и любую молодую девушку, хлебом не корми, дай походить по магазинам, но я как могу сдерживаю ее болезненный энтузиазм. И все равно к исходу дня становлюсь счастливой обладательницей нескольких пар обуви, кучи белья, двух строгих, но отлично сидящих платьев, нескольких шляпок, пелерины, клетчатого жакета, юбки, нескольких блузок... Как говорится, и в пир и в мир. Не то, чтобы гардероб был мне жизненно необходим... но черт возьми, какой же это кайф — осознавать, что ты выглядишь по-настоящему элегантно. Что платье на тебе сидит идеально, подчеркивая все достоинства фигуры — его, между прочим, подогнали под меня магией. И жакет, какой жакет! Я бы и в далекой, подернутой дымкой волшебства Москве с радостью его носила. Словом, хотя ноги и гудят, но я красивая. И счастливая. А может и в самом деле — выйти замуж и пусть Алекс меня защищает от всего мира?

Глава 33

Изяны мироздания

Кареты — это наимерзейшее изобретение человечества. Сегодня впервые за долгое время я теплым словом вспоминаю московское метро: быстро, удобно, не трясет. А в деревянной шайтан-коробке с большими колесами меня укачивает так, что я ощущаю себя дохлой рыбой. Открытые окна уже не помогают. Никаких магических средств против тошноты тут не придумали, хотя я буквально умоляю сопровождающего меня Яна внушить мне, что меня не тошнит. Он смеется и качает головой: это так не работает. Как работает, впрочем, не объясняет. Единственное, что он может мне предложить — усыпить меня на пару часов. Что ж во сне проще.

Я второй день не ем, только пью воду, которая противно плещется внутри и подступает к горлу. От мягких на первый взгляд сидений ломит тело, голова просто взрывается болью. Трехдневная дорога до столицы кажется мне адом.

Лиска, которую я потащила с собой, потому что она — мой ребенок теперь, и всё тут, бодра, свежа аки роза и заботливо придерживает мне плащ, когда моя светлость изволит блевать в придорожных кустах. Не понимаю, почему ее не укачивает. Вообще никого не укачивает, только меня, а в карете нас четверо: я, Лиска, Ян и Гродный. Лучше бы дед или Софья, но Софье новоиспеченный муж велел ехать в «деревню, к тётке, в глушь, в Саратов», в смысле дальнее поместье Лисовских, чтобы она глаза не мозолила никому, а дед в лесу хозяйничал. Да и вообще... от его избушки до Кобора часов шесть езды. Его, похоже, подобное расстояние не смущало.

А Александр с нами в карету уже не уместился, впрочем, не особо и напрашивался. Сейчас я как никогда понимала, почему он гнал меня из своей комнаты после «зеркала». Не хотелось бы, чтобы он видел меня в таком ужасном состоянии. А ведь мне еще ехать обратно!

Ян клялся, что обратно будет лучше — карету переставят на другие колеса, грязь на дороге высохнет, большие ямы засыплут, да и тепло будет, окна открытые и все такое.

— Впрочем, — лукаво замечал он. — Мы вас обратно и не отпустим.

— Да я обратно лучше пешком пойду!

— Долго очень, — смеется Ян.

— Ничего, мне спешить некуда.

— А вы не в положении, душенька моя? — как кот щурится Гродный.

— Я не в положении, — отмахиваюсь я.

И уж в чем-чем, но в этом я уверена абсолютно точно, потому что у моего женского (будь проклята праматерь Ева, сдалось ей то яблоко) организма есть пикантная особенность. Поезд ли, самолет ли, автомобиль — при долгой дороге у меня начинаются внеплановые ежемесячные неприятности. Как оказалось к вечеру первого дня — кареты это тоже касалось. Неприятная дорога стала еще более неприятной. Когда я поняла, что на постоялом дворе мы ночевать не собираемся, устроила форменную истерику. Что значит «спать в карете»? Льер Гродный, ваша спина выдержит подобное издевательство? А мой нюх? Вы же, простите, и сейчас не фиалками пахнете, а через пару дней мы здесь задохнемся.

Ворча и недовольно косясь в мою сторону, мужчины согласились остановиться на ночь в придорожном трактире. Предупредили, конечно, что в таком случае ехать дальше, но я за тазик горячей воды готова была пару лет жизни отдать. Да и ребенок у меня хрупкий, нежный. Лиска, посмотрев на меня, тут же принялась ныть и жаловаться на усталость, хотя я-то знала, что она живет всех живых. Что она и доказала в трактире, накормив и уложив меня спать. Сама же махнула рукой и со словами «Я в дороге отлично выспалась» принялась чистить мою одежду. Одна нижняя юбка, кстати, ушла на тряпочки. Непростительный ущерб моему гардеробу!

В дороге льер Гродный изволил развлекаться наложением всяческих заклятий — то на Лиску, то на Яна, то на кучера, а пару раз пытался и на меня. На меня не вышло — я почувствовала мгновенно. Да и на других, в моем-то измученном состоянии, я сразу определяла, что к чему. Словом, натренировалась, поняла, как смотреть надо. Маги мне сообщили, что это развивается особое зрение. Спасибо, что не третий глаз. Впрочем, не спорю, поездка в этом плане пошла мне на пользу.

В столицу въезжали после обеда: удалось рассмотреть город в полной красе. Дома каменные, в два-три этажа, крыши разноцветные с флюгерами, мостовая каменная, много деревьев. Здесь уже цветет вишня и сирень, а у нас в Коборе ведь только-только набухают почки.

— Здесь Кранский залив, — рассказал Ян. — Течение теплое. Оттого и весна здесь более ранняя, и зимой снега почти не бывает. Зато и летом дожди частенько, но столицу это ничуть не портит. Остановимся в моем доме, надеюсь, вы не возражаете. Лисовский, конечно, требовал, чтобы в его, но Лисовского тут нет, правда? Тем более, это ненадолго.

— А что потом?

— Приведем вас в порядок и к Главе Совета магов.

В дороге мне рассказали, что помимо короля, номинально правящего Орассой, есть еще совет магов. Всего советников двенадцать. Совет магов мог оспорить (или одобрить, что бывало значительно чаще) любое решение короля. Маги также занимались социальными службами, видимо, занимались не очень хорошо, потому что нищие в столице встречались на каждом углу. Я вдруг прекрасно поняла Софью: в провинциальном Коборе не было столь разительного контраста нищеты и роскоши.

Вот возле красивого здания притулилась бабка в лохмотьях с ребенком в руках. С ужасом вспоминая Москву и вездесущих цыган, догадываюсь, что ребенок либо опоенный сонным зельем, либо вовсе мертвый. Наперерез нашей карете бросается нищий с перевязанной головой, он хватается лошадь подузцы, что-то лепечет. Рудый бросает на мостовую несколько монет, недовольно кривит губы. Нищий на коленях ползает по камням, а мы едем дальше.

— Не смотрите на меня, как на врага народа, — зло говорит Ян, хотя я и не смотрела. — Работать не хотят. Побираться им выгоднее. А что и заработают — спустят на выпивку. Это уже не люди — животные.

Я молчу — а что я ему скажу, коли первый раз в столице? Но для него это, видимо, большая тема: особенно, если учесть, что это связано с его новоиспеченной супругой.

— Есть в столице и работные дома, и приюты, и рейды постоянно проводятся, — рассказывает он. — Беспорядочников подбираем. Я лично сиротский дом курирую, потому что знаю, какого это —

побираться на улице. Кто хочет, тот выберется из этого ада. Но очень мало кто хочет, поверьте! Да и женщины... куда проще продать свое тело, чем работать на фабрике или в мастерской какой.

— А ведомства специального нет? — не выдерживаю я. — Кто постоянно этими вопросами занимается, а не так, чтобы в свободное время? Вы-то, наверное, не так уж часто в своем приюте появляетесь. Деньги перечисляете и ладно. А уж куда эти деньги уходят...

— Да, — односложно ответил Ферзь и замолчал, надувшись, как индюк.

А между тем, у него теперь была жена, у которой и энергии, и свободного времени, и желания заниматься социальной деятельностью было хоть отбавляй! Только ведь Софья наверняка уже беременная, да и не пустит Рудый ее к делам — такой уж он человек. Впрочем, не мне ему советы давать, к тому же он не слушает. Надо будет с Александром поговорить, может быть, он что-то подскажет.

С каждым скрипом колес город становится богаче, дома вычурнее, заборы выше. Даже улицы, кажется, расширяются, светлеют. Центр столицы всегда богаче окраин. Нет больше нищих, на тротуарах — сплошь почтенная публика: мужчины во фраках и цилиндрах, дамы в мехах и кринолинах. Собачки на поводках- собачкам я радуюсь больше, чем людям. Скучала я по таким маленьким комочкам шерсти, а вот Лиска и вовсе глаза раскрыла. Скорее всего, впервые такую мелочь видит, в Коборе собаки встречаются, но крупные, уличные.

У Яна небольшой особняк рядом с парком. Подозреваю, что недвижимость здесь ужасно дорогая. Дом совсем маленький, но красивый, строгий, в классическом стиле: без всяких колонн и пилястров, только два этажа и большие полукруглые окна. Холл крошечный, не холл даже, а прихожая. Нас встречает седой старик в ливрее, принимает нашу одежду и предлагает проследовать в гостиную, но Ян машет рукой — дескать, сами разберемся, не надо вокруг нас плясать.

— Спален у меня немного, — извиняющимся тоном сообщил Рудый. — Поэтому вам с вашей девочкой придется разместиться вместе.

Я соглашаюсь — никакой проблемы в этом нет. Тем более, что в моей комнате кровать просто огромная. Лиска порывается спать на крошечной кушетке, но когда я на нее прикрикнула — как миленькая

ложится в постель. А я наконец-то могу принять ванну и вымыть голову — я уже и забыла, какое это блаженство. Настоящая горячая вода! Фарфоровая ванна, где можно лечь! Мягкое белоснежное полотенце, а потом — свежие прохладные простыни. Невольно вспоминается, что у Лисовских тоже имеется дом в столице — наверняка с горячей водой и прочими удобствами. Куда лучше, чем каморка кухарки или домик с туалетом на улице. Какого черта я отказала Александру? Но додумать эту мысль не удалось: сладкий сон утянул меня в свои объятия.

А наутро я в кои-то веки была не прислугой, а гостьей. Лиска помогла мне одеться, заплела какую-то мудреную прическу, а потом мы с ней сидели в гостиной и завтракали — как самые настоящие леди. И знаете что? Я всерьез задумалась о том, что не отказалась бы так вот всегда. Возможно, мне действительно стоит разобраться со своим даром. С чего я решила, что кухарка — это мой максимум?

Глава 34

ИНКВИЗИЦИЯ

Столичное отделение магического учета, за глаза называемое Инквизицией (хотя Инквизиция здесь занимает лишь малую часть помещений), выглядит в разы опаснее Коборского. Здесь это — целое здание в центре города. Из красного кирпича, с двумя высокими шпилями, оплетенными позолоченными цепями. Вероятно, эти цепи — какой-то символ, но интуиция мне подсказывает, что ничего хорошего он не обозначает, поэтому вопросов я не задаю. И вообще: молчание — золото.

Внутри красного здания — мраморные полы и широкая лестница с позолоченными перилами и красным же ковром. Напоминает бордель. Ещё бы зеркала и похабные картинки на стены — и не отличишь. Даже диванчики имеются в просторном холле и люстра с хрустальными подвесками.

На диванчике посидеть не удалось, Гродный потащил меня сразу в кабинет к самому главному начальнику. Угадайте, кто сидел за большим полированным столом на стуле с высокой спинкой? Правильно, Ян Рудый.

— А где портрет? — разочарованно поглядела на стену за спиной Ферзя я. — Тут обязательно должен быть портрет короля!

— Зачем? — обалдело спросил лирр Рудый.

— Для двойного устрашения. Вот входит посетитель — и тут его не только вы морозите взглядом, но еще и его величество взирает.

— Вы меня боитесь, Ольга Дмитриевна? — вкрадчиво спросил Ян, опуская подбородок на сцепленные пальцы. — Я кажусь вам страшным?

Кокетничает, гад. А ведь он теперь женат!

— Недостаточно страшным, — вздыхаю я. — Так себе.

— Ладно, довольно игр, садитесь, — морщит нос Ферзь. — Вы уже поняли, что я — глава Инквизиции. Мы с вами теперь будем работать ещё плотнее. Ваша задача — присутствовать на допросах подозреваемых и следить, нет ли воздействия. Благодаря показаниям льеры Лисовской...

— Лирры Рудой, — невежливо перебила его я. — Софья больше не льера Лисовская.

— Ах да, — Ян сморщился, будто лимон отведал. — Благодаря показаниям... ммм... Софьи мы нашли человека, которого в Братстве Справедливости называют Офицером. Он там главный организатор.

— Слишком просто.

— Да, вы правы. Найти его не сложно, тем более, он и не скрывался. Я его несколько раз встречал вместе с Софьей. Разумеется, мы обыскали его кабинет, нашли списки участников. Все из высшего общества, молодые богатые дураки. Все бредят идеями революции и готовы умереть за Справедливость.

— Свобода, равенство, братство, — пробормотала я.

— Красиво. Надо посоветовать этим дурачкам на будущее.

— А у них есть будущее?

— Нет, — Ян смотрел мрачно. — Но пока идёт следствие, они ещё могут на что-то надеяться.

— И что их ждёт?

— За заговор? Обнуление. И Софью бы тоже Лисовский не отстоял. Пошла бы как миленькая в расход. Николас — жёсткий правитель. Не щадит изменников и революционеров. И революционеров тоже.

— И вам не жалко детей?

— Это для вас они дети. А я немногим старше, мне двадцать девять. Я, может, тоже мог бы заговоры устраивать, но вместо этого учился и работал, работал. Как видите, не зря.

— Вы, как я понимаю, талант. Самородок.

— Георг Селиванов, называющий себя Офицером, кстати, бывший любовник моей дражайшей супруги, тоже весьма талантлив. И менталист, и вероятностник, а еще великолепный химик. Скорее всего, он сильнее меня. Только у нас с ним большая разница: я сирота, а он — потомок древнего и богатого рода, его имя даже в списке наследования короны имеется. Имелось. Он посчитал, что имеет право уничтожить лучших людей государства. Я посчитал, что должен их защитить.

— У вас между лопатками не чешется, господин Рудый? — с неприязнью прервала поток пафоса я.

— А?

— Проверьте, у вас крылья там не пробиваются?

— А?

— Проехали. Я готова работать.

— Хорошо. Только... вы не будете ничего слышать. Смотреть будете. Через зеркало.

— Ясно.

Меня проводили в небольшую комнатку с одним лишь стулом, зато с двумя зеркальными стенами. За одной был пустой кабинет, зато в другой находились молодые люди. Среди них я не без удивления узнала секретаршу Софьи. Некоторых, кажется, я видела среди наших гостей. Я села и принялась их разглядывать. Что ж, политических арестантов тут не бьют, все они выглядели хоть бледными и измученными, но вполне целыми на вид, даже где-то опрятными. Хотя... менталисты же. Зачем пытаться заключенных, если можно их заставить под гипнозом выдать всё, что они знают?

Одну девушку в строгом платье и жемчугах утешает юноша в лиловом жилете, видимо, они пара. Две другие — по виду сестры — сидят, держась за руки, на низком диванчике. Некоторые юноши на полу, некоторые стоят, откинувшись к стене. Хоть убейте, я никак не смогла бы определить, кто из них — упомянутый Офицер. Самое забавное было то, что все, абсолютно все были под каким-то воздействием! Вокруг каждого арестанта была или дымка, или свечение, или какие-то пятна. А у одного и вовсе все пальцы светились разноцветными огнями — их что же, не обыскивали?

Скрипнула дверь, в комнату заглянул Рудый.

— Видите что-то, лирра?

— Они все увешаны артефактами, да? — спросила я.

— Скорее всего. Мы специально оставили как есть.

— Вон тот, кудрявый с усиками — у него больше всего штук. А у обеих девушек на диване серая дымка. Не как у «зеркала», но все же воздействие.

— Понял. Тот, с усиками — наш любимчик.

— Офицер?

— Он самый.

— Снимите с него кольца. И еще... мне кажется, он тоже под воздействием. На вид словно пьяный, его аж пошатывает.

— Да, это побочка наших зелий. Он первый на допрос. Наблюдайте.

Я наблюдала. Нервно озирающегося парня привели в кабинет, усадили на стул. Подали ему стакан воды, который он, расхохотавшись, выплеснул в лицо Рудому. Ферзь спокойно утерся белоснежным платком, что-то сказал, отчего Офицер страшно побледнел и еще больше осунулся. Кольца снял безропотно, положил в указанный ящик.

Рядом со мной появился Гродный, оперся на спинку стула. Я поежилась, отодвигаясь.

— Что видите, Ольга Дмитриевна?

— Булавка для галстука — тоже артефакт, — сообщила я. — Не то, чтобы он воздействует на что-то. Нет. Такое ощущение, что оно спит. Каких-то других признаков не наблюдаю.

— А в целом?

— Мне кажется, он в отчаянии. Что такого сказал ему Ян?

— Напомнил про сестру. От нее уже отказался жених, не желает быть связанным с семьей, где вырастили революционера.

— Ясно.

Наверное, мне было его жалко. Наверное, он хотел добра для своей страны: ведь хотел же, правда? Только его добро было с кулаками. Он не пошел кормить нищих или работать волонтером в больнице, нет — он организовал заговор, подготовил катализаторы, уговорил двенадцать юношей и девушек наложить «зеркало» на своих отцов или дедов.

— Почему они решились убить родных? — спросила я Йозефа. — Софью я хоть немного, но понимаю. У нее и отец не родной, да к тому же Королевский Палач. А остальные?

— Офицер — очень сильный менталист, — вздохнул Гродный. — И умный. Он нашел слабое место каждого. Только знаешь... Откуда у него сведения, к примеру, о сестрах Моховых? Или о том, что Кристиан Розов не так давно проигрался в карты?

— И откуда у него список членов тайного совета магов? — раздался знакомый голос из дверей.

— Саша! — я едва удержалась, чтобы не бросится Лисовскому на шею, так я была ему рада. — Ты приехал!

— Отвез Софью в поместье, раз уж ее муж, — он выделил это слово особо презрительно, — не соблаговолил позаботиться о беременной супруге, и сразу сюда.

— Софья в положении?

— Уже точно.

Он встал рядом со мной, оттеснив Гродного, и положил ладони мне на плечи.

— Так много вопросов... Видишь ли, наряду с официальным Советом Магов есть еще совет тайный. Полностью его созывают крайне редко, но все члены — обладатели каких-то уникальных особенностей. Я, как ты уже знаешь, сильнейший в Орасе менталист. Серафим Розов — лучший из целителей, его смерть — колоссальная потеря для этого мира. Сергей Моховой — порталщик. К счастью, девочки не смогли наложить заклятье. Магии в них немного, к тому же они действовали так неуклюже...

— Нарочно?

— Скорее всего. Узнаем. Где ты остановилась? Я заезжал в дом к Субарову, он пуст.

— У Яна.

— Собирай вещи. Я против.

В другое время я бы посмеялась над его категоричностью, но сейчас прильнула к стеклу:

— Булавка! Булавка заработала! Она словно поглощает магию Яна!

Что Ян давил на Офицера ментально, я поняла еще в начале допроса: от него словно шли волны в сторону юноши. Но тогда булавка с алым камнем «молчала». Сейчас же эти «волны» скрутились в спираль вокруг странного артефакта.

Йозеф кивнул и выбежал. Через пару мгновений он ворвался в кабинет и сорвал с шейного платка допрашиваемого серебряный зажим. Тот вскочил, замахал руками, страшно побледнел и вдруг осел на пол. Из рта у парня пошла пена.

— Разрыв кровной привязки с артефактом, — прокомментировал Алекс, больно стиснув мои плечи. — Очень скверно. Почему не сняли сразу? Впрочем, возможно, это бы его не спасло.

— Он... умер?

— Да. Что можешь сказать об артефакте? Конечно, его изучат наши люди, но ты мыслишь совсем по-другому.

— Эта штука похожа на микрофон, — сглотнув, предположила я, поймав его ладонь и крепко ее сжав. Пальцы у меня дрожали. — Мне кажется, где-то должен быть и приемник.

— Что такое «микрофон»?

— Это штука, позволяющая передавать звук на расстоянии.

— Хм, артефакт связи. Они существуют, но очень ограниченного действия. Еще есть предположения?

— Да. Офицер — лишь посредник. За ним стоит кто-то более могущественный.

— Я тоже так думаю. Вся эта ситуация... мне это, к сожалению, знакомо. Такое ощущение, что камень, тридцать лет назад запущенный в небо, возвращается.

— Ты о чем?

— Ты веришь в Бога, Оль?

— Да.

— А я нет. Но сейчас мне кажется, что там, на небе, кто-то подбивает старые долги.

Глава 35

Синица в руках

Ян бесновался. Ян рвал и метал. Ян крыл «тупоголовых артефакторов» самыми гадкими словами. Из-за их невнимательности он только что потерял главного подозреваемого, да-да, именно из-за них. Сам он в артефактах не разбирался совершенно, доверился профессионалам, и вот что вышло! Ему робко напомнили о том, что он сам не велел арестантов обыскивать, чтобы они не чувствовали себя униженными раньше времени, но Ферзь только заявил надменно, что обыск — это одно, а потенциально убийственные штуки — совсем другое.

Признаться, я была в нем разочарована. При знакомстве он показался мне таким галантным, таким вежливым, просто очаровательным, но теперь из всех щелей у него перло самолюбование и непомерная гордость. Больше всего мне в этой ситуации было жалко Софью. Муж у нее был гад и засранец.

Мне позволили уйти домой, и я, теперь не возражая, собрала вещи и перевезла их в дом деда. Лисовский настаивал, чтобы к нему, но я указала ему, что это будет крайне неприлично.

— Если бы ты согласилась стать моей женой, было бы вполне прилично, — спокойно ответил он, обжигая меня взглядом.

Я растеряно посмотрела на него, не понимая, шутит он или снова... делает предложение.

— Мне казалось, что мы закрыли эту тему, — неуверенно сказала я.

— Не, не закрыли, — возразил Александр. — Я по-прежнему хочу, чтобы ты стала моей женой.

Я молчала, не зная, что на это ответить, но он и не требовал ответа.

— Остаться на ночь хотя бы позволишь?

— Оставайся.

Он расположился в гостиной, а я отправилась осматривать свои новые владения. Дом был гораздо больше, чем у Рудова, но весь заброшенный, запущенный. Мебель вся закрыта белыми чехлами, обои

местами отваливались, на втором этаже на богатой когда-то лепнине — плесень. В спальнях голые остовы кроватей, белье, найденное в шкафу, отсырело и пахнет затхлостью. К проживанию пригодны только три комнаты на первом этаже. В огромной кухне работает одна лишь дровяная плита, и та совсем дряхлая.

За домом следит пожилая семейная пара. Я спрашиваю у них, сколько выделяется денег на содержание дома: всего дюжина златников в год. По их словам, некогда это была огромная сумма, а теперь — слезы. Отсчитываю им десять золотых монет из выданного Отделом маг учета жалования — пусть хоть продукты купят. Понятно, что жизнь в столице дорогая.

Пока я исследовала дом, льер Лисовский благополучно уснул на диване в гостиной, я укрыла его одеялом и сама приготовила ужин.

А Лиска уже навела порядок в моей новой спальне, любовно расставила всякие нужные скляночки на старом туалетном столике, освежила белье на большой постели, почистила от пыли портьеры. И наотрез отказалась ночевать со мной в одной спальне, заявив, что она будет спать в кухне.

— Не думаю, что вы скучать будете, — лукаво улыбаясь, заверила она меня. — А если чего-то испугаетесь — так льер Александр вас защитит.

— Ах ты, маленькая нахалка, — засмеялась я беспомощно. — Будь по-твоему. Спи, где хочешь.

Она ушла, а я села за столик и принялась внимательно разглядывать себя в зеркале. Глаза сияют, кожа нежная, мягкая, как никогда, брови... брови надо приводить в порядок, но странным образом они делают меня моложе и беззаботнее. Надо же, в Коборе зеркала безумно дороги, а здесь — целый трельяж. Эх, волосы пора красить, и подзавить бы немного, хотя бы кончики. Покрутила в пальцах пузырек, открыла. Что-то черное, с маленькой щеточкой внутри. Неужели косметика? Откуда? Открыла духи, понюхала — всё ясно. Запах знакомый. Софья позаботилась. Какая... предусмотрительная. Привычным жестом капнула на палец, провела по шее, по ключице. Закрыла флакон и поставила на столик. Я прямо настоящая льера теперь, да?

— Прости, я уснул, — льер Лисовский осторожно заглянул в спальню. — Приглашение в силе?

— Я тебе всегда рада, — улыbnулась я, шагая ему навстречу.

— Да неужели? — он больно сжал мою талию, а потом рывком усадил меня на край столика и склонился к моему лицу близко-близко. — Неужели всегда?

— Всегда, — выдохнула я ему в губы.

— Тогда почему ты мне отказываешь? Почему говоришь «нет»?

— Саша...

— Ольга, я знаю всё, что ты мне можешь сказать. Но все равно верю в чудо. Будь моей женой. Роди мне наследника. Не отвечай, Оля, не сейчас.

Его губы были так близко к моим, что голова кружилась, а ловкие пальцы уже осторожно нащупывали пуговицы на моей спине.

— Черт тебя побери, недоступная, — бормотал Александр. — Как мне еще тебя добиться? Чего ты хочешь?

Мужские руки комкали юбку, губы скользили по шее, обжигая и возбуждая, я запрокинула голову, желая, чтобы он не останавливался. Был ли в моей жизни мужчина, так настойчиво меня добивавшийся? Причём не просто — постели, а замуж!

Стоп, Оль, ты совсем дура, да? Приличный мужчина, в которого ты влюблена по уши, третий раз делает тебе предложение. Он хочет от тебя детей. А ты по какой-то непонятной причине выделываешься. Чего ты хочешь — чтобы он ушёл? Оставил тебя в покое? Больше не появлялся в твоей жизни? Льер Лисовский — человек порядочный. Его такая связь все равно тяготит. Сколько он ещё выдержит? Ты отказываешь — он вправе подумать, что на самом деле не нужен мне, что я с ним ради забавы.

В самом деле, синица в руках или журавль в небе? Глупые мечты о кондитерской лавке или муж и ребёнок? Лавка — это, знаешь ли, не столь и важно в глобальном плане. Она ведь и нужна для того, чтобы с голоду не умереть. А выйдя замуж за Алекса, я получу не только любимого мужчину рядом, но и финансовую стабильность. Со всех сторон выгодное предложение, почему отказываюсь?

Неужели — гордыня? Неужели переносу на него обиды на всех своих мужчин? Или это злость на себя — нельзя мне быть счастливой, такой-то дурехе? На глаза навернулись слезы, дыхание перехватило. Что же я чуть было не наделала?

Встрепенулась, выпрямилась, обхватила его лицо руками, заглянула в серые глаза с расширенными зрачками, потянулась к губам — наверное, впервые за все время наших отношений. Я ведь только принимала, а сама ни разу не проявляла инициативы.

— Да, — шептала я, слепо целуя его лицо. — Саша, я буду твоей женой.

Он замер, окаменел под моими пальцами.

— Повтори.

— Я буду твоей женой.

— Ххааа! — Лисовский издал торжествующий вопль — совсем, как мальчишка, стащил меня с несчастного туалетного столика, резко повернул спиной к себе и уже не церемонясь, принялся быстро расстегивать платье. Судя по треску — не все пуговицы выжили в этом неравном бою. Плевать. У меня ещё платья есть. А вот такой мужчина во всех мирах только один.

Платье полетело прочь. За ним последовали корсаж, сорочка и панталоны, а дальше — и элементы мужского гардероба.

Мне пришлось опереться ладонями на столик, выгибая спину, а в зеркале отражались мужские тёмные руки, скользившие по белой груди и животу. Столик шатался. Сляканы со звоном падали на пол, но мне уже было не до них.

— Мы поженимся по специальному разрешению, — сообщил мне Алекс, когда мы уже добрались до постели. — Я получу.

— Боишься, что я передумаю?

— Нет. Ты, если уж согласилась, то все решила для себя. Просто... зачем тянуть? Или ты хочешь пир на двести человек, музыкантов и платье?

— Упаси Боже!

— Вот именно, — он довольно ухмыльнулся. — А между тем, чем больше мы тянем, тем больше народу узнает. И потребует свои приглашения.

— Хорошо, — сдалась я, изрядно напуганная обрисованными перспективами. — Делай как знаешь.

— О-о-о, услышать от тебя эти слова лучше, чем постель.

Я притворно нахмурилась и толкнула его в плечо, а потом засмеялась и прижалась к Алексу. Внутри было спокойно и радостно, значит, я все делаю правильно. Если подумать, то что может быть

естественнее — позволить себе быть слабой и покорной? Пусть мужчина все решает. Пусть он защищает меня от целого мира. Иногда можно.

Давайте честно: я никогда не ощущала себя супер-женщиной, которая и коней тормозит, и избы тушит. Нет, я могла... но удовольствия от этого не получала никакого. Я плакала, когда случались проблемы с банками, счетами и проверками. Конечно, потом брала себя в руки и все решала, но для меня это было сложно. Я, помнится, впала в истерику, когда в моей мастерской случился пожар, я ломала руки и вопрошала мироздание, доколе оно будет меня мучить? Как бы мне хотелось, чтобы в моей жизни был тот, с кем я могла бы разделить свои неудачи, кому бы я рассказала об успехах и планах! И теперь он у меня, кажется, был.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — довольно проурчал Лисовский, глядя меня по голому плечу.

— Менталист проклятый, — буркнула я смущенно, краснея.

— Думаешь громко. К тому же, чем чаще у нас близость, тем ярче я тебя чувствую. И тем больше ты мне нравишься. Доверься мне, Оля, и я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

— Так я уже...

— Да, я чувствую. Расскажи мне про себя.

Это было сложно. Спотыкаясь на каждом шагу, пытаюсь подобрать слова, я рассказывала про родителей, про Машку, про алкоголь. Мне казалось, что раз я согласилась выйти за него замуж, он имел право знать обо мне больше других. Разумеется, о многом умолчала. Ни к чему рассказывать о любовниках, о неудачах, о том, как я глядела вниз из окна двенадцатого этажа и думала прыгнуть. А потом он глухо рассказывал о своей жене и о её нелепой смерти — кони взбесились, коляску понесло, перевернуло... Женщина была на последнем месяце беременности, начались роды... погибла и она, и ребёнок.

— Мне и было-то всего двадцать пять, — вздыхал Алекс. — Я, кажется, только начал жить. Стремительная карьера, хорошие деньги, жена — красавица-магичка. Тогда я думал, что всемогущ. Знаешь, когда держишь в руках истекающую кровью жену, понимая, что ничего, абсолютно ничего сделать не можешь, это здорово спускает с небес на землю.

— Знаю, — тихо ответила я.

— Да, ты знаешь. Спасибо.

— За что?

— За то, что ты есть. Ты дала мне второй шанс. Я многое сделал неправильно. Там, наверху, видимо, считают так же. Я думал, что то, что произошло — наказание. А теперь верю, что что-то делал правильно, раз уж небеса послали мне тебя.

— Ты считаешь меня наградой? — не поверила я. — Меня, не первой молодости женщину с неприглядным прошлым?

— Тебя. Теплою, живую, видящую во мне не льера, не чиновника, не мага, не кошелёк на ножках... а мужчину. Знаешь, как странно было это понять? Ты смотрела на меня, как на мужчину, причем на привлекательного.

— Я не сразу поняла, кто ты.

— Да. А я попытался прощупать тебя магией. А ты разозлилась и была совершенно права. Я вернулся извиниться, а ты там с зеркальцем. Высокая, грациозная, так очаровательно смущающаяся... я уже давно не встречал людей, а тем более женщин, эмоции у которых совпадают с их поведением. Все лгут, все притворяются. А ты говорила, что думаешь.

Надо же, а я всегда считала свой длинный язык и пофигистическое отношение к другим людям недостатком! На самом деле мне было абсолютно наплевать, что обо мне подумают, я не хотела никому нравиться и поэтому не играла никакие роли. А для Алекса это, оказывается, одно из моих достоинств.

— Чем сильнее менталист, тем острее он чувствует ложь. Ты мне не лгала. Ни разу. Ты закрытая, не любишь себя, не веришь людям. Теперь понимаю, почему. Но ты добрая и честная...

— И красивая, — обиженно булькнула я.

— Очень красивая, — согласился Алекс. — Льера Ольга Лисовская.

Глава 36

Введение в артефакторику

Итак, несмотря на все мои усилия этого избежать, у меня всё же есть магия. Я, как выразился Алекс, индикатор. Я ничего не могу сделать, но и мне ничего не могут сделать, во всяком случае, против моей воли. Это не слишком удобно: целительская магия тоже на меня действует угнетающе. Но я искренне надеюсь, что к тому моменту, когда мне суждено будет ей воспользоваться (кстати, я в зеркале у себя карьер в правой нижней шестерке рассмотрела, того и гляди пломба выпадет), я немного попривыкну.

Артефакторы из маг департамента подсовывали мне разные кольца и медальоны, я старательно вертела их в руках и шурилась. Нет, не получалось. Я вижу только воздействие на людей. Отдельно от человека — это всего лишь украшения. Но учиться все равно пришлось: мне рассказали, какие вообще артефакты бывают.

Защитные — разумеется, защищают от разного рода воздействий. Есть даже противовирусные, в смысле, предохраняют от болезней, в том числе (тут я не могла не улыбнуться) от венерических. Есть охранные — для имущества. Есть меняющие внешность: не сильно и не надолго. Есть усиливающие какие-то качества: скорость, силу, внимание, звук. Разумеется, маячки здесь тоже придумали. А переговорные артефакты действовали разве что в пределах одного здания.

Булавка с алым камнем, без сомнения, была переговорным артефактом, причем очень необычным. Раньше такие в Орассе не встречались.

Происхождение иномирное — таков был вердикт артефакторов.

К счастью, меня никто не подозревал. В моем мире магии не было. Но забегали, начали сводки поднимать.

— Так дед Егор же привратник — напомнила я. — Его и спрашивайте. Тем более, что он рассказывал, как огневика из другого мира принимал.

— Зачем его спрашивать, огневик зарегистрирован, — пробурчал Ян, уткнувшись носом в бумаги. — Все честь по чести: Володимир

Ольшинский, изгнанник. Между прочим, королевич. Но в описи имущества артефакты не указаны.

— Ага, так он и разбежался вам докладываться. Кстати, а что с ним стало сейчас?

— Уехал в Руан, женился на дочери тамошнего правителя, скорее всего, метит на престол. Нам же и лучше, контракт магический им подписан. Мы не препятствуем, только наблюдаем.

По всему выходило, что все равно придется деда звать и на его память надеяться, а пока — нужно было искать парный артефакт: куда-то все равно ведь сигнал передавался. Скорее всего — в королевский дворец, потому что слишком много лишнего знал покойный Офицер.

— Придется вам, Ольга, во дворце поработать. Горничной. Так проще всего затеряться. К тому же все события концентрируются вокруг вас. Уверен, и вторую половину артефакта найдёте именно вы. Вероятностная воронка и все такое...

— Пятьдесят златников, — нагло ответила я, пропуская мимо ушей заумные слова. — В месяц. А что? Я — незаменимый специалист, между прочим. И Лиска со мной. Она может и на кухне, там тоже часто всякие сплетни полезные бывают.

Рудый смотрел на меня с ненавистью, а Гродный откровенно ржал. Что бы сказал на это Алекс — я даже представить не могу. Наверное, гордился бы.

Видимо, я действительно была им очень нужна, потому что, скрипя зубами, жалование мне выделили и очень настоятельно советовали на глаза королю не попадаться.

— Николас III — мужчина очень строгий, суровый, пожалуй, даже жестокий. Если ему что-то не понравится — вылетите из дворца с треском.

— У вас что, король к горничным придирается? — не поверила я.

— Запросто. Он старается во всё вникать.

— Зануда или делать нечего?

— Вот про это я и говорю, — усмехнулся Ян. — Вы ж ответите. А ни один житель Орассы не посмел бы.

Я опустила глаза: действительно, что-то я обнаглела. И ведь ответила бы, особенно на несправедливые придирки. Расслабилась. Помнится, первые дни в доме Лисовских как мышка сидела, а

теперь... а теперь я почти льера Лисовская, да? Тяжело перестраиваться обратно.

Внедрение в королевский дворец прошло почти обыденно: распорядителю про мой статус сообщили, форму выдали, комнату отдельную выделили. Здесь с комнатами проблем не было. С формой, кстати, тоже: ее мгновенно подогнали по фигуре. Платье темно-зеленое, что означает, что шататься я могу по всему дворцу, кроме личных помещений, вроде как старшая прислуга, главное, тряпки с собой носить и передвигаться, голову опустив. Я этим и занялась: гуляла. Посмотреть было на что: убранство тут великолепное, со вкусом. Потолки высокие, статуи всякие, полы где мраморные, где мозаичные, а где и паркет. Больше всего я, впрочем, насмотрелась на дверные ручки, потому что ходила и натирала их специальным составом. Кстати, было на что посмотреть. В одних залах были в дверях львиные головы, в других — резные, в третьих медные. Красиво.

На прислугу, действительно, никто не обращал внимания. Только периодически мне по заднице прилетало. Первый раз я испугалась, взвизгнула и тряпкой какого-то придурка по лицу хлестнула, благо что рост позволяет. Ох и наслушалась про себя! Думала, всё, уволят, но пронесло. К сожалению, у этого типа не было нужного мне артефакта. Жаль, я бы охотно ручонки его шаловливые пообломала. На третий день научилась уворачиваться. На четвёртый — все свои действия совершать в полоборота, следя одним глазом за коридором.

А на пятый случилось фиаско.

Что у Николаса III есть наследник, я уже знала, мне его первым делом показали. Стефан II был мужчиной довольно симпатичным, средних лет — ну как средних, к сорока ему. Носил заливчатские усы, вид имел надменный, где-то даже придурковатый. Смеялся громко, шутил пошло, обожал верховую езду и женщин. Словом, гусар гусаром. Даже мундир был похож на солдатский: синий с золотыми эполетами и орденом на груди.

Я знала, что тот, который тряпкой по лицу получил, был из свиты наследника. Знала, что наябедничал — потому как распорядитель мне сказал, что Стефан про меня спрашивал. Словом, подловил меня-таки наследничек в одном из коридоров, облапал и сразу целоваться полез.

Наследник — это вам не придворный, его тряпкой по лицу чревато, да я уже осторожная была. Все, что мне оставалось — головой мотать да пищать жалобно, что я против. От неожиданности он даже прекратил свои неприятные действия.

— Ты что, мне отказываешь? — страшно удивился Стефан. — Мне, практически твоему королю?

— Терять мне было нечего.

— Я не понимаю, вы хотите меня как король или как мужчина? — насмешливо спросила я, еле удерживаясь от того, чтобы не добавить пару слов русским матом. Блин, наверное, королевского наследника материть тоже нельзя.

— Какая к черту разница?

— Очень большая. Если как король — то мне придётся повиноваться. Ничего, не девочка, перетерплю. А если как мужчина... тут уж всё должно быть по-другому.

— А как мужчина я разве не хорош?

— А я разве вас знаю?

Стефан отпустил, наконец, мои плечи, сделал длинный шаг назад и задумчиво склонил голову.

— Ты знаешь, я бы мог и как король, у меня не заржавеет. Задрать тебе юбку и отыметь — ничего сложного. Но ты права — я никогда не ухаживал за женщинами. К чему, если они и так согласны на всё? Пожалуй, это интересный опыт.

Сердце у меня колотилось где-то в горле, я едва дышала. Прикрыла глаза, упираясь затылком в стену. Господи, неужели пронесло? Поглядела на него сквозь ресницы и вдруг поняла, что всё это время было не так. Этот орден на его груди! Я уже видела такой! Не внешне, нет... Да это же пара той самой булавки! То же самое алое свечение, та же самая дрожь пространства!

Наследник престола — и связан с революционерами? А что в этом странного? Заждался мальчик. Хочет папку подвинуть. Первый раз такое случается, что ли? Мне срочно нужен Ян! Но и подозрений вызывать нельзя.

— Зовут-то тебя как?

— Оль...Ольга, — я аж заикаться начала от своего открытия.

— Ольга, ты поужинаешь со мной?

— Сочту за честь.

— Я пришлю слугу вечером.

Давай, присылай. Я к вечеру уже сбегу. Знаем мы ваши «кто девушку ужинает, тот её и танцует». У меня жених, между прочим, есть. Мне такого счастья даром не надо. Тем более, что я нашла, что искала.

Бросив все дела, я помчалась в департамент магии. В зелёном форменном платье меня не хотели выпускать из ворот, а возвращаться обратно и переодеваться в гражданское никаких душевных сил не было. Не помню, что я плела, кажется, про Яна Рудова, про то, что я срочно должна сообщить что-то. Мне говорили «сообщай охране, мы разберемся», а я мотала головой. В общем, посадили меня в какой-то чулан с полотенцами и швабрами, послали за инквизиторами. Ничего, разберёмся.

Спустя несколько вечностей появился Ян, а с ним и дед Егор — приехал, значит.

— Это наш агент, — устало сообщил Рудый охранникам дворца. — Но спасибо за бдительность. Ольга, ну что же вы! Взрослая ведь женщина, а глупости делаете!

— Что нашла, Ольга? — интересовало деда.

— Вторую часть переговорного устройства, конечно, — нервно ответила я, подбирая длинный подол платья, чтобы успевать за быстрым шагом мужчин. — Ты сам как?

— Нормально, — удивленно покосился на меня дед. — Что со мной случится может в глуши-то?

— Ну не знаю... выяснится, что твоя тридцать лет как погибшая невеста жива?

— А, ты об этом...

— Ну так что?

— Не твоё дело.

Я обиженно поджала губы, но понимала, что он прав. И так я уже дел наворотила. Хотя... если бы не я, они могли бы и не встретиться!

— Я на ней женюсь, — неожиданно заявил дед после продолжительного молчания, заставив и меня, и Рудова подпрыгнуть от неожиданности. — У нее, действительно, есть немного магии вероятности. Найдем учителя, попробуем. Танцевать уже не сможет, а вот немного ходить, может, и получится.

— Театр в Коборе... — напомнила я.

— Да, ее уже мэр пригласил для консультаций. Леночка и играть сможет какие-то небольшие роли, ее это очень вдохновило.

Леночка, значит? Ну ладно. Молодец, дед. Мужик. Надо только ему будет напомнить в доме ремонт сделать. А то — Леночку привезти некуда будет.

Глава 37

Кто виноват и что делать

Мои слова о том, что вторая часть артефакта — это орден на груди его высочества, Рудый выслушал с уже привычным выражением задумчивого отвращения на лице. Видимо, подозревал. Дед же поднапрягся и вспомнил, что был у того самого мага, что двадцать лет назад ему избушку спалить пытался, какой-то красный камень, да вроде совершенно бесполезный. Его, между прочим, конфисковали, описали и поместили в хранилище. Королевское. Так что лично к нему — никаких претензий. И вообще, он-то не артефактор, он привратник... бывший, кстати, его за аферу со мной окончательно на пенсию отправили, чему он рад несказанно теперь. Так что — с него и взятки гладки. А вот к кому у него вопросы есть, так это к льеру Лисовскому, ох, как много у него вопросов накопилось!

А у Яна Рудова вопросы накопились к Егору Субарову.

— Кто и зачем вызывал вас в столицу осенью?

— Король вызывал, — неохотно отвечал дед, хмуря кустистые брови. — Инженеры при плановой проверке обнаружили несколько трещин в фундаменте дворца. Боялись, не повторится ли разрушение.

— А вы при чем?

— Я сдерживать тогда стены. Спрашивали меня, где укреплять лучше. Сдается мне, у Николаса III старческие страхи начинаются, уж больно подозрителен он стал в последнее время.

— Насчет революционеров он не зря опасался.

— Глупости. Кому он нужен, король? Убирали тайный совет — вот и ищите, зачем. Что такого он должен был рассматривать, что Стефан так испугался?

— Укрепление местной власти, — пожал плечами Ян. — Старые законы хотели пересматривать, многое уже устарело.

— Ну, это само собой, — вздохнул дед. — Значит, не в этом дело. Оленька, кстати, что у тебя с Лисовским?

— Он меня замуж позвал, а я согласилась, — робко ответила я.

— То есть, если я его убью, ты сильно расстроишься?

— Сильно, — подтвердила я. — Я его не для того спасала.

— М-да, действительно. Столько усилий, и всё зря.

— Да в чем дело?

Но дед молчал, как партизан. Что ж, отправили человека за Александром. Пока ждали — выпили чаю, поболтали о погоде. Мне всё больше становилось не по себе. Было такое ощущение, что попав в этот мир, я запустила какую-то катастрофическую цепочку событий.

— А ты как хотела? — поспешил «утешить» меня дед. — Ты инородный элемент тут. Разумеется, история меняется. Всегда так. Но ты не волнуйся, выправится. Ткань мироздания упруга, всё рано или поздно вернется на круги своя. Но круги на воде ещё долго могут расходиться. Сама посуди — артефакт, принесенный в этот мир предыдущим «засланцем», столько времени пылился в хранилище, пока Офицер не догадался его использовать.

Ну, радуется хотя бы то, что у меня никаких артефактов не было. А то и так глупо получается — простая кухарка изменила историю целого государства.

А когда Лисовский зашел в кабинет Главного Инквизитора, дед подскочил, словно молоденький, и попытался его ударить. Александр увернулся, отскочил к окну и закричал:

— Егор Матвеевич, да вы с ума сошли!

— Лисовский, я тебя ненавижу, — как-то устало ответил дед, потухая. — Ладно, я. А Елена по твоей милости, столько лет жила в нищете и забвении!

— Я выполнял приказ, — буркнул Александр, мрачняя.

— Чей?

— Королевского наследника.

— Рассказывай, — бросил Ян Рудый, и льер Лисовский сел в кресло и принялся рассказывать.

— Тогда, тридцать лет назад, тот взрыв во дворце организовал именно Николас. Мне было двадцать три года, ему — около тридцати. Он считал, что всё делает правильно, что отец слишком стар, чтобы править.

— Ты принимал в этом участие?

— Нет. Но я многое видел. И молчал. Я ведь был секретарем самого Субарова. Разумеется, про взрыв я и предположить не мог, иначе бы постарался предотвратить. Это ведь чудовищно. Столько жертв... Я вместе с магами разгребал завалы. Я ведь всего лишь

менталист, у меня только одно направление магии. С одной стороны, этого мало. А с другой, когда одно направление — оно всегда очень сильно развито, поэтому я был ищейкой: искал людей. И, кстати, льер Субаров прав: я прекрасно знал, что Елена Гдлевская жива. Я вписал ее в список погибших по прямому приказу Николаса, и рука у меня не дрогнула. Субаров был настолько плох, что было непонятно, выживет он или нет. Как менталист, я видел, что дар уже выгорел полностью. А он был на тот момент вторым после короля человеком, убери его — и вся поддержка нынешнего короля осыплется.

Понимаете, никто не планирует убирать короля. Во-первых, это смертельно-опасно: тут сразу казнь и без вариантов. Во-вторых, совет магов по факту более влиятелен. Король не может объять все сферы политики и экономики, он может вообще быть марионеткой. И там проще получить влияние. Николас планировал поставить в совет своих людей, тогда, по сути, королевство было бы у него в кармане. К тому же отец его был достаточно стар и не слишком здоров, взрыв однозначно его здорово бы подкосил. Взрыв — вообще самое элегантное решение. Сам Николас вроде нигде и не замечен. Были заговорщики, была подпольная организация. Разумеется, их нашли. Допросили. Казнили — тогда еще не умели «обнулять». Но по сути, взрыв — это лишь верхушка айсберга. Всё самое главное взрыв спрятал. Убрали Субарова — первого советника. Кстати, осмелюсь предположить, что там была еще и месть Елене — она притязания наследника отвергла, причем демонстративно. Убрали еще нескольких магов — кто-то погиб под завалами, кто-то потерял близких и тяжело это переживал. На их место Николас оперативно поставил своих людей. Надо признать, его задумка удалась: новый совет магов довольно скоро убедил короля передать власть наследнику. А победителей не судят, знаете ли. Да и я... получил немалую награду за свое содействие наследнику. Николас меня не забыл. Какое-то время я был главой Совета Магов, потом — помогал создавать второй, Тайный Совет.

Кто бы могу подумать, что его сын попытается провернуть с родителем абсолютно такую же штуку! Разумеется, повторить взрыв он не мог. Но зато он сумел завербовать в свои ряды прогрессивную молодежь, буквально лучших из лучших. И сейчас у нас...

— У нас, — угрюмо поправил его Рудый.

— У вас, — согласился Лисовский, обмякая. — У вас теперь дилемма: что делать с юными революционерами. Обнулять всех? Расточительно. Их ведь три десятка, и все маги, и все одаренные, дети уважаемых родителей. Они мечтали сделать свою родину по-настоящему прогрессивной.

— Обнулим и воспитаем новых, — отрезал Ферзь. — Будут свои, преданные короне...

— Марионетки!

— Именно!

— Обнуляйте, — зло ответил Александр. — Я в этом участвовать не буду.

— Вас от службы никто не освобождал, льер Лисовский, — прищурился Рудый. — К тому же — должок, не забывают. За Софью.

— Не тебе мне приказы отдавать, зятек, — фыркнул Александр. — Ты — всего лишь ищейка. Инквизитор, чьим именем пугают матери маленьких детишек. Я тебе не подчиняюсь.

— Уже три дня, как подчиняетесь. Я теперь первый советник его величества. Назначен за раскрытие государственного заговора. Но вы правы, проблема всё равно имеется. Если ваших золотых деток мы обнулим, с вами или без вас, то что делать с наследником? Единственным наследником, между прочим. Казнить его запрещено законом. Обнуление? Но все знают, что после обнуления личность человека утрачивается. Он уже никогда не сможет принимать самостоятельных решений. А оставлять всё как есть... так себе выход, да и общественность в лице магов не поймет. Единственный выход — женить его, заполучить от него наследника и того...

— Чего того? — испугалась я.

— В другой мир, — любезно пояснил Лисовский, ехидно улыбаясь. — Правда, Янушка?

— Именно. Идеальный вариант. Самая милосердная казнь. Переход между мирами возможен лишь однажды. Даже если захочет — не вернется. Никогда. Но когда это еще будет... как контролировать процесс? Почему этот ублюдок не потрудился оставить бастардов? Насколько бы всё стало проще!

— Ннуу... — Лисовский по-прежнему ухмыляется, словно знает больше других. Я понимаю, что он сейчас выдаст что-то невероятное, в корне изменяющее ситуацию, и сама невольно улыбаюсь.

Рудый отчего-то бледнеет.

— Наследник, может, и не оставил, — мучительно медленно тянет Александр с явным удовольствием.

— Говори уже, — не выдерживает Ян.

— У Николаса, как минимум, есть еще один ребенок.

— И кто же он? — дергает щекой Ферзь.

— Софья.

Если бы в комнату сейчас вошел зеленый гуманоид с антеннками на голове, Рудый был бы, наверное, шокирован меньше. По его лицу было понятно, что он что-то подозревал по улыбке тестя, но не хотел в это верить. Я прикусила большой палец, чтобы скрыть свой восторг. Всё это было совершенно невероятно.

— Как это Софья? — прохрипел Ян. — Ты что же... от кого?

— Не понимаю, почему все считают ее моей дочерью, — пожал плечами Александр. — Я ведь никогда этого не утверждал.

— Она очень на тебя похожа.

— Разумеется, она моя племянница. Дочь сестры.

— От короля, — на Яна было жалко смотреть.

— Именно.

— Но почему ты сразу это не сказал? Когда нужно было ее спасти?

— С чего ты взял, что ее бы помиловали? Николасу всегда было на нее откровенно плевать. Она ведь девочка, зачем ему девочки, если у него имеется нормальный наследник? Выдать ее замуж за тебя было гораздо проще.

— А зачем ему сейчас девочка?

— Ни зачем, — пожал плечами Лисовский. — А вот ее ребенок... Скорее всего, будет мальчик.

Рудый страшно побледнел.

— Но это и мой ребенок тоже, — выдавил он из себя.

— Неужели? А кто собирался развестись с моей дочерью через пару лет? Кто орал, что не хочет жениться вот так, вынужденно?

Я заинтересованно поглядела на Яна: надо же, какой фрукт! Развод ему! И как я могла когда-то считать его вполне приличным человеком?

— Но...

— А что «но»? Следующий король Орассы будет твоим сыном, да. Сыном дочери Николаса и Главы совета магов. Ты что же, думал, что тебе такую должность и в самом деле только за заслуги дали? Молод еще. Обычно моложе сорока Первые Советники не бывают. Но ты не волнуйся, прошение о разводе королем уже подписано, с открытой датой, разумеется. Нужно будет только дать ему ход. Так что ничего теперь от тебя Софье не нужно. Можешь даже не появляться в поместье, она не будет плакать, поверь!

— Но это и мой сын тоже! — взвыл Ян, хватаясь за ворот рубашки. — Вы не можете мне запретить с ним встречаться! Я не хочу, чтобы мой ребенок рос сиротой!

— Сиротой он не будет, у него будут мать и дед с бабушкой, — спокойно ответил Лисовский. — А что касается отца... Ты на свадьбе заявил, что это временно? Развода хотел? Чего же ты ожидал еще? Софья запомнила, она девочка гордая. Так что хочешь иметь сына — будешь мириться с женой, по-другому не выйдет.

На Яна было страшно смотреть, он побледнел и словно сдулся. С него слетела вся его спесь. Мне на миг стало его жалко, а потом я вспомнила Софьины глаза в день свадьбы и поняла — подделом. Захочет что-то изменить — изменит. Софа девочка добрая, она простит. Надо только дать им обоим шанс.

Мне очень интересно, как отреагирует Софья на новости о своем происхождении. Закатит истерику? А может, будет хохотать? Не поверит? Впадет в меланхолию?

Но маги решили, что беременной женщине такие потрясения совершенно ни к чему. Ей расскажут, конечно. Но потом. Очень потом. Возможно, после родов, а возможно и вовсе, когда ребенок подрастет. Что ж, я никакого обещания молчать не давала. Если будет необходимость — я от девочки ничего скрывать не буду. Вон от деда скрывали, что Елена жива — и чем это закончилось?

Глава 38

Объяснения

Мы вернулись в дом деда. Александр, впрочем, ночевать теперь не останется, а жаль. Егор Матвеевич смотрит на него волком, и его можно понять. Не знаю, как они будут дальше общаться, но друзьями им явно не быть. Спасибо еще, что дед не ставит меня перед выбором — он или Лисовский, потому что я действительно не смогла бы выбрать. Мудрый дед угрюмо предупреждает Александра, что ему здесь не слишком рады, но препятствовать его визитам он не будет, он же не такая скотина, как некоторые, и оставляет нас наедине. Наконец-то!

Александр трет лицо руками, падает в кресло и задает вопрос, который, как видимо, не дает ему покоя:

— Ты все еще согласна стать моей женой?

— А я могу передумать? — удивляюсь я.

— В свете последних событий — вполне, — Александр смотрит прямо, не прячет глаз. — Ты узнала меня с неприглядной стороны. Я и сам бы хотел об этом забыть. Я слабак, карьерист и предатель, Оль. Если ты думаешь, что я тогда не понимал, что будет с Субаровым, когда он узнает о смерти Елены — ты заблуждаешься. Всё я знал. Он тогда едва живой был. Его любая мелочь могла сломать. Вот и сломала. А я... я мог встать на его место. И встал.

— Ты не мог не выполнить приказ.

— Мог. Я мог рассказать все королю. А мог — прийти к Субарову и объяснить ситуацию. Вместо этого я хладнокровно его добил. Ради денег, ради карьеры, ради королевского расположения.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты знала, какой я. Я не хочу, чтобы ты видела во мне героя. Я старый и неидеальный дядька, Оль. И, честно говоря, Софью тоже погубил я. Она появилась в моей жизни после того, как погибла жена. Мне она была не нужна. Софью растили няньки и гувернантки. Я с ней мог месяцами не разговаривать.

— А ее мать, твоя сестра? Она жива?

— Много лет назад умерла от тифа.

— Ясно. Саш, а ты жалеешь о том, что так сложилось?

— Я не знаю. После того, как я потерял жену и нерожденного ребёнка, я словно оказался на месте Субарова. Если бы я смог вернуться в прошлое — я бы никогда так не поступил. Я долго переживал, стыдился своих поступков... но в какой-то момент просто стал жить дальше. Прошлого не вернуть, многих ошибок не исправить. Нужно просто стараться не совершать новых.

— Я понимаю, — тихо говорю я, обнимая своего неидеального мужчину. — Мы все люди, Саш. Прошлого не изменить. Давай смотреть в будущее. Возможно, у тебя будет шанс исправиться... я имею в виду роль отца.

— Я бы очень хотел ребёнка, — слабо улыбается он, притягивая меня к себе на колени. — Но если не получится... можно взять младенца из приюта. А можно нянчить внука.

— Я тоже хочу ребёнка, — сообщаю я. — А ещё... я бы хотела работать, а не сидеть дома.

— Я разговаривал с Софьей. Выкуплю тебе то помещение в театре. Пробуй. Ты большая девочка, знаешь, что делаешь. Я не хочу тебя загонять в какие-то рамки. К тому же у меня сейчас будет много работы. Мне очень не нравится назначение Яна Первым Советником. Он слишком молод и амбициозен. Надо за ним присматривать, родственник же.

— Сомнительное удовольствие, — вздохнула я. — Мне совсем он не нравится.

— Зря. Ян хороший. Я знаю его очень давно. Он простой и добрый мальчик. Просто зазнался. Он очень похож на меня в юности, только лучше, твёрже. Ничего, пусть покрасует. Жизнь его обломает рано или поздно.

— Так уже...

— Ты про Софью? Глупости. Не нужна она ему. Они слишком похожи. Если бы не обстоятельства, я бы никогда не позволил. Ему нужна покорная и мудрая женщина... как ты. А Софье — терпеливый и любящий муж.

— Я не покорная! — возмутилась я.

— Это ты так думаешь, — хмыкнул Александр. — Главное, подход найти.

— Ну-ну, и какой же?

— Любить тебя, конечно.

— А разве ты меня любишь?

— Люблю. Иначе зачем бы мне жениться? Оль, ну неужели не заметно?

— Я не очень доверяю людям, — буркнула я смущенно, пряча лицо на его груди.

— И правильно, я им тоже не доверяю, — засмеялся он. — Но мне можно.

— Я тоже тебя очень люблю.

— Я счастлив, — он прижал меня к себе.

* * *

Правила приличий в лице Егора Матвеевича не позволяют нам с Александром жить вместе до свадьбы, а жениться мы все же решили в Коборе, чтобы Софья при этом присутствовала и наши (уже наши) домашние маги. Я, правда, не слишком стремлюсь возвращаться домой, потому что не представляю, как это — быть хозяйкой над теми, с кем вместе работала. Но когда я начала паниковать и объяснять свою позицию Александру, тот меланхолично предложил всех уволить и нанять новых слуг, а потом долго смеялся над моими возмущениями. В конце концов мы решили, что если Беляна с Марикой захотят работать в моей кондитерской лавке, так будет лучше для всех. Поварих найдем новых, а вот тех, кто сможет со мной сработаться, надо беречь. А Лиске Саша предложил оплатить обучение в одной из престижных школ для благородных девиц. Она с восторгом согласилась. Мне жаль с ней расставаться, но она обещала приезжать на каникулы.

Меня, впрочем, тоже отправили на обучающие курсы в Департаменте Магии. Я сопротивлялась, но тут уж дед и жених объединились и настояли на своем.

Не понимаю, зачем мне учиться? Я ведь замуж выхожу. Александр меня ни на какую государственную службу не отпустит, я в этом уверена. К тому же мы хотим ребёнка и интенсивно над этим вопросом работаем. Но наступает новый день, и мне приходится выслушать лекцию про пространственные потоки. Как соль на рану, честное слово!

Лекцию читает какой-то профессор из университета специально для сотрудников департамента. Потому что, как нас предупредили, в ближайшее время придётся строить тот самый портал в другой мир. Суда над наследником ещё не было, он в заточении, но и без того ясно, что дело закончится изгнанием. Вопрос в том — куда.

— Первый закон Магии гласит, что нельзя применять никакое воздействие без согласия человека, кроме экстренных случаев, разумеется, — дребезжит профессор. — Исключение составляют осужденные преступники. Самое сложное при перемещении между мирами — это найти замену. Мироздание — вещь хрупкая. Если нарушить равновесие — могут случиться катаклизмы. В конце прошлого столетия один безумный маг посмел переместиться самостоятельно — и чем это все закончилось? Не помните? Тогда был огромный шторм, и все равно из того мира к нам затянуло человека. Но при этом столько людей погибло! Два города смыло гигантской волной, а про корабли и говорить нечего! Поэтому сейчас порталы между мирами открывает только совет магов и только в экстренных ситуациях. Да, изгнание особ королевской крови — это экстренная ситуация. Или недавний случай с руанской принцессой. Об этом не говорят у нас, но компетентные источники подтвердили у нее смертельное заболевание. То есть для нашего мира смертельное, а там, куда её отправили, у неё есть шансы на исцеление. Но какая работа была проделана с обеих сторон! Найти замену нужного пола, веса и психического состояния...

Я хмыкнула. Да уж, про психическое состояние он точно заметил.

— А как выбирается мир? — спросил кто-то из слушателей. — И кто там, с другой стороны, решает?..

— А это уже секретная информация, — отрезал лектор. — Никто вам этого не расскажет, зачем? Меньше знаете — меньше шансов, что сами воспользуетесь этими знаниями. Ваша задача маленькая — не упустить «замену», когда Стефана отправят в изгнание. Какой это будет мир — я не знаю, и вы не узнаете. Зато будет известен пол и примерный вес.

— А для чего его искать, этого попаданца?

— Вокруг любого иномирного существа возникает вероятностная воронка, концентрируются определённые события. Не то, чтобы сильно важные, но лучше быть внимательнее. Волнения происходят

недолго: полгода, год, может, чуть дольше. Потом мироздание успокаивается и подстраивается под изменения.

Я сидела тихо, как мышка, искренне надеясь, что никто из здесь присутствующих не знает, что я из другого мира. Тем более, кажется, что всё устаканилось. Хотя, видимо, воронка всё же закрутилась.

— Однако последствия обмена между мирами могут дать самые неожиданные плоды спустя десятилетия, — безжалостно продолжал лектор. — Двадцать лет назад в наш мир попал чужак с артефактом связи — и этот артефакт впоследствии был украден из хранилища и использован в целях осуществления заговора против магов. Поэтому очень важно «замену» найти как можно быстрее и поместить в лазарет хотя бы на год. И по новым правилам уничтожить все его вещи вплоть до нижнего белья.

Спасибо, Егор Матвеевич! Сердечное спасибо, что не сдали меня инквизиции! Спасибо, льер Лисовский, что даете мне защиту от лазарета! Если раньше я ещё рассматривала карьеру в магическом отделе — и платят неплохо, и работа непыльная, то теперь твердо убедилась, что хочу жить в тихом сонном Коборе и печь тортики. Никаких ваших магий мне не надо, спасибо, я как-нибудь перебыюсь без сверхспособностей. Выйду замуж, рожу ребенка, а если не получится — из сиротского дома младенца возьму, потому что в Орассе есть закон, что беременную женщину и молодую мать нельзя привлекать ни к какой службе и вообще лучше не трогать. К тому же льер Лисовский не последний человек в государственном аппарате, а его зять и вовсе Первый советник короля. Хоть что-то полезное можно выжать с Ферзя!

Ничего, Софью отмазали и меня отмажут.

Кстати, Александр подал несколько ходатайств в защиту революционеров. Над некоторыми был суд, и отнеслись к ним куда гуманнее, чем ожидалось. Тех же сестер Моховых на несколько лет отправили на принудительные работы в сиротский дом, оставив им и имя, и положение в обществе. С мужчинами обошлись строже. Трое пошли под обнуление (Александр признал, что там случаи были безнадежны, для этих людей не было ничего святого), еще двое — лишились титула и рода и тоже — направлены на общественные работы. Остальные ждали своей очереди. Словом, еще неизвестно, кто

на самом деле легко отделался — Софья, которая сидела в поместье с бумагой о разводе на руках или девочки Моховые, к примеру.

Эпилог

Скромной свадьбы не получилось. Откуда ни возьмись, понаехала куча родни Александра. Оказывается, у него и кузены есть, и даже мать еще жива, что стало для меня совсем уж невероятной новостью. Появилась и моя «родня»: старший дедов сын с женой, детьми и внуками — они, впрочем, приехали на свадьбу деда. Все они сделали вид, что рады со мной познакомиться. К счастью, в общей сложности их было внушительное количество: у старшего, кажется, пятеро взрослых детей с семьями, у младшего — трое, и все эти трое перебрались из Руана обратно в Орассу. Поэтому моему появлению никто не удивился — одной внучкой больше, одной меньше, какая, в сущности, разница?

Пришел мэр с семейством, ненавистный мне Иволгин и все сотрудники отдела маг. учета — а что поделывать, льер Лисовский в этом городе далеко не последнее лицо. Нужно соответствовать своему статусу.

Торт, разумеется, я пекла сама. Учитывая количество гостей, делала пятиярусный, и каждый ярус со своей начинкой. И банкетом свадебным командовала тоже я. Дед, посмотрев на количество своих внуков и правнуков, временно замирился с моим женихом и попросил играть свадьбу вместе — ему совершенно не сдалось вникать во все тонкости организации торжества. А торжества хотелось, ибо для льеры Елены это была первая свадьба.

Она уже понемногу поднималась с кресла — пока удавалось ненадолго, от силы на четверть часа. Гродный, который ее обучал игре с вероятностями, был очень доволен ее успехами. Говорил, что ученица из нее куда старательнее, чем из меня. Я только плечами пожимала: льера Елена твердо намеревалась у алтаря **стоять** рядом со своим избранником. У нее была цель — и она этой цели готова была добиваться.

Столичный дом дед все же продал — угадайте, кому? Правильно, льеру Рудому. Да, он теперь льер, и ему по статусу полагается иметь роскошную резиденцию. Он на свадьбу, кстати, не явился, хотя его приглашали. Отговорился огромным количеством работы и затеянным

ремонт, но по мне — он просто боялся встречаться со своей супругой. Не зря боялся: беременность не добавила Софье кротости, она была на мужа зла, как тысяча чертей. Хотя на свадьбе вела себя прилично, даже заявила, что раз на своей не нагулялась — будет гулять на чужой. И, действительно, гуляла: танцевала, напропалую кокетничала с бедным Демьяном и слопала три куса торта, после чего ее тошнило в кустах. Нет, не потому что с тортом было что-то не так, просто — беременность.

А дед стал главным спонсором постройки театра. Льера Елена хотела играть на сцене — будет ей и сцена, и роли. В конце концов, учитывая, сколько денег дед вбухал в строительство — этот театр смело можно было называть театром льеры Гдлевской.

Я думала, что мне будет сложно, ведь, откровенно говоря, я большое количество людей переношу плохо и вообще боюсь толпы, но, казалось, все вокруг старались сделать для меня этот день по-настоящему незабываемым. Софья с самого утра колдовала над моей прической и макияжем, Александр не спускал с меня глаз, льера Гдлевская украсила дом и сад великолепными букетами, а Йозеф Гродный (кстати, его супруга действительно очаровательная и молодая) устроил к вечеру фейерверки. Я даже расплакалась в конце от счастья, что в мою жизнь вошли такие замечательные люди. Разве я заслужила всё это? Я, обычная тетка из Москвы, натворившая в жизни столько ошибок, что другим и не снилось? Один лишь клик по ничего не значащей ссылке — и мне был дан второй шанс. Я потеряла одну дочь (надеюсь, она там счастлива) и обрела сразу двух — Софью и Лиску. Нашла человека, с которым мне тепло и спокойно. Подружилась с прекрасными людьми. Могу заниматься тем, что мне нравится.

Я сегодня абсолютно, бесповоротно счастлива. Наверное, в жизни еще будет немало трудностей, но я их больше не боюсь. У меня есть семья, которая во всем поддержит.

===

Мария Тороссо, в девичестве Виноградова, сидела на продавленном диване в однушке в спальном районе Москвы и молча разглядывала врученные незнакомкой фотоальбомы. Надо же, она никогда не думала, что у матери столько фотографий. И с выпускного бала, и с последнего звонка, и вот эта — здесь Маша со сломанной

ногой. Это, кажется, шестой класс. А эта с аватарки вконтакте, свадебная. Откуда?

— Так вы не знаете, куда делась Ольга Виноградова? — в очередной раз спросила Маша маленькую брюнетку с восточным разрезом глаз.

— Нет, не знаю, — сочувственно смотрит на нее брюнетка. — Я сюда въехала... в октябре. Полгода назад, стало быть. Вещи вашей мамы в коробке, можете забирать.

— А документы?

— Паспорта нет. Только сертификаты с кулинарных курсов. Простите.

Вообще-то для Маши мать умерла в тот самый день, когда она её бросила — больную, практически при смерти. Ольге никогда дочь нужна не была. Хорошо, что бабушка и дедушка вовремя её нашли. Спасли. Ничего для неё не жалели.

Это уже потом, когда Маша вышла замуж за Лоренцо, мать-кукушка вдруг объявилась. Написала в соцсети, хотела поговорить. Наверное, денег просить стала бы. Маша её везде заблокировала, хотя Лоренцо уговаривал хотя бы спросить, что Ольге нужно. «Даже если и денег — то ведь смотря на что,» — говорил её глупый муж, который своих родителей обожал. Ему не понять. А потом ведь телефон где-то нашла, дозвонилась — до Италии-то! Маша тогда три дня как родила, ночи не спала, не знала, что с детьми, да еще сразу двумя, делать — ей было не до звонков всяких там. Уже через пару дней вспомнила, что матери ж сорок стукнуло. Она в день рождения и звонила, вроде бы. Неловко как-то вышло.

Маша знала, когда у матери день рождения. Первые годы она даже письма ей писала в этот день и под новый год. Ждала, что она вернётся.

Не вернулась. Даже не приехала ни разу. Обидно. Может, на старости лет в голове у Ольги что-то поменялось?

Маша тогда смотрела на своих сыновей и не понимала, как можно такое чудо не любить. Ведь это же дети! Твоя плоть и кровь, твоё продолжение! Но через три недели поняла. Когда колики сразу у обоих начались. А еще у Энтони аллергия. А Джованно грудь плохо брал. И молока не хватало. Хорошо ещё, муж няньку нашёл, да и донна Тороссо, любимая Машина свекровь, помогала изо всех сил, иначе бы

Маша просто сдохла. Ей очень хотелось это сделать. Лечь на пол и умереть на пару дней.

А Ольга одна была с младенцем. Без няnek, мужа и помощников. В семнадцать, между прочим, лет. А не бросила, в детдом не отдала, растила, как могла. Маша внезапно осознала, что не такая уж пропащая у нее мать.

И позвонила. Сама.

Вот только абонент был не абонент, а в соцсети Ольга и вовсе с того самого сороколетия не заходила.

А потом ещё сестра её бабушки, милейшая старушка, позвонила внучке и стала допытываться, когда Маша последний раз о матери слышала. Потому что Ольга на связь с тёткой не выходит, а они созванивались раньше довольно часто.

Маше поплохело. Какие бы отношения у нее ни были с матерью, быть причиной её смерти не хотелось. А ну как она из окна прыгнула в тот день? Лоренцо, которому жена всё это сбивчиво вывалила, помчался в Москву. Следов не нашёл, зато узнал адрес, где Ольга жила последние годы. В морги и больницы вроде бы донна Виноградова не поступала.

И Маша поехала сама, наверное, вот за этой коробкой с маминими вещами. Наверное, чтобы увидеть на дне старой шкатулки с пуговицами маленькие фотографии матери. На паспорт. Лишние. А больше никаких фотографий самой Ольги и не было, только Машка, Машка, Машка. Машка в Париже, Машка на даче, Машка на сцене.

Скорее всего, Ольга умерла, — решила девушка. — И похоронена была, как бомж.

И в этом её, Машки, вина. Если бы только она в тот день поговорила с матерью!

— Я уверена, что она жива, — не выдержала новая квартирантка. — Ну не плачьте! Жива ваша мама, жива. Только очень далеко отсюда.

— Откуда знаете? — схватила её за руки Машка.

— Не могу сказать. Я живая, и она живая. А мне операцию на сердце сделали...

— При чем здесь это? — Машке было плевать на операции и на корейнку эту.

Бывшая руанская принцесса кусала губы и сама едва не плакала. Как объяснить про переходы между мирами, она не знала, но она сама была дочерью и понимала чувства сидящей с фотографиями в руках девушки.

Маша ушла, сжимая коробку, в глубине которой лежал старый телефон.

Она нашла его уже в гостинице. Зарядила и первым делом залезла в переписки. Вот оно! «Вы одиноки? Ваша жизнь не имеет смысла?»

— *ГДЕ МОЯ МАТЬ?* — написала она крупными буквами. — *Я ПЕРЕДАМ ТЕЛЕФОН В ПОЛИЦИЮ*

— *Да пожалуйста,* — неожиданно пришёл ответ. — *Передавай*

— *Кто вы?*

— *Я — часть той силы, что вечно хочет зла...*

— *Слушай, Мефистофель сраный, где моя мать?*

— *Маша, с Ольгой все хорошо. Она счастлива. Честно.*

— *Чем докажешь?*

— *Да ничем. Просто ты можешь в это поверить. А можешь не верить. Но найти ты её точно не сможешь*

— *И что же мне делать?*

— *Жить. У вас муж, дети. Будьте счастливы, она бы этого хотела*

Потом Лоренцо пытался найти, откуда приходили сообщения, но контакт был заблокирован. Поиски ничего не дали.

А через год вдруг на ее телефон пришло сообщение с незнакомого номера: «У вас родился брат. Назвали Егором. Поздравляю». Маша как-то сразу поверила в это и дрожащими пальцами набрала: «Передайте маме, что я её люблю. Пусть будет счастлива»

Зимний сад (бонус)

Для тех, кому интересно, что же все-таки произошло между льером Субаровым и Еленой.

Егор Матвеевич Субаров, мужчина восьмидесяти с небольшим лет (для магов, хоть и бывших, возраст достойный, но не критический) мало чего боялся в жизни. Когда-то он воевал. Потом пережил страшный взрыв и крушение всей жизни, причем буквально. Потерял всё: магию, карьеру, здоровье, женщину, которую считал женой. Научился с этим жить, хоть было непросто. А вот бояться разучился. Потому что терять ему было нечего.

В самом деле, что можно было у него отобрать? Только жизнь, но ей он не слишком-то дорожил.

А сейчас он стоял у старого особняка с сизой крышей — того самого, на Скобяной улице — и отчаянно трусил. Прошлое вдруг решило вернуться. Надо ли ему это? Тридцать лет прошло. Отболело. Забылось. Полно! Любил ли он вообще? Вечный карьерист, красавец-мужчина, гордый сильный маг, герой войны — женщина была для него лишь статусом. Завоевать самую красивую, самую талантливую, да еще ту, которая отказала самому наследнику престола было, пожалуй, престижно. Ему льстило восхищение общества, радовала зависть. Пусть лучше завидуют, чем жалеют — считал он. Да и женщина была удобной, не чета его жене. Не выносила мозг, не ревновала, не требовала постоянного внимания и подарков. Сразу заявила, что детей не хочет, потому что фигуру бережёт. Да и прима она, нельзя оставлять театральные подмостки даже на пару лет — забудут о тебе, и конец карьере. Тут она, кстати, ошиблась. Елену Гдлевскую вспоминали и по сей день. Она осталась в памяти людей лучшей танцовщицей всех времен. Впрочем, возможно, это потому, что она так трагически погибла на пике своей популярности, и оттого осталась в памяти людей молодой и красивой.

Он был уверен, что не любит Елену, но, зная, что она хочет за него замуж, разыскал свою первую жену и оформил развод. Он был вовсе не против узаконить отношения с льерой Гдлевской. Напротив, его имя

защило бы ее от навязчивых поклонников и от гнусных сплетен. Ему не сложно — все равно он другую женщину рядом представить не мог, а ей приятно.

Тридцать лет прошло. Субаров попытался себе представить постаревшую Елену и не смог. Сколько ей было тогда? Чуть больше тридцати. Самый лучший женский возраст, пора расцвета. До чего ж горько, что ее цветок сломался так рано! Она, наверное, созрела бы, как сочный фрукт, в его руках...

Нет, он не умел тогда любить. Но её смерть стала для него страшным ударом. Он даже о потере магии так не переживал. Первые слова, когда он пришёл в себя и достаточно окреп, чтобы суметь задать вопрос, были о ней. Отчего-то он знал — если она будет рядом, то он справится с любыми сложностями.

Услышав, что Леночки больше нет, он словно провалился в бездну отчаяния. Кому он теперь нужен будет, нелепый калека, без сил, без магии? Ей — был бы нужен. А теперь он и сам себе стал противен.

Субарову пришлось учиться быть слабым. Быть последним. Быть не всемогущим. Уроки давались тяжело, через боль, через отчаяние, порой через слезы. Часто хотелось просто закрыть глаза и умереть. Если бы не сын, неделями сидевший у его постели, он бы так и сделал. В конце концов, яд приготовить можно и без магии. Он ведь был не только маг, но и немного химик, просто это было ему не нужно.

Король (теперь уже не тот король, другой, сын прежнего) из вежливости предлагал ему какие-то номинальные должности, но Егор Матвеевич отказывался. Его и лес вполне устроил, и одиночество стало тем щитом, который спасал его от людей, глазевших на его увечья. Сам он всегда презирал слабость и был уверен, что его тоже презирают и жалеют.

А что скажет Елена, увидев его таким? Старым, слабым, дремучим? Хорошо хоть, бороду подстриг и волосы в порядок привёл, да приличную одежду надел — все же в столице диким отшельником негоже разгуливать. Или сбегать к цирюльнику побриться?

Егор Матвеевич понимал, что сам себе придумывает причины эту встречу отложить. Он впервые за много лет боялся. Поняв, что не в силах сейчас просто взять и постучать в дверь, он решил дать себе ещё немного времени. Обошел дом кругом, раздвигая голые колючие кусты, пачкая ботинки в чавкающей грязи. Прошёл и усмехнулся: за

домом был зимний сад. Он вдруг вспомнил, что Елена рассказывала о своих родителях. Отец построил для матери оранжерею, а та очень любила цветы и выращивала двенадцать сортов роз. По просьбе своей женщины он даже привозил из Руана какие-то саженцы.

Сейчас стеклянный куб был в плачевном состоянии. Некоторые его участки закрыты деревянными щитами, часть стекол треснула, но все ещё держалась. За стеклами буйно зеленело и розовело, а возле входа в зимний сад криво стояло деревянное кресло с большими колёсами.

Все сомнения вмиг схлынули. Всё это правда. Она жива и она искалечена. А это значит, что бы ни было в прошлом — она нуждается в помощи здесь и сейчас, и уйти будет не просто малодушно, а подло и мерзко. Такого он себе никогда простить не сможет.

Толкнул дверь, вдыхая тропическую влажность, опустил взгляд на женщину в испачканном переднике, сидящую на каком-то крошечном табурете. Женщина подняла на него изумительной красоты глаза: те, цвет которых он когда-то сравнивал с лучшими изумрудами Кабульи, те, в которые он снова провалился. Елена открыла было рот, а потом закрыла лицо руками, отворачиваясь.

Два шага — и он уже перед ней на коленях.

— Ты жива, — просто сказал он.

Елена молчала.

Субаров поднял дрожащую руку и убрал волосы от её лица. Некогда золотисто-русые, они были сейчас абсолютно белыми.

— Олененок, посмотри на меня, пожалуйста, — тихо попросил он.

— Я старая и страшная, — сипло прошептала женщина, не отрывая ладоней от лица.

— Я тоже не красавец, — хмыкнул он. — Я ведь тебя старше. Сильно.

— Ты для меня всегда красивый, — тихо ответила Елена, убирая руки и осторожно касаясь его волос — таких же белых, как её собственные. — Зачем ты пришёл?

— За тобой. Ольга рассказала.

— А зачем?

— Чтобы прожить рядом с тобой остаток жизни.

Ему было совершенно ясно, что теперь он не сможет не глядеть в эти глаза. Всё-таки он любил ее тогда, и воспоминания о ней любил.

Субаров, наконец, огляделся вокруг. Кусты полыхали и благоухали. Там, за треснутыми стёклами, еле-еле пробивалась первая трава, а здесь все цвело. Он даже подумал, что рядом с ней всегда было так — ярко, пышно и светло. А без неё — холодно и тускло. И дело было не в ее магии, а в нем самом.

Елена взмахнула кистью — он узнавал этот жест, полный театрального изящества. Когда-то его раздражала ее манера постоянно играть какие-то роли, всегда вести себя, словно на сцене, но теперь он радовался каждой мелочи. А она ведь и в самом деле осталась потрясающе красивой, несмотря на ниточки морщин под глазами.

— Егор, прости, но тебе придётся мне помочь подняться, — опустила она ресницы. — Я ходить не могу. Ты ведь знаешь об этом?

— Знаю, — ответил Субаров, с некоторым трудом поднимаясь и подхватывая ее на руки. Физически он все ещё был крепок и силен, а она всегда была хрупкой как птичка. Ему не составило никакого труда донести Елену до дома.

Она вдруг засмеялась серебряным смехом и пояснила в ответ на его недоумевающий взгляд:

— А все же мы даже теперь созданы друг для друга.

Он кивнул, соглашаясь. Та же мысль промелькнула в голове и у него.

— Можно, я останусь у тебя навсегда? — спросил он у Елены.

— Вот так сразу? — растерялась женщина.

— А чего тянуть? Я и так потерял слишком много времени.

— Егор... я не готова.

— Ты меня разлюбила?

— Я думала, что ты... оставил меня.

— Я думал, что тебя больше нет.

— Мне нужно привыкнуть к тому, что ты рядом.

— Хорошо. Привыкай. Я не напрашиваюсь в твою спальню.

— А это бесполезно, — криво улыбнулась бывшая танцовщица. — Я ниже пояса ничего не чувствую.

— А я слишком стар, чтобы меня это волновало.

Они оба лукавили. Субаров был бывшим магом и в физическом плане был абсолютно здоров. А льера Гдлевская при виде своего

возлюбленного жмурилась от ощущения бабочек в животе. Ей казалось, что он стал даже красивее, чем в юности. И борода ей нравилась, и длинные волосы. В конце концов, она всегда заглядывалась на мужчин постарше!

Он все же остался, не в силах её сейчас покинуть, жадно разглядывая изящные руки, ловя привычные черты и жесты и с каждым мгновением узнавая ее прежнюю. Он видел, что дом ее нищ и запущен, и мгновенно вспоминал, что у него есть ненужная недвижимость в столице, а на счет в банке тридцать лет поступает вполне приличная пенсия, которую он и не трогал вовсе.

Субарову казалось, что он понял, что такое любовь. Это не только страсть, не только огонь и счастье, но еще и дождь, и зимний сад, и абсолютное принятие другого человека. Кажется, он все же умел любить.

Конец